

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

АнтиМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

**КАРДИНАЛ
В СЕРОЙ
ШИНЕЛИ**

**КАРДИНАЛ
В СЕРОЙ ШИНЕЛИ**

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

КАРДИНАЛ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ

ЭКСМО
МОСКВА
2012

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
К 65

Оформление серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Дубовика*

Конторович А. С.

К 65 Кардинал в серой шинели / Александр
Конторович. — М. : Яуза : Эксмо, 2012. —
320 с. — (АнтиМиры. Фантастический бое-
вик).

ISBN 978-5-699-54503-2

Он сменил серую милицмейскую шинель на рыцарские доспехи, а современную Москву – на «перпендикулярный мир» Меча и магии. Он выжил среди «ужасов Средневековья», по сравнению с которыми даже Афганская война вспоминается как курорт. Он восстал против всемогущего ордена наемных убийц, решив изменить этот мир не просто «огнем и Мечом», а собственной кровью. Он готов заплатить за победу любую цену..

Новый роман от автора бестселлеров «Черные бушлаты», «Рыцарь в серой шинели» и «Лорд в серой шинели»! Кульминация «серого» цикла, задавшего новые стандарты жанра. Сверхпрочный сплав «героической фэнтэзи» с фантастическим боевиком. «Попаданец» в серой шинели принимает последний бой.

УДК 82-344

ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-699-54503-2

© Конторович А.С., 2012
© ООО «Издательство «Яуза», 2012
© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

— Становись!
И, лязгнув металлом, шеренга солдат опускается на колени.

Снова лязг — и над поставленными на землю щитами вырастает густой лес пик. Их задние концы уперты в землю, а древки укреплены в специальные выемки на верхнем крае щитов.

Хриплая команда — и вторая шеренга солдат вскидывает арбалеты.

А на их плечах уже лежат пики третьего ряда.

М-м-да... тот еще ежик получается.

— А скажите мне, капитан, — поворачиваюсь я к командиру отряда. — Отчего у вас вторая шеренга с арбалетами, а не с копьями? Вы же, как я понимаю, против конницы выстроились?

— Нет, милорд, — отрицательно мотает он головой. — Это против пехоты построение. Против кавалерии, как вы правильно заметили, пики держат оба первых ряда. И арбалетчики стреляют по верху голов солдат второго ряда. Цели-то крупные, видно их хорошо. А в данном случае, пока пехота не подойдет близко, можно пренебречь тем, что пики третьего ряда иногда будут отклоняться от прямой линии. Зато последний залп арбалетчики сделают почти в упор, выбив самых сильных бойцов противника. И уже после этого уйдут в глубину строя. Пехотинцы же третьего ряда не так устанут, держа свое оружие на

весу. Они смогут действовать своими пиками со всей силой.

— Вот как? Интересно... не встречал я такого построения раньше... Сколько же надо готовить солдат, чтобы они действовали настолько слаженно, как ваши?

— Год! Это в самом лучшем случае! Если учить уже опытных бойцов.

Краем глаза вижу утвердительный кивок барона.

— Вы согласны с капитаном, Лэн?

— Да, милорд! Его солдаты действительно очень неплохо обучены.

— И пробить такой строй...

— Можно, конечно. С очень серьезными потерями. Все, что сделано руками или построено человеком, можно сломать, милорд. Но иногда — очень дорогой ценой. Как в этом случае.

— Так, значит, отряд капитана...

— Стоит тех денег, которые он за них просит.

— Ну, что ж, капитан Байер! Считайте себя принятым на службу.

— Как обычно, милорд?

Слава всевышнему, меня успели просветить на этот счет. Так что полным лопухом я уже не выгляжу.

— Да, капитан. Один год и один день. Оплата вам пойдет с завтрашнего дня. Поступаете под командование барона Вольте.

Лэн вежливо наклоняет голову.

Капитан вытягивается и резким кивком головы приветствует своего командующего.

— По всем вопросам, Байер, можете обращаться к барону. В исключительных случаях, если он отсутствует или очень занят, ко мне или к сержанту Лексли.

— Сержанту? — капитан явно удивлен.

Лексли поворачивается боком, демонстрируя кошачью морду на рукаве, и Байер понимающе наклоняет голову.

— Я все понял, милорд...

Лязгая железом, колонна солдат втягивается в ворота. Неплохо! Каждый бы день такие гости...

Худо-бедно, а две сотни солдат (и неплохих солдат!) у нас еще прибавилось. Сотня копейщиков, шестьдесят мечников и сорок арбалетчиков — тот еще подарочек для непрошенных гостей!

Этот отряд привели монахи. Обычные наемники, но хитропоп отчего-то был в них уверен. Не буду спорить, я уже не раз убеждался, что в таких вот вопросах он обычно не ошибается. Так или иначе, а только хорошо обученных солдат у нас собралось уже почти семь сотен. Из лесов по зову барона пришли лучники. Не так много, как я ожидал, но стрелки это были... Даже Лексли крикнул от зависти! Что вообще-то было очень редким явлением!

Работали эти парни не только луками. Арбалеты тоже у многих имелись. Не помню уже, сколько по нашим правилам (в смысле — земным правилам, современным) лучнику надо было держать в воздухе стрел. Пять, шесть?

Но эти парни запросто держали четыре. То есть, пока первая стрела еще не упала на землю, лучник выпускал уже четвертую. Причем это делали все! А некоторые и пять штук ухитрялись подвешивать. И это была не торопливая стрельба куда попало! Все стрелы, упав на землю, втыкались недалеко друг от друга. Так что и собирать их было легко. Да и по лесу эти ребята ходили знатно. Тихо и незаметно. Посмотрев

на их упражнения, я распорядился заказать сразу три воза стрел. Таким стрелкам они точно не в нагрузку будут.

Так, общими трудами, замок понемногу начал походить на то, чем он изначально и должен являться — на крепость. Уже грозно поблескивали на стенах копы стражников. Покачивались на цепях котлы со смолой. И ветерок ворошил растопку в дровах, сложенных под ними. Щедро стимулируемые медяками, таскали бульжники на стены местные сорванцы. Будет что сбросить на голову слишком уж назойливым визитерам.

Стараниями управляющего пополнялись замковые кладовые. Там и без того добра хватало, но Логен, получив недвусмысленный руководящий «одобрямс», развернулся во всю ширь своей души. Одного вина привез откуда-то чуть не два десятка здоровенных бочек! На мой недоуменный вопрос он кивнул в сторону Котов.

— Они сказали мне, что во время осады вином разбавляют воду, чтобы солдаты не заболели от плохого питья!

— Э-м-м... Но в замке два источника с водой! И цистерны есть. Огромные — хоть купайся!

— Я тоже так думал... — смущается он. — Но господин сержант... он сказал, что я не прав...

Лексли!

Любитель халявной выпивки!

Ну, погоди... уж я тебе припомню эту воду!

— Логен, — беру я управляющего под руку, — сколько бочек с вином у нас в подвалах?

— Э-э-э... около двухсот, милорд!

— А чем таким отличаются вот эти, что я перед собою вижу?

— Они больше, милорд!

— Намного?

— По сравнению с обычными бочками — раза в два. Но дело не только в этом! То вино, что я привез, оно с Андальских виноградников!

Похоже, что я окончательно отстал от жизни — мне это название ничего не говорит. Но руководящий втык я все равно сейчас кому-то обеспечу...

— Откуда, Логен?

Мирна!

Подошла тихонько, действительно как маленький котенок

— Э-э-э... с Андальских виноградников, миледи!

Вот как? Слуги уже именуют ее таким образом? Вообще-то это мне укор! Расслабился, понимаешь... совсем совесть потерял! Война да мордобой, а про девушку забыл! Ладно, я сам — какой-никакой, а законный лорд! А вот она? В каком качестве тут пребывает? А ведь ей уже рожать скоро!

— А с каких именно, Логен? С нижних или...

— С верхних, миледи! С верхних! Сержант мне особо это подчеркивал!

— Тогда распорядитесь поднять одну бочку ко мне в мастерскую. И перелейте его в бочонки поменьше.

— Слушаюсь, миледи!

Комкая в руках шапку, он низко мне кланяется и вопросительно смотрит на бочки. Ладно уж... повезло кое-кому...

Получив мое соизволение, управляющий исчезает, а я поворачиваюсь к сероглазке:

— Слушай, а чем таким особенным интересно именно это вино?

— На верхних виноградниках растет очень редкий виноград. Вино из него обладает целебными свойствами, а вот пьянит не так сильно, как обычное. В старое время короли снабжали им свою гвардию, чтобы те были более сильными и здоровыми. И неукротимыми в бою.

— А сейчас? Уже не снабжают?

— Дорого. В казне мало денег. Во всяком случае, так говорят.

— Ага! Значит, надо и Старику послать парочку бочек! Или даже больше... у нас их тут два десятка как-никак! Не надо быть совсем уж зажавшейся свиньей!

— Ты не свин! — Маленькая ладошка нежно гладит меня по щеке. — Просто у тебя очень много всяких дел...

— Ну, да! И оттого я так на тебе и не женился официально! Ну, ничего, вот уж эту-то ошибку я исправить могу!

• Она убирает руку и смотрит на меня каким-то усталым взглядом.

— Ты все-таки это сказал...

В следующую секунду мое плечо намочило от ее слез.

— Ну, что ты? Что ты? — осторожно придерживаю ее голову и поглаживаю неуверенной рукой по затылку. — Ты чего? Все хорошо, я рядом!

— Я так ждала этого момента... и так боялась...

— Отчего же?

— Серые не женятся и не заводят семью.

— С чего ты это взяла?

— Все это знают.

— Ну, а я такой вот, весь из себя необычный! Да и кто сказал, что это непреложный закон? Давай главопа на эту тему поспрошаем!

Надо сказать, что и Эрлиха я своим вопросом немало озадачил. Минуты две он сидел молча, собираясь с мыслями. Потом его лицо просветлело.

— То есть, сын мой, ты хочешь, чтобы я освятил ваш союз?

— Ну, а как это еще тут называется? Освятил, обвенчал... я хочу, чтобы Мирна стала моей законной женой!

— Хм... Серый рыцарь в церкви... это было. А вот чтобы церковь провела над ним обряд... — Он возбужденно вскакивает с лавки. — Да! Сам Господь вложил в твою голову эту мысль!

Разве? Я-то вообще был уверен в том, что на эти мысли меня натолкнул управляющий. Но... епископу, в конечном итоге, виднее. Он к Богу ближе, стало быть, ему в этом вопросе и окончательные выводы делать.

Но прислушавшись к словам Эрлиха, я начинаю понимать, какой я, в сущности, еще дилетант в политике. Со слов епископа выходило примерно следующее...

Согласившись быть обвенчанным в церкви, я тем самым косвенно признавал ее верховную власть. Пусть и не абсолютную, но все же... А вот ей я давал в руки мощнейший аргумент для пропаганды. Официально причислив Серого к своей пастве, попы признавали всех моих коллег (как прошлых, так и последующих) однозначно стоящими на стороне добра. Пусть и с некоторыми завихрениями. Бывает... никто не совершенен... Помимо этого, таким вот шагом Церковь безоговорочно отбирала у короля инициативу. Теперь уже он, отзывая свои войска и препятствуя им оказать мне помощь, становился в весьма двусмысленную позу. Если попы однозначно признают меня своим и стоящим на стороне добра (а иначе не обвенчают), то на чьей стороне тогда стоит король?

Косвенно он потакает силам зла. И как ни поверни, а по-другому не получается.

Немало подивившись такой вот трактовке обычного, в общем-то, явления, задаю вопрос в лоб — когда?

Здесь Эрлих был непреклонен.

— Церемонию над таким человеком должен проводить один из высших иерархов Церкви!

— То есть вы?

— Нет. Во всяком случае — не я один. Разумеется, мы напишем епископу Гройнену и попросим его прибыть сюда незамедлительно! Ты не представляешь, сын мой, насколько много будет это значить для простого народа!

Да уж... не такой я лопух, ваше преосвященство! Отныне все мои действия разом выводятся из-под определения колдовства! Какое этому попы придумают объяснение, не знаю. Но уверен в том, что уж за этим-то дело не станет... головы у них работать могут! Так что, любезный Эрлих, не только на вашей улице праздник! У меня их — так сразу два! И женат, наконец, на любимой женщине, да и не колдун, даже и не подозреваемый в этом деле... Есть повод для веселья!

Неожиданно близко к сердцу воспринял эту новость Лексли. Нет, я знал, что все Коты очень к сероглазке расположены, но не предполагал, что уж до такой степени! Как ни стремился я сделать это событие чисто «семейным», так сказать — хрена у меня вышло! Замок загудел, как разворошенный муравейник. Блин, тут война на носу, каждый день по окрестностям мотаемся, а они... Но неожиданно оказалось, что мне лично ничего особенного делать и не надо. Так, явил пару раз озабоченную морду перед лицом городских

и сельских властей, покивал с умным видом, одобряя их приготовления, — и снова по лесам скакать. Как оказалось, горожане тоже изъявили желание поучаствовать в данном торжестве. Благо что саму церемонию решено было проводить не в замковой часовне, а в городской церкви. Она и размерами побольше, да и для этой цели подходит куда лучше, чем часовенка у меня в крепости.

Мирну теперь все время окружала целая толпа каких-то теток, которые постоянно чем-то ее отвлекали.

В один прекрасный день меня отловил в коридоре один из наших спецмонахов.

— Милорд! На пару слов...

Брат Рон оттаскивает меня в сторонку.

— Ну, чем ты меня решил нагрузить? Не лорд — а вьючная лошадь! Кто только не сваливает на меня свои проблемы!

— Могу ли я просить вас уделить мне несколько минут?

— А что я сейчас делаю?

Он выводит меня во двор. Здесь, в тенистом уголке, сидят трое молоденьких монашек, во главе с почтенной матроной в монашеском одеянии. Увидев меня, они степенно поднимаются.

— Сестра Марта, — представляется матрона.

— Очень приятно, сестра! Рад вас видеть у себя в гостях!

— Увы, милорд! Гостить мы у вас, возможно, и будем, но это произойдет еще не скоро...

— Э-м-м... Брат Рон, может быть, ты пояснишь мне, что бы это все означало? А то я как-то вот и не врубаюсь сразу...

— Охотно, милорд. Про наш орден вы уже знаете...

— Ну, яшень пень! Немудрено, если каждый божий день вижу вас перед глазами.

— Так вот, милорд, в нем есть и женщины...

— А детского отделения у вас там, случаем, не предусмотрено?

— Надо подумать, — на полном серьезе отвечает мне спецмонах.

Смотрю в его серьезные глаза и проглатываю шутку насчет ясельного отделения. С них, пожалуй что и станется...

— Так вот, милорд, — продолжает брат Рон. — Эти сестры будут находиться около Мирны.

Постоянно. Ничьего подозрения это не вызовет.

— А не проще приставить к ней парочку Котов?

— И они спасут ее от арбалетного болта?

— Ну... для такого случая есть шкура этого... как его...

— Мирна будет ходить в ней постоянно? Тогда двух Котов явно недостаточно.

— М-м-да...

— Не стоит провоцировать наших врагов к нападению издалека. Пусть подойдут поближе...

— Хорошо. Допустим, что они подошли. Ну, совсем уж дуболома двухметрового не пошлют... но вот нормального, крепкого мужика — очень даже возможно. И что сестры с ним сделают? Ведь им нельзя проливать кровь? Как и любому монаху?

— В исключительных случаях — можно. На этот счет есть специальная энциклика...

— Ладно — уговорил! Давай-ка Лексли кликнем.

Через двадцать минут он приводит двоих Котов.

Рон оглядывает их и кивает.

— Сестра Магда...

Встает одна из молодых монашек.

— Да, брат Рон.

— Покажите...

Монашка выходит вперед.

— Я вас попрошу... коснуться меня.

— Чем? — интересуется старший из пришедших Котов.

— Все равно...

Он пожимает плечами... и на солнце молнией вспыхивает меч! Сверкающая полоска стали устремляется к монашке, и мне на секунду становится страшно. Йайдзюцу в чистом виде! Я бы вот так и не сумел, пожалуй!

Бдзынь! Ш-ш-ш!

И, описав дугу в воздухе, клинок отлетает в сторону! Кот не выпустил его, но так это же Кот! Любой другой на его месте, да и я сам, уже разглядывал бы пустые ладони.

Сестра Магда опускает руки, и широкие рукава ее одеяния, соскользнув вниз, скрывают металлические наручи на предплечьях. Или я рыжий — или эти фокусы из арсенала настоящих ниндзя. Точно, я про это где-то читал... Да, наши миры пересекались частенько, раз монахи используют такие штучки.

— Впечатляюще... а ежели голыми руками попробуют?

— Показать, милорд? — поворачивается в мою сторону монашка.

— Да ладно... верю. Брат Рон, а вот то, что я вам показывал...

— Уже изучают. На это требуется время, как вы понимаете, милорд. Но сестрам наши записи передали, так что можете не переживать на эту тему.

— Убедил. Мирне сами скажете?

— Да, милорд. Не беспокойтесь об этом.

Ну вот, еще один кирпич с души. Я и вправду уже не раз думал о том, что, ставя себя по привычке на место моих оппонентов, не нахожу более уязвимо-го участка своей обороны. Сероглазка по-прежнему ездит по округе. Сопровождение ей, конечно же, выделили — двух стражников из числа людей барона. Но надо четко понимать, что против внезапного нападения из засады это не катит. А вот такое незаметное и вполне логичное сопровождение — самое то. И вопросов никаких не возникнет ни у кого, да и интереса нездорового не вызовет. Монахи в последнее время тут вполне себе примелькались. Стали совершенно обыденной частью окружающего пейзажа. Станут ими и монашки, тем более что их совсем мало. А по подготовке своей они очень даже ничего... Да и личики... тоже вполне себе соответствуют. Опять же — монашки, стало быть, и кобеляжа ненужного со стороны окружающих не будет. Ряса, она, знаете ли, малость дисциплинирует... и спрятать под ней много чего можно.

Продолжая прерванный путь, забегаю к нашим кузнецам.

Надо сказать, что, сидя вечерами за обдумыванием различных аспектов предстоящей нам войны (а в том, что таковая последует, никто и не сомневался), мы совместными мозгонапрягательными трудами измыслили-таки некоторые незначительные новшества в нашем снаряжении и вооружении. На значительные просто не хватит никаких сил. И времени — вот это самое основное, в чем у нас дефицит.

На пороге кузницы сталкиваюсь с Гантом — он у нас тут за главного. Мужик степенный и уже в возрасте — под полтинник. Для этого времени — почти старик! Но крепкий и жилистый. Молот в руке держать еще может и зоркости глаза пока не утратил. Помимо

традиционного уважения к лорду, он испытывает ко мне еще и вполне профессиональное почтение. Вот уж не думал, не гадал, что мои отрывистые и несистематизированные знания о некоторых аспектах металлообработки принесут здесь пользу. Да еще какую! Поначалу мои слова вызвали у него только вежливую улыбку. Мол, мели Емеля — твоя неделя! Но по мере того, как он вникал в них, эта улыбка из вежливоснисходительной постепенно перерастала в удивленно-уважительную. Дядя врубался... Врубившись же в тему, стал моим горячим сторонником.

— Здорово, мастер! — хлопаю Ганта по плечу. — Чем порадуешь?

— Вот, — подводит он меня к верстаку. — Посмотрите сами, милорд...

На нем лежит добротная, крепко сделанная кольчуга. В падающем свете тускло поблескивают вороненые кольца густого плетения.

— Впечатляет! А как удар держит?

— Получше старых, милорд! А если поверх вашего поддоспешника надевать — то еще больше это видно. Мы свинью в этой кольчуге на полном серьезе мечом рубили!

— И?

— Померла, конечно... Но в старой кольчуге такой же боров вообще с первого удара скопытился. Так что, не сомневайтесь, милорд, завтра же всех подмастерьев за работу усажу. Начнем с баронских солдат, потом и за остальных примемся.

Идею амортизирующего поддоспешника я самым нахальным образом скоμμуниздил у изобретателей бронезилета «Грань». Довелось мне его в свое время отстреливать. Вот и поговорил с изобретателями... А однажды — так на собственном горбу испытал. Выезжал вот как-то на задержание. В этом самом броне-

жилете. Я тогда видеокамеру на плече таскал. Была у нас одно время такая вот мода — криминалистов на совместные задержания высылать, чтобы все на видео фиксировали. Так же быстро она и закончилась, ибо толку от этих съемок оказалось немного. А уж когда помимо моего случая еще пара-тройка ребят свое огребла... и вовсе на нет сошла.

В этот же раз, забегая следом за ворвавшимся в здание ОМОНОм, я совершенно закономерно зевнул уцелевшего бандюка. Закономерно оттого, что здоровенный «Панасоник М7» полностью перекрывал весь обзор справа. А в видеоискатель камеры, да еще и в полумраке, ни хрена видно не было. Что уж там подумал бандюган, увидев забегающего с какой-то здоровенной хренью на плече мужика, неизвестно. Но со страху он выпустил по мне остаток магазина. Попал тремя пулями. В грудь. Вот и полетел я кубарем назад. Причем гораздо быстрее, чем входил. Порвал на заднице брюки (новые, блин, только купил!). И все. В смысле что только этим и ограничилось. Бронежилет пули не пробили. Синяк, понятное дело, остался. Поперхал я недельку, на сем это и завершилось. Даже ребра не треснули, что было вообще удивительно. Спецы-конструкторы мне тогда объяснили, что все дело в особой конструкции бронежилета, которая распределяет удар по большей площади, чем это обычно бывает.

Вот и предложил я недавно Ганту наряду с некоторыми мыслями относительно закалки и качественного воронения поверхностей, еще и такой вот поддоспешник сварганить.

И теперь смотрю на результат...

— Ну, что? Могу тебя поздравить, мастер!

Есть с чем! Если все у нас закончится нормально, то ему теперь до конца жизни работы хватит. Подоб-

ные вещи тут еще не скоро делать станут. Стало быть, один монополист уже появился. Так сказать, местный Крупп. Ну и ладно, Гант дядька правильный и серьезный. Уважаю таких специалистов.

— Барон видел?

— С утра еще заходил. Бочонок вина прислал, от себя. Сказал, что окажет любую помощь, лишь бы мы скорее работали.

Ну, главнокомандующего понять можно. Лэн далеко не новичок в военном деле и понимает, что значит хороший доспех. Ну, и ладно. Здесь уже и без меня все на мази, пусть кузнецы работают. Помощь им барон окажет, какую потребно, глядишь — и уменьшим свои потери. Хоть на чуток, так и это уже хорошо. Чуток здесь, чуток там... С миру по нитке — нищему на «мерс»! Каждый бы день такие вот новости!

Нетерпеливо ожидаемый нами епископ прибыл через четыре дня.

Заранее предупрежденные охраной, мы все вышли к воротам, чтобы его встретить.

Даже на первый взгляд прибывшему было... старый он, а по местным меркам — так вообще уже патриарх. Судя по тому уважению, которое выказывали при общении с ним епископ и его сослуживцы, авторитет у деда и вовсе заоблачный. На моей памяти так даже и президента не приветствовали. Причем было видно, что это уважение отнюдь не дань возрасту или должности. Формально так они с Эрлихом и вовсе равны. Но... это формально. Насколько я уже успел уяснить, кого-то вроде папы или патриарха тут не имелось. Все серьезные вопросы решало собрание епископов и архиепископов. Но последних было всего трое. И находились они вообще где-то в недосягаемой дали. Да и

собраний за всю историю Церкви насчитывалось не так уж и много. Созывы их, даже и по чрезвычайным обстоятельствам, являлись делом весьма хлопотным и долгим. А в этом королевстве самым авторитетным церковным деятелем был как раз наш гость.

Эрлих и прочие служители Церкви подходят под благословение старика. На удивление, он оказывается весьма живым и расторопным. Скупые движения его очень точны и выверены.

Ну, вот и моя очередь подошла.

Вежливо приветствую почтенного гостя. Благословив меня, он неожиданно кладет мне руку на плечо.

— Сын мой... надеюсь, дела твои могут обождать хоть немного?

— Да, ваше преосвященство. Не волки, в лес не убегут.

Он удивленно приподнимает кустистые брови.

— Как это?

Поясняю ему смысл старой пословицы.

Гройнен поджимает губы.

— Да... тот, кто это придумал... явно не относился к образцам трудолюбия.

— Это вы, ваше преосвященство, еще и других таких пословиц не слыхивали! Представляю себе, как бы вы охарактеризовали тогда тот мир, откуда я к вам попал!

— Уж лучше и не пробовать, — соглашается епископ. — Проводишь старика?

— Охотно, ваше преосвященство. Что хотите посмотреть?

— Ну... в тот подвал я сейчас не пойду. Стар я... так сразу на это решиться трудно. Мне надо укрепить свою душу и сердце. А вот поговорить с тобой, сын мой, хотелось давно.

Повелительным жестом он останавливает прочих встречающих, и мы с ним вдвоем неторопливо идем по двору замка.

— Расскажи о себе, — говорит епископ. — Разумеется, я читал то, что мне присылали. Но одно дело — читать чьи-то отчеты и совсем другое — говорить с живым человеком.

— Что же вы хотите обо мне услышать, ваше преосвященство?

— Но ведь ты не упал с небес сразу таким, каким я тебя вижу? Где-то же родился, жил, что-то при этом делал?

— Хм... ну да, это так. Но в моей жизни нет ничего особенного... Служил в армии, воевал, потом ловил убийц и воров... Обычная жизнь.

— Ткни пальцем в любого здешнего крестьянина и убедишься, что он и за всю свою жизнь не только не испытал ничего похожего, но о большинстве таких вещей даже и не слыхивал! Говори, я тебя слушаю...

Свита епископа и все встречающие их лица уже давно ушли в замок. А мы с ним все еще прохаживались по двору. Даже на стену поднялись. Тут уже старик присел на лавку, все-таки возраст давал себя знать. По моему знаку часовой сбегал на кухню и притащил оттуда баклагу с квасом. Опробовав его, Гройнен удовлетворенно кивает — понравилось!

— ...ну вот, как-то так все и происходило... — заканчиваю я, наконец, свое повествование. — Утомил я вас такими подробностями, святой отец?

— Не скажи! — неожиданно живо возражает он. — Твоя жизнь... знаешь, это только на первый взгляд неинтересно! Тебе неинтересно, ибо ты ее прожил. А вот для меня, для всех нас! Тут много чего можно полезного понять. Не принципы устройства каких-либо машин и механизмов, это хоть и важно, но да-

леко не самое главное. Вот то, как вы жили... и почему именно так, а не иначе? Тут есть над чем подумать... Многое из того, что ты рассказал, я принять не могу! Даже и мысленно!

— Ну, ваше преосвященство, я тоже здесь не всему был рад!

— Например? — Он вопросительно наклоняет голову набок.

— Да хоть эти ваши порядки относительно розыска преступников! Думаете, приятно сидеть в камере, сознавая то, что ты сидишь тут абсолютно несправедливо?

— Согласен с тобой, неприятно. И очень тяжело.

— Ну, можно подумать, вам самому так приходилось отсиживать!

— Приходилось.

— Да ну?!

— Пять лет.

— Э-э-э...

— Дед нынешнего короля заточил меня в крепость. Официальная причина — участие в заговоре против короны. Твои же Коты меня туда и привезли.

— И Церковь смолчала?!

— Я был тогда молодым человеком. Наследником древнего рода. И позволял себе многие высказывания, которые не нравились королевским чиновникам. Хотя, по правде сказать, заговора не было. Были глупые речи молодых сорванцов, ненужная бравада и фанфаронство... А тогдашний король был жестким и бескомпромиссным властителем. Вот нас всех и упрятали... на некоторое время. Кому-то хватило года.

— А вам?

— Видимо, меня сочли слишком упрямым... Тогда я и пришел к своему служению. Многое осознал и понял...

— И простили своего обидчика?

— Я короновал его внука, теперешнего короля.

— Однако! — чешу затылок. — Вот уж не ожидал! Мне бы ваше терпение... А то вот рублю сплеча, даже и не задумываясь. Наверное, как-то иначе можно...

— Можно. Только надо понимать, когда и как именно.

— И вы понимаете?

— Увы... — разводит руками епископ. — Тоже далеко не всегда.

— Но как же вот так вышло, что вы стали епископом? Я-то думал, что к этому надо всю жизнь идти.

— Так я и сейчас на месте не стою. Учиться, сын мой, никогда не поздно.

— Блин, но не сидя же пять лет в тюрьме! Наверное, как-то иначе можно?

— У всех по-разному. Каждый из нас приходит к служению по-своему. Больше половины наших епископов пришли в Церковь уже вполне сложившимися личностями. Да взять хотя бы и молодого барона Ройгена!

— Кого?

— Епископа Эрлиха. Он пришел в Церковь с военной службы. Тогда он был капитаном, причем одним из самых молодых! Мало кому удавалось продвинуться по службе так быстро!

— Так он бывший военный?

— Тяжелая панцирная конница. Командовал там отрядом всадников.

— Ничего себе! Боевой мужик, оказывается!

— Как и половина высших иерархов нашей Церкви. Видишь ли, сын мой, от слова военачальника зависит жизнь его отряда. А от слова священника... иногда зависит гораздо больше. Не только жизни людей! Не научившись подчиняться — не станешь командиром.

Не можешь командовать сотней — не берись за тысячу!

Да... под таким углом зрения я на здешних попов как-то и не смотрел. Теперь некоторые непонятные мне ранее вещи становятся более объяснимыми. Ясно теперь, откуда в Церкви появились спецмонахи с их жесткой дисциплиной и иерархией. Хм, а вот воинских подразделений у них нет! Хотя, вполне могу себе представить, какими они были бы!

— Да уж, ваше преосвященство, озадачили вы меня! Не знал я таких вот подробностей!

— Отчего ж не спросил?

— А рассказали бы?

— Ты на одной стороне с нами. Один у нас враг, стало быть, нет причин чего-то от тебя скрывать. Церковь как организация рискует меньше. Не раз уже терпели мы поражения, но всякий раз снова поднимали голову. А у тебя жизнь одна... и не очень-то она легкая и приятная. Есть что терять.

— Спасибо за откровенность, ваше преосвященство. При случае спрошу кого-нибудь. Если увижу что-то непонятное.

— Спрашивай. А сейчас... наверное, надо идти к тем, кто нас давно уже ожидает. Ты прав, сын мой, времени у нас мало, а дел много. Да и к дождю дело идет, лучше уйти под крышу.

— К дождю?

— Посмотри на зубцы «каменной вдовы», видишь — они подернулись дымкой? Значит, скоро будет дождь.

— «Камённая вдова»? Кто это?

— Ты не знаешь? — удивляется Гройнен. — Да вот же она — перед тобой!

Его сухая рука указывает на старую башню.

— Э-м-м... А я и не знал, что у нее есть свое имя!

— Так что же тебе не рассказали об этом прошлые жители зам... прости старика, совсем запамятовал! — Он совершенно по-стариковски качает головой. — Все верно, кому было рассказывать-то?

— И что, рассказ был бы интересным?

— Да как тебе сказать... Про эту башню сложено множество легенд. Как ты думаешь, давно ли она здесь стоит?

— Ну... она старше других построек замка. Лет на пятьдесят, я полагаю.

— На сто.

— Ого!

— Ты заметил, что она отделена от остальных построек?

— Разумеется! Стена и ворота в ней. Даже под землей двери есть.

— И что, все они запираются снаружи?

Опаньки, а вот этого-то я и не усек! Вернее, не совсем так. Увидел, но внимания особого не обратил. А сейчас выходит, что обитатели замка отгораживались от башни? Да... никакого другого объяснения такому расположению запоров просто больше не найти. И эта система затопления коридоров... тоже ведь не просто так придумана, надо полагать.

— Ваше преосвященство, а для чего такие сложности? Башня эта, что, кому-то другому принадлежала? Не хозяину замка?

Епископ встает и начинает спускаться вниз по лестнице.

— Видишь ли... я и сам, признаться, немного об этом знаю. Но башня простояла запечатанной шестьдесят лет! Тогдашний епископ наложил запрет на ее посещение, и надо думать, что у него были для того причины. Были заперты и опечатаны все ворота и

двери, перекрыты коридоры, ведущие к ней под землей. Некоторые — так и вовсе засыпали.

— Но почему? Эта башня — отличная оборонительная позиция!

— Знаю. Но на замок никто уже не нападал более ста лет. Те, кто хотел это сделать, отчего-то быстро отказывались от такой мысли. Если успевали до этого дожить.

И неудивительно, если вспомнить про то, что находится в его подвалах. Уж силенок на то, чтобы отвести превратности войны от своего святилища, Молчашие точно не пожалели бы. Скорее всего — и не жалели.

— Так отчего же башня открыта сейчас?

— Предок графа Дарена обратился к епископу с такой просьбой. Прибыл священник, отслужил службу, и печати сняли.

— Ну, вот, видите? Ничего же не произошло!

— Угу. Если не считать того, что это место не рекомендуется посещать женщинам. Она ревнует...

— Да ладно...

— Ни одна из жен графов не могла родить дитя в этом замке. И никакая другая женщина тоже не смогла это сделать. В другом месте — пожалуйста. Те же, кто попробовали, о ч е н ь об этом пожалели. Принести сюда новорожденного... тут тоже не все понятно. Кто-то считает, что это хорошо, другие говорят обратное.

Так! А вот это — звоночек! И весьма настораживающий! Заходила ли Мирна в башню? Нет. И это я помню совершенно точно! Ей всегда было не по душе это строение. Даже кровать нашу перевернули так, чтобы не видеть башню из окна. Однако же... ей вскоре рожать!

Делюсь с епископом своими сомнениями. Он мол-

чит, только перебирает губами, словно бы что-то читает про себя.

— Даже и не знаю, сын мой. Возможно, имело бы смысл ей куда-то отъехать на это время; как ты сам думаешь? Я не уверен, но... лучше не рисковать. Спроси у нее... у них обеих.

У Мирны? «...у них обеих...»

— Это у башни-то?! Ваше преосвященство, вы серьезно? Это же... колдовство!

Епископ похлопывает меня по ножнам Рунного клинка.

— Это — тоже. Допуская одно, как ты можешь отрицать другое?

— Но Церковь...

— Ты — Серый. Надо ли мне напоминать, что обычные мерки к тебе неприменимы?

— И... как вы к этому отнесетесь?

— Не заметим. Этого достаточно?

Мы пересекаем двор замка, проходим под аркой ворот внутренней стены. Гройнен поднимает голову и, подслеповато прищурившись, оглядывает башню. Вернее — не саму башню, а ее входную дверь.

— Вот... — он протягивает руку. — Видишь, над дверью?

— Плита?

— Это не плита. Глина, ею замазали надпись над дверью. Она вырублена в камне, и кто-то распорядился замазать ее глиной.

— Зачем?

Вместо ответа епископ разводит руками в стороны.

Оглядываюсь по сторонам и вижу обрубок бревна невдалеке. Упираясь руками, подкатываю его к двери и, поставив на торец, прислоняю к стене. Вытаскиваю из ножен Рунный клинок и, встав на бревно, ковыряю острием замазку. То ли я удачно попал, то ли еще что — но вся эта маскировка внезапно осыпается вниз, запорошив мне глаза сухой и мелкой пылью.

Отплеываясь, спрыгиваю на землю и, протирая глаза, отхожу в сторону. Гройнен сидит на камне, с интересом наблюдая за моими действиями.

— Ну, ваше преосвященство, что там?

— Почитай...

— Да не разбираю я... и глаза пылью запорошило.

— «Тот, кто рискнет разбудить «каменную вдову» будет навеки заключен в ее объятия. Участь сия не минует и всех тех, кто дерзнет быть свидетелем этого события».

— Фигасе, какие тут губернские страсти! И как сие понимать, ваше преосвященство? Разбудить — это как? Стену поцеловать?

— Не знаю. Но, как ты понимаешь, желающих до сих пор не находилось.

— Думаю, что и сейчас их немного будет. Однако ж пост тут дополнительный поставлю! И надпись эту... Пожалуй, зря я ее расковырял. Надо будет сызнава замазать. Ночью, чтобы никто не прочитал.

— Эту башню изучал еще мой предшественник. Если хочешь, я прикажу доставить тебе его записи.

— Буду премного благодарен, ваше преосвященство! И, вы правы, с Мирной поговорю! А что до башни... пускай себе стоит... в одиночестве, как и раньше.

К моему удивлению, встреча Гройнена с сероглазкой прошла очень даже задушевно и без напругов. Это было тем более удивительно, ибо Мирна впоследствии рассказала мне о том, что он относился к числу наиболее стойких противников целителей и всей их деятельности. Епископ представлял собой наиболее консервативное церковное крыло. Понятно, отчего Эрлих пригласил именно его. Если уж такой консерватор обвенчает Серого и целительницу.. многое может поменяться. Так что коллеги сероглазки должны будут ей нехило проставиться!

Отдохнув денек, неутомный старик полез-таки в подземелье. После этого он совместно с Эрлихом употребил немалую дозу «трупоподъемника». Даже его закаленное сердце с трудом вынесло это зрелище. Отец Варшани, рассказывая о посещении, был краток и серьезен:

— Епископ пообещал сделать все, что от него зависит, чтобы раз и навсегда покончить с Молчачами.

Да, учитывая вес старика в королевстве... такое обещание многого стоило.

Незаметные монашки тихой тенью следовали теперь за сероглазкой, аккуратно фиксируя в памяти все то, что, по их мнению, представляло хоть какой-то интерес. Так мы и обратили внимание на неприметный ранее постоялый двор, расположенный чуть в стороне от дороги к городу.

— Этот человек трижды сопровождал нас, когда мы ехали в город и обратно, — рассказывала сестра Майя, рисуя на листе бумаги его портрет. — Ни разу он не приблизился настолько, чтобы вызвать подоз-

рение охраны, но всякий раз внимательно наблюдал за тем, как устроен наш отряд. Встречает он нас всегда вот в этих местах и провожает вот сюда... Потом возвращается на постоянный двор.

Говоря это, она делает пометки на импровизированной карте, которую по моей просьбе составили люди барона.

— Он там живет? — спрашивает Лексли, рассматривая изображение неизвестного.

— Да, снимает комнату. Приехал недавно, меньше недели назад. Его здесь не знают. Никуда надолго не уходил и ни с кем не встречался. Во всяком случае, этого никто не видел.

— Комнату он надолго снял?

— Осталось пять дней.

— Так.. — чешу в затылке. — И откуда этот гостенька пожаловал?

— Не от Молчащих — перстень на него не реагирует. — Сестра Майя виновато разводит руками. — Больше нам ничего узнать не удалось...

— Спасибо, сестра! — серьезно кивает Кот. — Вы и так сделали то, чего не сумели выполнить мои люди. Ведь они должны были доложить мне про этого незнакомца!

— Но он не приближался к нам и не представлял собой никакой угрозы.

— Все равно! — не соглашается Лексли. — Это их упущение.

После ухода монашки мы молча сидим минут пять. Так.. пришли-таки гости незваные. Знать бы, от кого? И чего им тут надобно? Не факт, что это не Молчащие — они могли прислать и наемника. Горцы? Король? Да в принципе не один ли хрен?

— Брать его надо... — нарушает молчание Кот.

— И что мы ему предъявим?

— Да уж найдем...

Смотрю на него и понимаю, что понятия соцзаконности и толерантности еще долго не дадут на здешней почве никаких всходов.

— Ладно... как будем это делать?

— А ты-то что всполошился? — удивляется мой собеседник. — И сами все сделаем в лучшем виде.

— Не сомневаюсь. А колоть его как будете?

— Чем? — удивленно вскидывает брови Лексли. — И куда?

Вот, блин, я когда-нибудь что-то подобное ляпну, а народ и воспримет это как конкретное указание! Терпеливо поясняю собеседнику свою мысль:

— В то, что вы его спеленаете, как младенца, я не сомневаюсь ни единой секунды. Но каким образом вы будете выгаскивать из него нужные сведения?

— Тебе в подробностях разъяснить?

— Нет, не надобно. Я не вчера родился и кое-что себе представить могу. Но согласись, что моя зловеющая репутация в подобной ситуации будет куда более эффективна, чем раскаленное железо, например.

— Не буду спорить. Ты что же, так и будешь бегать сам по каждому такому случаю?

— Если это касается безопасности Мирны, то не то что побегу — полечу!

— Г-х-м-м... да, извини... Ладно! Давай все как следует обмозгуем...

Почти бесплотная тень скользнула вдоль стены и замерла около нас.

— Милорд?

— Говори...

- Он в конюшне. Седлает коня.
- Что это так его сдернуло с места? Раньше ведь он никуда вечерами не выезжал?
- Пару раз...
- Поворачиваюсь к Лексли:
- Ну, что делать будем?
- Проследим. Там видно будет.
- Добро...

Одинокий всадник выехал из ворот постоянного двора и, не торопясь, затрусил по узкой дороге. Ехал он медленно, из виду не пропадал и не прятался, так что мы могли осторожно следовать за ним. Мужик не оборачивался назад и никак не проверялся. Лопух? Хотелось бы мне в это верить...

Проехав около трех километров, всадник свернул с дороги и углубился в лес. Тут все сразу усложнилось. Он мог спокойно встать за ближайшим деревом и подождать, пока его преследователи не свернут следом за ним. И тогда — вилы! Бросит коня и уйдет через лес. Черта лысого мы его тут ночью найдем!

Привязав лошадей в придорожной рощице, отправляем следом за злодеем пешую двойку. Проходит полчаса, и один из них возвращается.

- Ну?
- Выехал на поляну, стреножил лошадь и разжег костер. Надо полагать, кого-то ждет.

Переглянувшись, решаем двигать туда. В последнюю минуту я, как старый и злобно-недоверчивый параноик, приказываю троим нашим людям оставаться здесь.

- Мало ли что... А нас всего двадцать человек! В случае чего, успеете помощь вызвать.
- Так до замка почти час ходу!

Верно, это уже я протупил... Отозвав в сторону одного из остающихся, делаю ему краткое внушение, опосля чего он вскакивает на лошадь и исчезает во тьме. Так, один кирпич с плеч долой!

Ведомая провожатым цепочка, в которую вытянулась вся группа захвата, входит под сень листвы. Тут темно настолько, что, если бы не Рунный клинок, я бы точно впился мордой в первое же дерево. А так — вижу. Не шибко здорово, это все же не ПНВ, но отдельные препятствия могу различить. Так и выходит, что я закономерно оказываюсь во главе колонны.

Вскоре после входа в лес, трогаю проводника за плечо.

— Что это? — шепчу ему на ухо.

— Где, милорд?

— Справа.

Действительно, мое обострившееся зрение выхватывает из темноты угловатое строение. По знаку Лексли ребята окружают его, и двое осторожно входят внутрь. Минуты через три-четыре один из них возникает перед нами.

— Что там?

Вместо ответа парень протягивает руку.

Что там у него?

Что-то теплое... и сухое... сыпучее... зола?!

— Совсем недавно там горел костер, милорд. Зола еще не успела остыть, и угли тлеют. Дом старый, давно брошен — крыши нет. Костер был внутри, со стороны его не видно.

— Лексли, оставь здесь двоих арбалетчиков и парня с мечом для их прикрытия. Назад пойдём — заберем. Сидеть тихо, себя не обозначать.

— Зачем? — шепчет он мне на ухо.

— А если придет тот, кто жег костер? Я бы не отказался с ним побеседовать...

Еще через некоторое время на ветках деревьев задрожали отблески. Надо думать, мы вышли к поляне.

А вот и искомый злодей... Сидит себе как ни в чем не бывало и в ус не дует! Подбрасывает в костер веточки и что-то там из фляги отпивает. Точно, ждет кого-то. Ну, что ж.. и мы подождем.

Ребята бесшумно растворились в кустах, а я присел на пенек. Со стороны поляны меня закрывал большой куст, так что можно было не комплексовать на этот счет — не увидит злодей ничего.

Прошло около часа.

Человек на поляне невозмутимо сидел у костра.

Что-то вот не по нраву мне такие вот ожидания... Какое-то смутное предчувствие заворшилось в душе.

Прикинем...

Допустим, он злодей и ждет связного. Хорошо. Тогда, кто из них опаздывает? Связной? Интересно, встречи у них по плану? Если да — то он опаздывать не должен! А если — нет? А как же тогда связник узнает о том, что его ждут?

Дом у дороги!

Вернее — остатки дома.

Но там был костер... кто-то жег его и ждал.

Наблюдатель?

Вполне в тему.

Хорошо, он увидел этого «любопытного путешественника» и помчался дать сигнал. Пешком помчался, ибо всадника, выезжающего из леса, мы бы засекали.

И как далеко он может убежать?

— Жилье тут поблизости есть? — спрашиваю у Лексли, наклоняясь к его уху.

— Сел и деревень — нет. Есть небольшое поместье... какой-то невезучий дворянин... что-то там у него неправильное вышло, но точно не скажу.

— Ага, значит, дворянин... и в поместье к нему уж точно никто и не заглядывал?

— Монахи заходили. Кольцо ничего не показало.

— Угу... ладно... ждем...

Особо долго ожидать не пришлось. Где-то через час вдали послышался стук копыт. Ехал всадник. Судя по звуку — один. И он никуда не торопился.

Сидевший у костра мужик встрепенулся и поднял голову.

На полянку въехал еще один персонаж. Спрыгнул с коня и подошел к встречающему. Они негромко поздоровались и о чем-то заговорили.

Сзади меня обозначилось легкое движение... шорох травы... и из кустов выметнулись, еле заметные в свете костра, змейки арканов! Надо же... а я и не подозревал, что здешние спецы умеют так ловко ими пользоваться!

Рывок — и оба собеседника покатались по траве. В следующую секунду на каждого из них насело по паре здоровенных парней.

Ко мне подводят приехавшего всадника. Молодой парень выглядит испуганно, но старается не подавать виду.

— Знаешь меня?

— Нет, ваша милость...

— Милорд! — подсказывает ему Лексли.

Парень обмяк всем телом.

— Я... я ни в чем не виноват, милорд! Меня послал мой господин, чтобы я забрал письмо!

— И где же оно?

— Вот тут, — показывает он движением головы. — За отверстием камзола.

Там действительно лежит бумага, частично испи- санная неровным почерком.

«С получением сего послания, милейший мой Марони, прошу вас оказать помощь его подателю. Сей человек знавал лучшие времена и, если бы не людская неблагодарность, мог бы и далее наслаждаться заслуженным покоем...»

— Ты понимаешь что-нибудь? — спрашиваю шепотом Лексли.

— Чушь какая-то...

— Откуда ты узнал, что этот человек будет здесь? И почему так поздно приехал? — снова поворачиваюсь я к парню.

— Я уже приезжал сюда раньше. К нему же. Он служит у серьезного господина и не может куда-либо отъезжать днем. Только ночью, как сейчас. Он уже приезжал дважды, но только сегодня привез рекомендательное письмо. В прошлый раз его не было, и мой господин не поверил его словам...

— Ты знал, что он приедет сегодня?

Парень замешкался, но немилосердный тычок кулаком под ребро вновь вернул ему былое красноречие:

— Приехал человек.. и господин барон велел мне выехать сюда, милорд.

— А в прошлый раз?

— Первый раз он приехал сам. В наше поместье. О чем-то говорил с господином, и в следующий раз я приехал уже сюда. Это было заранее оговорено. А сегодня... я никуда не собирался ехать! И ничего не знал! Клянусь вам, милорд!

— Что он привез в прошлый раз?

— Какие-то бумаги... я не умею читать, милорд!

Парня отводят в сторону, и к нам подтаскивают виновника всех этой суматохи. Выглядит он неважно. Половину лица занимает внушительный кровоподтек. Видать, пытался отмахаться от ребят. Ну-ну...

— Слушаю тебя.

— Э-э-э... а кто вы такой, ваша честь? Мне незнакомо ваше лицо!

— Милорд Сандр является лордом здешних земель, — терпеливо поясняет ему Лексли.

— Мое почтение, милорд! — пытается поклониться мужик.

— Как твое имя?

— Олгей, милорд!

— У кого ты служишь?

— Служил... — поникает головой мужик. — У графа Дарена, в его охотничьем домике. Конюхом. После смерти графа нас всех выгнали. Вот я и ищу теперь себе место, милорд.

— А при чем тут людская неблагодарность?

— Когда граф был еще жив, со мною уважительно здоровались все встречные! А теперь...

— Кто написал это письмо?

— Э-э-э...

— Ну?

— Главный ловчий графа... барон Родаль.

— Где он сам?

— Я... не знаю, милорд! Он ничего мне не сказал на прощанье!

— Зачем ты следил за моей невестой?

— Помилуйте, милорд! Кто — я?! И в мыслях не было!

А ведь дядя врет... Если парень не пытался задурить нам мозги, то вот этот клиент старается вовсю!

— Ты встречал караван из замка, так?

— Да, милорд.

— И следовал за ним.

— Да, милорд.

— Зачем?

— Я должен был подробно рассказать о том, в каком порядке располагаются повозки каравана, милорд.

— Кому?

— Его хозяину, — кивает Олгей на парня, — барону Марони. Это он мне приказал.

— Зачем это ему знать?

— Откуда мне знать? Кто я, а кто он, милорд?!

— Поклянись! — И в свете костра блеснул Рунный клинок. — Ты знаешь, что это?

Олгей бьет крупная дрожь, но он через силу кивает.

— Д-да...

— Целуй!

Не знаю, случайно ли так вышло, или клинок действительно обладает какими-то до сих пор неведомыми мне качествами, но дальнейшее озадачило нас всех! Меня — так в первую очередь!

Наклонив лицо к клинку, Олгей вытягивает вперед губы, стараясь держать лицо как только возможно дальше от тускло блестящего лезвия. До сих пор не могу понять, что же произошло с ним в этот момент. То ли нога у мужика дрогнула, то ли моя рука как-то внезапно провернулась... Хотя, с чего бы это вдруг? Никогда не вертелась, и вдруг — нате вам!

Как бы то ни было, но губы Олгея вместо плоской боковой поверхности вдруг касаются острия!

Клинок еле ощутимо дрогнул!

И лицо вчерашнего конюха затопила мертвенная белизна...

Хреновый из меня дознаватель.

Первым пришел в себя брат Рон. Он присел на корточки и осмотрел безвольно обмякшее на земле тело.

— Ну, что ж... не надо лгать милорду... Веревки с него снимите, — поворачивается он к своим ребятам.

— А что теперь скажешь ты? — пристально смотрю на баронского слугу.

Того колотит дрожь, видно, как по лбу скатываются капли пота.

— Я... простите, милорд, но мне сказать больше нечего! Вы... не надо меня убивать! Я все и так расскажу, только уберите от меня этот меч!

И парня понесло... Большая часть информации представляла собой бесполезную мешанину слухов и сплетен, разве что описание баронского двора заслуживало какого-то внимания.

— Стоп! — протягивает руку Лексли. — Еще раз! Куда вы отвезили зерно?

— Тут рядом! Старые шахты, возле них сохранился поселок рудокопов. Сейчас там живет лишь парочка стариков!

— И двоим старикам вы отвезли шесть мер зерна? Они сами его и забрали?

— Да. Мы оставили им всю телегу, так нам было приказано.

— Зачем? Им столько и за год не съесть!

— Не знаю. Барон приказал, мы и отвезли.

— А раньше? Вы возили туда что-нибудь?

— Нет. Во всяком случае, я не знаю об этом ничего.

Лексли отводит меня в сторону.

— Шесть мер зерна — это почти полная телега. Зачем отвозить такое количество еды для того, чтобы прокормить двоих стариков? Тем более странным выглядит такой поступок со стороны не очень-то богатого барона.

— А он точно этих стариков кормить собрался? Может быть, там еще кто-то есть?

— Тогда бы он послал не только зерно... но он этого не сделал.

— Верно. Значит, тот, кого он хотел накормить, ест только зерно. Или все прочее у него присутствует.

— Или он собрался кормить своих лошадей.

А ведь и верно! Лошади! Да, это объясняет такое количество зерна. Но сколько их там? И где их хозяева?

— Уходим! Брат Рон, приберитесь тут...

Уже подходя к дому, я почувствовал какое-то напряжение. Что-то буквально повисло в воздухе, какая-то тяжесть...

— Лексли! Ждите здесь!

Видимо, я это высказал достаточно жестко, ибо никаких возражений не последовало. Вытащив из ножен Рунный клинок, осторожно двигаюсь к опушке леса. Что-то ведь привлекло мое внимание... что же?

Тепло.

Ощущаю его где-то на самой границе восприятия.

Ага, это тепло от наших лошадей, они вон там, в рощице.

Понятно.

А вот это что такое?

Слева и справа от нее?

Такого количества лошадей у нас просто не было.

Легкий ветерок донес чуть слышное пофыркивание. Сомневаюсь, что его услышал бы кто-то из наших, уж слишком тихо прозвучали эти звуки. И если бы не мои обостренные благодаря клинку чувства, то

и я не услышал бы ничего. Нет, Рунный клинок точно что-то со мною делает, это уже совершенно очевидно. И в темноте вижу, да и слышу весьма недурственно. И тепло это. Хрен бы я чего ощутил ранее!

Резюме?

Нас ждут.

Кто-то на лошадях.

Их много, не менее пяти десятков, возможно, что и более.

И что делать?

Рассыпаться по лесу?

Вариант. Но мы не знаем этого леса.

То, что нас заманили сюда специально, мне уже совершенно ясно. Это не просто так подставили вчерашнего конюха. Скорее всего, его играли втемную. Специально подставили, чтобы охрана сероглазки заметила повышенное внимание. Значит, было и контрнаблюдение, наших ребят засекли. Тогда и выехал конюх на встречу, видимо приказ получил. Это он и старался скрыть из всех сил.

Зерно... Крестьянскую лошадку им кормить не станут, дороговато! А вот боевого коня — самое то!

Стало быть, это не простые разбойники, слишком сложную комбинацию тут провернули, выманивая меня из замка.

Меня?

А кого ж еще?

Кто сорвется с места, получив информацию о повышенном внимании к Мирне?

Я сам и сорвусь. Так что здесь неведомый противник попал безошибочно.

Хорошо, цели своей они достигли. Мы здесь и в явном меньшинстве. Около рожи нас ждут не менее пятидесяти всадников. И навряд ли это вчерашние

пастухи. Да хоть бы и так, их почти вдвое больше, чем нас. С их точки зрения, все преимущества не на нашей стороне. А так ли это? Думаю, ребятки, вас тут ждет небольшой облом...

Рощица надвинулась и почти заслонила мне весь обзор. Он и так-то не слишком хорош, но хоть что-то было видно. По крайней мере, охранение я сумел засечь. Оно состояло из трех пар верховых, которые распределились вдоль края рощи таким образом, чтобы если и не разглядеть, то уж услышать наш отряд наверняка. Иногда они трогаются с места и, проехав десяток-другой метров, снова останавливаются, прислушиваясь. Хорошо придумано, ощущается рука опытного солдата. Но некоторый диссонанс в ваши построения я все-таки внесу...

Первыми меня учуяли лошади.

Ближайший конь всхрапнул и недовольно покоился в мою сторону. Всадник поцокал языком, успокаивая его. Вместе со своим напарником они приподнялись на стременах, силясь рассмотреть хоть что-то в окружающей темноте. Щас... Это у меня козырь в виде клинка, а у вас что? Фига с маслом... Не туда смотрите, мужики. На небо гляньте. Если и не увидите красивый полет птицы обломинго, то хоть услышите... хлопанье ее крыльев... Меня-то вам не разглядеть — не опасаясь уронить достоинство лорда, я тихонько, почти на четвереньках, крадусь в густой траве.

А вот и всадник совсем рядом... хоть руку протяни. Тянуть к нему руки я, разумеется, не стал. Зачем, когда клинок есть? Он и поэффективнее будет, да и потише...

Ш-ш-ших!

И первый всадник запрокинулся в седле. Его руки разжались, и безжизненное тело сползло на землю. Падая, он застрял ногой в стремях и повис вниз головой.

Прыжок!

Моя левая рука захватила второго всадника за одежду. Он суматошно вскинулся, пытаясь достать из ножен меч.

Ага... так я и стал тебя дожидаться...

Снова прошипел клинок, пробивая кольчугу.

Вместе со всадником гулко плюхаюсь на землю. Испуганный конь резко отпрыгивает в сторону и исчезает в темноте. Слышу удаляющийся топот копыт. Черт с ним. Авань не сразу на глаза остальным попадет.

Приподнявшись над травой, прислушиваюсь.

Тихо.

Эта парочка явно не ожидала увидеть тут одного человека. Ждали отряд. А он так тихо не подобрался бы. Зачем, скажите на милость? И воевать эти двое тоже не собирались. Арбалетов у них нет, и мечи в ножнах. Это не бойцы — дозорные. Их дело — засечь отряд и тихо отойти, дав знать остальным. Ну, а такого злодея, как я... еще поискать надо. У меня это не первая в жизни подобная вылазка, приходилось уже по ночам в траве рассекать... и по асфальту ползать. Только в те разы у меня не было такого шикарного бонуса в виде Рунного клинка. Есть у меня подозрение, что он каким-то образом не дает меня рассмотреть... Мешает как-то... во всяком разе, я уже давно заметил то, что вечером и в сумерках могу подойти к бодрствующим людям достаточно близко, пока меня засекут. Причем чем больше людей, тем быстрее меня замечают. К одному человеку почти вплотную подойти могу, к двум... тоже попробовать можно. А вот к четверем... лучше не

подходить... срисуют враз. Вот и здесь без ненужных экспериментов обойдемся. Храбрость свою (заодно с безбашенностью) тут демонстрировать некому. И не зачем. Мы тихонечко, ползком... кусточками...

— Ф-фу... принимайте гостя... — сваливаю со спины тяжелое тело и устало сажусь прямо на землю. Руки и ноги ходят ходуном, во рту сухо. — Попить что-нибудь дайте...

Мне в руку суют флягу. Делаю пару глотков. Квас! Тот самый, что сероглазка для Котов делает. Самое оно в настоящий момент!

— Что там, милорд?

Поднимаю голову.

Брат Рон. Подошел совершенно неслышно и стоит рядом. Вот кого надо было бы с собою взять! По крайней мере, не таскал бы этого обалдуя на горбу в гордом одиночестве.

— Хреново... Около наших лошадей — засада. Полсотни всадников.

— А наши часовые?

— Не нашел. Но, думаю, что их в живых уже нет. Вместо них было двое чужаков. Одного я притащил с собой, приведите его в чувство, ему нехило прилетело.

— Уже занимаемся, милорд.

— Добро! Путь к нашему отступлению, как мне кажется, перекрыт. Лошадей я отпустил, авось хоть парочка сбежит с концами.

— Зачем? У вас же хорошие кони!

— Противник тоже так полагает. Вот и не поверит, что я отпустил их просто так. Часть лошадей они найдут, но две-три убегут, как я надеюсь. Вот и будут думать эти злодеи, что парочка человек успела

улизнуть под шумок. И вот тут у них в заднице-то и засвербит!

— Был шум?

— Ну, лошади разбегались достаточно быстро, с топотом копыт... да и, обнаружив на месте троих покойников, мало кто подумает, что все это натворил один человек.

— Ну... это смотря какой человек..

— Спасибо за комплимент!

Украденный мною часовой оказался... горцем...

Интересно девки пляшут, сразу восемь в один ряд... горцы-то здесь что потеряли? И как сюда попали? Вот это — гораздо интереснее! Не пешком, а на неплохих лошадях и, самое главное — хорошо вооруженными. Ну, ладно, относительно лошадей в принципе возможно, ибо они пешком вообще, похоже, не ходят. Если горец куда и направляется, особенно далеко, то уж точно не ногом топает. Допускаю, что одиночные всадники вполне могли и через посты проехать, не совсем же там железный занавес? Мы ведь только караваны не пропускаем да большие группы людей. А вот хорошо вооруженного всадника не пропустят. Меч — ради бога, без него горцу, как без штанов выйти. А вот кольчугу и лук, а тем более — арбалет... фигушки! Значит, все это они получили уже здесь. И надо будет выяснить, где и у кого. Будто нам и так работы не хватает...

Очнувшийся пленник сидит, прислоненный к пню. Кольчуга и оружие с него сняты, и руки стянуты крепкой веревкой.

Присаживаюсь на корточки напротив. Рядом с нами втыкают в землю зажженный факел. Со стороны он прикрыт стеной того самого брошенного дома, и его свет посторонние видеть не могут.

— Очнулся?

Он молчит, только прожигает меня тяжелым ненавидящим взглядом.

— Это я тебя ударил. А перед этим убил троих твоих товарищей.

Взгляд его еще более потяжелел.

— Ты скажешь мне, зачем вы сюда пришли?

— Кто ты?

— Лорд этих земель.

— Ты наш враг! Я ничего тебе не скажу!

— Тогда я вернусь в рощу. И убью там еще кого-нибудь. А сюда принесу уже двоих. Одного убью прямо перед твоими глазами, чтобы кровь его попала на тебя.

— Ты можешь...

— Могу. Если и после этого ничего не скажешь, отпущу второго, сказав ему, что ты нам все рассказал. После чего можешь идти... куда угодно. Но далеко ли уйдешь?

Хорошенькая у него теперь перспектива! Пусть поразмыслит над своим невеселым будущим.

— Если я все скажу... мне вернут оружие?

— Хочешь умереть в бою?

— Да!

— Ты получишь свой меч.

Хорошо, что я его не выбросил там, в роще. Хоть и тяжелее было из-за этого тащить часового.

— Хорошо... но помни, ты обещал мне!

— Не волнуйся. Я не отличаюсь забывчивостью.

— Пусть мне развяжут руки.

Из-за спины горца протягиваются руки кого-то из монахов. Раз, два — готово! Ловко они это делают! Пять секунд — связали, две секунды — развязали. Мастера!

Пленный сплевывает на землю и встает на ноги.

— Вина дайте!

Кто-то из окружающих протягивает ему флягу. Горец запрокидывает голову и в несколько глотков осушает ее содержимое.

— Что ты хочешь знать? — поворачивается он ко мне.

— Сколько вас?

— Около трехсот человек.

Ничего себе! А я-то думал, что эти полсотни всадников и есть все наши неприятности.

— И где же все остальные?

— Они окружили поляну и через некоторое время будут здесь. Вам никуда не удастся уйти. Так что не обольщайся: ты ненадолго меня переживешь.

— Ну, это мы еще поглядим. Как давно вы здесь?

— Месяц.

— Добирались сюда поодиночке?

— Откуда ты все знаешь?

— Ну, я тоже не вчера родился. Оружие и доспехи вам приготовили у барона, ведь так? А лагерь ваш был в старом поселке рудокопов.

Пленный напустился.

— У нас везде есть свои люди, у него — тоже, — успокаиваю я горца. — Неужто ты думаешь, что я просто так пришел сюда с отрядом в двадцать человек? Мы ждали вас, хотя и не предполагали, что придет так много людей сразу.

— И, зная все это, ты оставил в роще всего двух человек? Ты же мог предполагать, что мы их захватим и допросим. И весь твой хитрый план провалился бы.

— Никто из них ничего не знал. Вы их убили?

— Нет, на свадьбу позвали! Зачем ты это спрашиваешь?

— Война... Без жертв не бывает. Но надежда всегда есть. Я ценю своих людей.

— Я вижу, ты опасный человек. Не зря Одноглазый хочет тебя убить.

— Так это его идея? Не могу не отдать должного: придумано хорошо. Конюх-то хоть знал, что его ждет?

Горец пожимает плечами.

— Про это тебе надо спрашивать у наших сотников. Мне об этом неизвестно. Больше мне нечего тебе сказать. Где мое оружие?

Похоже, что пленный не врет. Это действительно обычный солдат, и ожидать от него того, что он посвящен в секреты своих командиров, не приходится. Поворачиваюсь к Лексли:

— Отдайте ему его меч. И кольчугу верните.

К ногам горца бросают его кольчугу, и кто-то из Котов протягивает горцу меч. Он вытаскивает его из ножен и отбрасывает их в сторону. Втыкает его в землю и одним движением набрасывает на себя поднятую с земли кольчугу. Интересно, кого же пленный вызовет на единоборство? Насколько я знаю традиции таких народов, пасть в бою для него гораздо почетнее, чем помереть в постели в кругу семьи. А в данном случае он еще и смое кровью позор пленения. Не дурак ведь, не может не понимать, что живым его отсюда никто не выпустит. А так хоть жизнь подороже продаст и умрет с честью. Рискнет ли он бросить вызов мне? С одной стороны, уж больно лакомый кусок: собственноручно прикончить наиглавнейшего противника, но, с другой стороны, шансов у него на это не так много. Он только что на собственном горбу убедился, что я могу сделать с ним просто голыми руками.

Пленный осматривается по сторонам.

— Эй, ты! Который в черной хламиде! Ты здорово умеешь связывать руки безоружному. А сможешь ли ты повторить это с готовым к бою воином?

Так это он на спецмонахов нацелился? И ведь выбрал, злодей, не кого-нибудь, а старшего из них! Нельзя отказать ему в логике. Никакого видимого оружия монахи не носят. И, с точки зрения горца, выстоять в поединке против опытного мечника шансов у них немного.

— Ты хочешь бросить мне вызов? — спокойно спрашивает брат Рон.

— А ты ищешь способы его не принять?

— Считаю, что я его принял.

— Отлично! Сейчас я увижу, какого цвета твоя кровь!

Коты, монахи и солдаты расходятся кругом, освобождая место для поединка. Света здесь немного, но видеть друг друга противники могут достаточно хорошо. Бывший пленник подбрасывает меч и ловко ловит его за рукоять. Тускло блеснувшее в свете факела лезвие со свистом описывает в воздухе сверкающий круг. Да, рубиться на клинках этот парень не вчера научился. Боец он, судя по всему, неплохой, и мне еще нехило повезло, что я оглушил его раньше, чем он успел меня заметить. Кстати говоря, теперь я понимаю, почему он бросил вызов не мне: надо полагать, свои боевые качества он оценивает достаточно высоко и отдает себе отчет в том, насколько более опытным должен быть человек, который скрутил его за несколько секунд. И, хотя он в этом не совсем прав, разубеждать его я не тороплюсь.

Брат Рон никакого оружия не вытаскивает. Ловлю себя на мысли, что я и сам-то до сих пор не знаю, что же они прячут под своими широкими рясами. Рукопашники они классные, в этом я не раз имел возможность убедиться. Но вот как он поведет себя в бою

против вооруженного мечом противника — этого, судя по заинтересованным мордам окружающих, не знает еще никто.

Горец внезапно прыгает вперед, и его оружие устремляется к горлу монаха. Точнее, в том направлении, где оно только что было. Ибо монаха на этом месте не оказывается, и он, каким-то непостижимым образом извернувшись, оказывается за спиной нападающего.

Шлеп! И широкая ладонь спецмонаха звучно шлепает горца по спине. Вернее, чуть ниже спины. Зрители с трудом сдерживают смех. Хотя ситуация далеко не напоминает цирковую и поводов для веселья у нас не так уж и много.

Оскорбленный до глубины души, его противник резко поворачивается. Лезвие меча проносится в опасной близости над головой монаха. Именно что над головой, ибо за полмгновения до этого брат Рон приседает. Дальнейшего в подробностях я рассмотреть не успел. Думаю, что и никто другой тоже. Но, прокатившись кубарем по земле, горец с размаху врезается в стену дома. Несмотря на этот кульбит, оружия он не потерял-таки. И уже через секунду снова стоит на ногах. На этот раз он ведет себя гораздо осторожнее. Широких замахов больше не делает, на вытянутую руку мечом не бьет. Монах моментально оценивает изменившуюся тактику противника и тоже ведет себя по-другому. Около минуты они настороженно ходят по кругу. Брат Рон по-прежнему не нападает, выжидая атаки противника. А тот, в свою очередь, осторожничает, короткими уколами прощупывая оборону своего оппонента. Те не достигают цели, чернорясник каждый раз ловко уклоняется. Понятно, что от колющих ударов он увернуться может. Сделав такой вывод, нападающий снова изменяет тактику. Его удары теперь идут наискось сверху вниз

и назад. При этом горец все время перебрасывает оружие из руки в руку. Поэтому предугадать направление следующего удара достаточно затруднительно. Наконец, выждав момент, когда за спиной монаха окажется стена дома, горец переходит в наступление. Его меч постоянно мелькает то слева, то справа, тесня монаха к стене дома. Уйти вбок он ему не дает, поймать себя за руку более не позволяет и близко к себе не подпускает. А до стены остается всего пара метров. Еще секунда-другая — и места для маневров не останется совсем.

Брат Рон резко выбрасывает вперед левую руку.

Чуть изменив направление движения, меч нацеливается на его предплечье. Горец явно собирается срубить эту руку на замахе.

В воздух взметается широкий рукав монашеского одеяния. Сильный удар правой руки сбивает меч вбок, и маневр горца своей цели не достигает. Прижимаясь к правой руке нападающего, монах проворачивается на месте.

И его локоть с размаху бьет горца по затылку. Звякнув о корни, выпадает из руки меч. А руки монаха уже протягиваются к голове нападавшего.

Даже отсюда я слышу сухой хруст шейных позвонков. Ноги горца подгибаются, и он оседает на землю. Подняв с земли меч, брат Рон вкладывает его в руку противника.

— Он заслужил того, чтобы умереть с мечом в руке. Просто ошибся в выборе противника.

Здесь я с ним совершенно солидарен. Для того чтобы срубить такого рукопашника, одного человека явно недостаточно.

Солдаты и Коты молча переглядываются. Одно дело видеть монахов на тренировках, и совсем другое — наблюдать, как безоружный человек расправля-

ется с вооруженным и околючуженным противником. Такое не каждый день увидеть можно.

Однако суд да дело, а в лесу и на поле еще три сотни вооруженных горцев. Не важно, насколько мы хороши и сильны в рукопашной, но против такого количества противников нам не устоять. Просто массой задавят. И слабым утешением будет то, что мы успеем прихватить с собой изрядное количество нападавших. Все равно цели своей они достигнут. Надо отдать должное Одноглазому, он оказался куда более опасным противником, чем я думал. Один фокус с контрнаблюдением и подставным шпионом заслуживал того, чтобы отнестись к нему по меньшей мере с уважением. Это не обыкновенный горский головорез. Такие знания приобретаются кровью или громадным боевым опытом. Хотя здесь правильнее было бы сказать иначе. Это не опыт полководца, скорее искусство тайной войны. А где же мог набраться таких знаний горский выращиватель наркоты? Ох, не нравится мне этот дядя... Одной наркоты, ранее никому в этом мире не известной, было достаточно для того, чтобы я отнес его в разряд непримиримых врагов. А еще и такие оперативные комбинации... Явно эта голова слишком уж зажилась на плечах хозяина. Как только мы выберемся из этой западни, займусь Одноглазым вплотную. Ага, щас! А про Молчащих забыл? Эти парни тоже долго ждать не будут. А учитывая их союз с горцами, можно только гадать о том, какие жуткие идеи могут рождаться в головах подобных союзников.

Ладно, об этом думать будем после. Сейчас задача номер раз — уцелеть. Уже в самое ближайшее время та часть наших противников, что оцепила лес, начнет его прочесывать. Да, они могут предполагать, что какая-то часть окруженных успела улизнуть. С боль-

шой долей вероятности в их числе мог оказаться и я. Мог ли? Смотрю на эту ситуацию глазами врага и понимаю, что тех данных, которыми они обо мне уже располагают, достаточно для того, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Пока что я ни разу не давал повода усомниться в том, что своих людей я просто так не бросаю. Не будем и в этот раз считать противника глупее себя. Пока они не прочешут лес и не выгаштат отсюда всех, кто в нем остался, они никуда не уйдут.

Какие у нас есть козыри?

Темнота. Ну, еще час-полтора. Потом этот козырь утратит свою силу.

Они на лошадях. Плюс это или минус? На ровном месте, безусловно, плюс. А вот в лесу это еще бабушка надвое сказала. Там, где однозначно пролезет пеший, далеко не всегда проедет всадник. Не надо льстить себе мыслью о том, что пешими горцы воюют хуже, чем конными. Они и так и так — противники весьма неприятные. Поэтому данное обстоятельство скорее на руку им. Скорость передвижения у них выше.

Еще есть вот этот дом.

Точнее, четыре стены. Это дает некоторое преимущество обороняющимся, но весьма недостаточное, чтобы перевесить численное превосходство нападающих.

Можно, конечно, заныкаться. Но тогда всех попросту повыковыривают из ухоронок поодиночке. Тоже не вариант. Хотя для этого нас еще надо найти...

А вот чего противники явно не ждут...

Прилетевший ветерок бросил в мое лицо целую гамму запахов. Пахло выделанной кожей (лошадиная сбруя), холодным мокрым железом (оружие наездни-

ков) и конским навозом (тут никаких пояснений не требуется). Осторожно выглядываю из кустов. Горцы не стали-таки ждать рассвета. Часть их уже вошла в лес, и теперь редкой цепочкой они двигаются в нашу сторону. Примерно половина из тех, кого я вижу, на конях, прочие спешили. Так сказать, загонщики. С факелами, чтобы освещать себе дорогу и осматривать лес. А всадники исполняют роль охотников, чтобы по первому крику загонщика подоспеть на помощь. Ну, что ж, абсолютно разумное, а главное, ожидаемое решение. Еще шагов пятьдесят — и они будут рядом с нами. Вовремя прибежавший к нам дозорный успел сообщить порядок построения противника, и кое-какие сюрпризы мы смогли ему подготовить. Хотя ничего принципиально нового я не услышал. Тактика прочесывания леса, что тут, что у меня дома, не очень-то отличались.

Два щелчка костяшками пальцев по ножнам клинка — и наша группа растворяется в кустах. Теперь — ждать. По возможности, не дыша. Прижимаясь спиной к деревьям и растянувшись на земле. Вслушиваясь в шаги противника и поминутно ожидая встревоженного окрика. Теперь основная надежда на Котов. Внешне, особенно на некотором расстоянии, они слабо отличимы от нападающих. Такие же островерхие шлемы, кольчуги и мечи. Различия между ними можно увидеть только при нормальном освещении. Вот монаха в рясе или солдата с копьем или арбалетом даже в этих условиях засекут на раз-два. Оттого-то никто из них сейчас голову и не высовывает.

Лес — не плац и не поле, он неровный, ямки какие-то есть, да деревья всякие торчат из земли в самых неудобных местах. Оттого-то и не получается у загонщиков держать строй. Неизбежно кто-то отстает, в то время как его товарищи выходят вперед.

Да и опыта соответствующего у них нет, это не наши внутренние войска, которые таким делом частенько занимаются. Это обстоятельство мы тоже учли. Во всяком случае, постарались. Вот первый из загонщиков поравнялся с моим укрытием. Тут на земле лежит здоровенный выворотень, пройти мимо которого ну никак невозможно. А вдруг под ним сидит целый десяток человек?

Десяток не десяток, а два человека здесь есть. И стоит только загонщику сунуть факел под нависающие корни, как его тут же перехватывает сильная рука! А знакомое шипение подтверждает успешность попадания.

И успокоившийся «загонщик» продолжает свой путь. Моя же дорога лежит на следующий фланг. Выворотня здесь нет, зато приличных размеров булыган присутствует. И там тоже ждет своего часа один из Котов.

Иду я, не прячась, подсвечивая себе дорогу факелом. Слава богу, в отряде был небольшой запас. И покидая ямку под выворотнем, я успел его зажечь от чужого. Они тут все одинаковые, и различить, где чей, невозможно. Уж навряд ли всадники и загонщики сразу сообразят, что факелов вдруг стало больше. Пусть даже на один. Зато и дергаться не станут, услышав шаги подходящего сзади человека. Тем более — с факелом, значит, априори — своего. А то, что загонщик, запнувшись, роняет вдруг факел... бывает. Тем более что рядом еще один стоит. А теперь уже и не стоит... дальше пошел. Надо полагать, вместе потопали.

Так вот и получилось, что участок цепи шириной приблизительно в тридцать метров теперь «контролируют» двое Котов. А это весьма изрядное расстояние... в некоторых случаях.

Так что, когда оба идущих неподалеку друг от друга «загонщика» вдруг пропускают без осмотра нехилую ямку... удивления это не вызывает. Каждый понадеялся на соседа. Пустяки, дело-то житейское! Ямка, по правде сказать, совсем не пустая. В ней от любопытных взглядов укрылась очень даже интересная компания...

Протопали копытами мимо кони, и все затихло. Не совсем, еще слышен треск сучьев и похрапывание лошадей, но теперь мы все снаружи оцепления. Поэтому быстро поднимаемся с места и, стараясь не шуметь, осторожно шагаем в условленное место. Там мы подождем наших ребят, которые сейчас морочат голову остальным, старательно играя роль загонщиков. Дальше на их пути будет овраг, конница туда не пойдет, слишком крутые склоны. А вот пешие полезут. И ничего удивительного в том, что часть из них там слегка подзадержится, нет. Факелы-то горят? Стало быть — хозяева целые. Можно не особо комплексовать по поводу отставших... овраг глубокий, на осмотр время нужно. Вот проверят все — и вылезут.

Вот Коты и вылезли, оставив в овраге горящие факелы. Кто и когда там хватился отставших, не знаю, но до нас ребята добрались весьма шустренько. И уже все вместе мы рванули в сторону.

На чем чаще всего горят герои многочисленных американских боевиков? На том, что убегают по наиболее предсказуемому маршруту. По наиболее короткому. Совершенно упуская из виду то, что искать их будут именно в том направлении. Слава богу, среди нас не было восторженных зрителей голливудской кинопродукции. И оттого некому было предложить подобное решение. Потому и не понесли мы в замок, а забрались на стоящий в сторонке холм. Вид оттуда открывался неплохой, темнота потихоньку

рассосалась, и можно было контролировать перемещения наших противников.

А вот в рядах противника, надо полагать, имелось таки некоторое количество поклонников американского кино, ибо около сотни верховых тут же рвануло по дороге в сторону замка. Н-н-да... Я бы на вашем месте до баронского поместья смотался, собак бы прихватил... но, впрочем, настаивать на этом не буду. Вольному, как говорится, воля...

Чу!

Похоже, что пресловутая птица обломинго осенила-таки своим крылом наших преследователей...

Из-за поворота дороги, нахлестывая коней, вразной вылетели всадники. В гораздо меньшем количестве, нежели ускакало туда полчаса назад.

Подскакав к основному отряду, они остановились и что-то начали объяснять, тыча руками в сторону поворота.

— Что у них там стряслось? — интересуется Лексли.

— По-видимому, сели задницей на ежа...

— И откуда он там взялся?

— Из замка, надо полагать... не зря же я туда посылных отправлял. Ты лучше присмотришь, кто там у этих головорезов за главного...

Между тем у противника прекратилось бессмысленное передвижение туда-сюда, и горцы начали выстраиваться в линию. Ага, стало быть, решились атаковать. Ладно, такое зрелище пропустить совершенно невозможно. И уж совсем грешно в нем не поучаствовать! Арбалеты прицельно отсюда добить до них не могли, разве что по толпе стрелять, и мы в темпе ломанулись к другому холмику. Не столь высокий, он, однако, имел более крутые откосы и располагался куда ближе к дороге. В иное время я поопасался

бы туда лезть, но сейчас противнику явно было не до поисков. Никто уже не шарился по лесу, все всадники собрались в одном месте, и их внимание было обращено в противоположную сторону.

Худо-бедно, а десяток арбалетов у нас имелся. Не бог весть что, но дать несколько залпов в спину несущейся вперед коннице мы могли. В горячке атаки не поймут и направления стрельбы не определят, а помощь своим мы окажем. Даже если десяток кавалеристов ссадим — и то хлеб!

Всадники уже выстроились в две шеренги поперек дороги. В тылу осталась небольшая кучка кавалеристов, около десяти человек, надо полагать, руководство. Толкаю локтем Лексли и указываю ему на них. Он кивает и, взяв с собою своих ребят, исчезает в кустах.

— Вот что, парни, — оборачиваюсь к оставшимся солдатам. — Разбирайте арбалеты. Основная цель — вот та кучка всадников. Как только скомандную — залп по ним! Бейте по лошадям, надо их спешить. Дальше уже Коты разберутся. Следующий залп — уже по основной толпе. Бейте в кучу, кому-нибудь все равно прилетит. Главное, не дать им вовремя рвануть вперед. Замешкаются с началом атаки, нормального разгона не будет. Строй ломаем, а это главное. Если мы влопим еще и их командирам, то некому будет что-то другое изобретать.

А между тем я слышу приближающиеся звуки. Барабан? Точно.

Проходит еще пара минут, и из-за поворота показывается мерно марширующая «коробка» пехоты. Над ней покачивается целый лес копий, в первых рядах поблескивает еще какое-то железо.

Н-н-да... тот еще ежик... на такого, пожалуй, сядешь...

В первой шеренге около пятидесяти человек, остальные идут следом, составляя правильный прямоугольник. Колонна на ходу оцетибилась копьями, и лучи поднимающегося солнца тускло отблескивают на их остриях.

Оборачиваюсь в сторону кучки командиров. Вот один из них привстал на стременах и приподнял над головою меч.

— Ты и ты! — толкаю ближайших солдат. — Вон тот всадник — ваша цель! Все вместе — залп!

Вразной защелкали тетивы, и всадника словно сдуло с седла! А в кучке командиров начался переполох. Отсюда до них метров сто с небольшим, и арбалетные болты ложатся хорошо.

— Хорош! Теперь — по тем! — вытягиваю вперед руку, указывая Рунным клинком на основную массу кавалеристов.

Понятное дело, десяток арбалетов — не пулемет. Но все же некоторую сумятицу среди всадников мы смогли внести и таким образом.

Покатившиеся с седел люди, вставшие на дыбы раненые лошади... все это на какое-то время вносит раздрай в ряды горцев. На какое-то. Все-таки это опытные и умелые воины, и они быстро приходят в себя.

Часть кавалеристов отделяется от основной массы и, прищпоривая коней, несется в нашу сторону. Засекли-таки... ладно, на три десятка клинков мы основную толпу ослабили, уже хорошо. Пусть они к нам несутся, все пехоте легче станет. По моей команде арбалетчики осыпают болтами подлетающий к нам отряд. Пара-тройка человек валится под копыта скачущих лошадей. Остальные солдаты, не имеющие арбалетов, вместе с монахами Рона, преграждают единственный въезд на холм. Тропа тут узкая, больше чем по одному

не пройти. И уж тем более не проехать. На нее выволакивают приличных размеров корягу, еще одну... теперь вилы, лошадь здесь точно не пройдет, только пешком залезть можно.

А основная масса кавалерии, повинувшись гортанному выкрику какого-то сотника, галопом несется на пехотинцев.

Звук трубы!

Передняя шеренга пехоты моментально останавливается, и тяжелые более чем метровой длины щиты с хрустом врубаются в землю под ногами. Пехотный строй словно бы опоясывается стеной. Из щитов, но тем не менее... Лошадь на нее не очень-то идет... А по верху стены угрожающе торчат острия копий. Пехотное каре. Старое и многократно проверенное в деле, противокавалерийское построение пехоты. Здесь его тоже знают и исполняют мастерски.

• Снова труба.

И на скачущих всадников густо летят стрелы. Это не арбалетчики! Вернее — не только арбалетчики. Судя по скорострельности, тут присутствуют еще и лучники. Я догадываюсь, какие это лучники...

Первые ряды атакующей кавалерии смешались. Всадники валились наземь буквально десятками. Да уж... тут и без пулемета обойтись можно.

К оцетинившейся металлом стене щитов подскочило уже гораздо меньшее количество горцев, нежели разворачивалось для атаки. И все равно...

Удар был такой силы, что звук от него мы слышали даже на холме. Место сшибки заволкло пылью.

Когда она осела на землю, стало видно, что стена щитов устояла. Перед нею, потрясая оружием, верте-

лись еще всадники. А у стены лежал сплошной вал из лошадей вперемешку с наездниками.

Опять прокричала труба, и стена щитов пришла в движение. Мерным шагом, под барабанный бой, двинулась она вперед. Из глубины построения через головы пикинеров продолжали стрельбу лучники и арбалетчики. Разворачиваясь в стороны, каре выбросило вправо и влево свои крылья. Это перестраивалась пехота, составлявшая ранее фланги и тыл построения. И эти крылья, блестя наконечниками копий, теперь охватывали уцелевших кавалеристов. Разрозненные и рассеянные, они не могли теперь прорвать строй щитов. Да и поздно уже. Первоначальный порыв иссяк, наиболее ретивые и упертые лежат под ногами пехотинцев, а для разгона лошадей не осталось места. И времени. Слишком близко сверкают окровавленные копыта, да мерно рокочет барабан. В такт ему бухают по земле подкованные сапоги тяжелой пехоты.

Страшно...

Жуткое это зрелище — видеть, как на тебя, такого хрупкого и уязвимого, накатывается стальная, без единой щелочки, стена щитов и окровавленных копий. Только что ты вместе со своими друзьями, опьяненный удалью и молодецким задором, несся на жалкую кучку пещев, укрывшихся за своими бесполезными досками. Сильные руки приятно оттягивало знакомое и родное оружие, так жаждавшее сегодня вражеской крови. Казалось, нито не способно остановить безудержный бег и натиск отборной конницы. Что им какая-то ничтожная кучка испуганных солдат?

И все внезапно и жутко переменялось... Разбрызгивая в стороны звенья кольчуг, с хрустом вошли в молодые тела безжалостные зазубренные наконечники арбалетных болтов. Ударили по незащищенным лицам, по бедрам и ногам тонкие и легкие, но не ме-

нее опасные от этого стрелы. Их было много! И летели они густо. Всадникам, ослепленным этим ливнем, слишком поздно удалось разглядеть перед собой черную стену чужих щитов. Вблизи они выглядели уже не так несерьезно. В этой почти монолитной стене не было никаких лишних отверстий и щелей. А из тех, что были, торчало смертоносное железо. Оказалось, что тяжелые копья пехоты способны вдруг выскакивать вперед почти на полтора-два метра! И не успевшие уже ничего сделать всадники первого ряда были выбиты из седел почти мгновенно. Всего немного не хватило им. Лишних секунд драгоценного времени, за которое еще можно было набрать нужную скорость, нескольких, может быть, метров, чтобы успеть прищипорить коня и заставить его перемахнуть эту тонкую цепочку солдат. А уж там, внутри! Можно было бы щедро напоить вражеской кровью свое оружие! Показать этим жалким равнинникам, что такое гордые и никем не покоренные сыны гор!

Можно было бы... но увы... Теперь большинство твоих друзей лежат в пыли. Их ребра хрустят под тяжелыми сапогами панцирной пехоты. А на очереди — ты сам. Вот они, окровавленные безжалостные, наконечники. Целятся прямо в твое (и ни в чье более!) лицо. Еще несколько шагов пехотинца, прищуренный взгляд арбалетчика, хладнокровно выискивающего очередную жертву, — и все! Рванется в испуге осиротевший конь, беспомощно звякнет о камни бесполезный меч... И напрасно будет ждать твоего возвращения со славой и добычей родная семья... Не дождется возвращения любимого невеста, не побегут рядом с конем героя младшие братья...

Но еще можно уйти! Вот он — спасительный лес! Два десятка шагов отделяют от густых зарослей. Брось

коня и спасись! Никто не станет искать тебя одного в лесу! Есть пока такая возможность!

Резкий выброс копья, хакающий выдох пехотинца...

И темнота...

Бронированная стена тяжелой пехоты походя смяла малейшие намеки на сопротивление разбитых кавалеристов. А безуспешная попытка уцелевших конников затеять перестрелку с арбалетчиками и лучниками привела только к резкому уменьшению количества стрелявших горцев. Ведь стоя на твердой земле, стрелять куда сподручнее, чем сидя в седле вертящейся лошади. Только самые сообразительные из кавалеристов успели-таки, горяча коней, оторваться от преследования и унести, куда глаза глядят. Упрямым же и несообразительным повезло куда меньше... Лес — он, знаете ли, успешным маневрам верхом как-то вот не очень способствует. А уйти можно было только по узкой дороге и в одну сторону. Да еще и под обстрелом... тот еще фокус получается. Пришедшая со стороны замка пехота наглухо перегородила более-менее широкую дорогу и поляну, куда она выходила. Так что для отступления осталась только относительно узкая дорожка к баронскому поместью. И лучники с арбалетчиками простреливали ее на дистанции метров в сто или даже больше. А эти метры еще проскакать надобно...

Хренак! Что-то основательно прикладывает меня по плечу, и я кубарем качусь на землю. Правда, ничего особенно не болит, стало быть, кто-то просто немилосердно толкнул в спину. Ну, я этому толкачу сейчас...

Оборачиваюсь назад и приподнимаюсь пока что на локтях.

Худощавый солдат в порванном плаще, держась рукой за грудь, медленно сползает вдоль ствола дерева. Только что на этом месте стоял я.

А в груди у солдата торчит стрела...

Еще две — чуть повыше, вонзились в ствол.

Это кто ж тут такой... стрелок... выискался?

Подхватив с земли заряженный арбалет, приподнимаюсь над краем ямы, куда спихнул меня солдат.

Всадники! Те самые три десятка, что к нам рванули.

А ведь и верно! Это мы с верхушки холмика все видеть могли. А они-то откуда знают про разгром основного отряда? Видеть поле боя они снизу не могут, перелесок мешает. Шум-гам слышали? Так бесшумных стычек не бывает.

Что же до собственной самооценки, то она, надо думать, у них весьма высока. Оттого и не сомневаются эти парни, что их товарищи проявили должный уровень боевого мастерства, втоптав отряд пехоты в дорожную пыль. Так что им сам бог велел рылом в грязь не ударить.

Вот и выделывают они сейчас всякие выкрутасы, пытаясь в конном строю залезть к нам в гости. Стоящая у импровизированных заграждений кучка невзрачных воинов никакого почтения у них не вызывает. Особенно после того, как, спасаясь от их стрел, защитники баррикады попрятались кто куда. Ну да, щитов, как у тяжелой пехоты, у нас тут нет, да и доспехи... так себе, от стрелы на близкой дистанции не спасут. Только вот, попрятавшись, никто из защитников заодно не окривел. И наиболее ретивых атакующих разом повыносило из седел — арбалеты на баррикаде были. Кстати, я-то чего сплю? Вскидываю свой арбалет и пресекаю очередную попытку какого-то умника штурмовать баррикаду верхом. Минус

раз! В том смысле, что это у меня — раз, из арбалета. А так-то... уже даже не три или четыре...

Теперь вот и у меня — два! Жалко, что болтов осталось мало, тоже парочка... А остальные где? Да хрен его знает...

Очередным выстрелом ссаживаю с коня еще одного «наездника». Не попал сразу, пришлось два раза по нему стрелять. Вижу, как внизу вылетают из седел еще два-три человека. Но атакующих пока еще много... Больше, чем нас. И болты все у меня кончились...

Надо полагать, они закончились не только у меня. Ибо солдаты внизу перестали стрелять и взялись за копья. Прекратив свои попытки выковырять нас стрелами из-за укрытий, повыгаскивали свои мечи и кавалеристы. Н-н-да... АПС бы тут был явно к месту...

Гортанный крик!

И всадники погнали своих лошадей на баррикаду!

Первый так там и остался — повис на коряге. Ловко брошенное копьё снесло его с коня, и он всем телом рухнул поверх заграждения.

Второй же, вздыбив своего скакуна и рубанув при этом копьёбросателя (от чего тот успел ловко увернуться, нырнув вниз), снова прищпорил лошадь! В могучем прыжке она взвилась над нашими хлипкими завалами... отдельно от всадника. Один из монахов опустил руку, из которой скользнул вниз черный ремень. Праща! Ну, ни фиги ж себе! Молодец мужик! А я-то все гадал — чем же они на дистанции работают?

Еще четверо всадников, подскакав к баррикаде, метнули дротики. Успешно... Один из солдат запрокинулся навзничь — руки его скребли по гладкому древку, пытаясь выдернуть вонзившееся в грудь оружие.

Другие же метнулись в стороны, и, воспользовавшись этим, парочка всадников перемахнула через коряги.

Они сразу резко усложнили наше положение.

Рубка с коня и так-то куда более эффективна, нежели оборона от нее с земли. И ребятам ощутимо поплохело. Они пока еще успешно отмахивались от этой парочки, но вот защищать баррикаду уже стало некому...

И нападающие быстро это поняли. Через ограждение перемахнули еще двое всадников, а вот третий запутался в ветках. Ну, не он, конечно, запутался, а конь. Только всаднику это уже было фиолетово. Слетев в результате этого на землю, он со всей дури боднул голову пень. Надо полагать — дорогу расчищал.

Правда, выбрал для этой цели весьма неподходящий инструмент — голову. Эх, не та у него голова... Сюда бы нашего зама по борьбе с личным составом. Он не то что пень — полхолма бы снес! Настолько башка у него чугунная. Вот это было бы зрелище! Полжизни отдал бы, чтобы посмотреть!

А эта головушка... не сдюжила. Похоже, что клиент шею свернул...

Но четыре всадника на неполный десяток солдат... это плохо.

Спешившись, остальные нападающие начинают растаскивать завал. Солдаты еще могут уйти — лес за спиной. Конь глубоко не пройдет, и уж, во всяком случае, скакать по заросшему лесу существенно труднее, нежели бежать.

Но в этом случае они откроют дорогу на холм... а мне отсюда деваться некуда.

Поднимаю с земли чье-то копьё. Я не сильный мастер им орудовать, но уж в бок-то пырнуть смогу. А всадники как раз боком-то ко мне и повернуты. Ежели не с тропы выскочу, а дорогу срежу.

Несусь вниз, чуть притормаживая на поворотах и отталкиваясь от земли древком копья.

Взлетаю на очередной пригорок.

Так... один из всадников уже обмяк в седле, но и наши ряды поредели — двоих горцы все-таки срубили.

Изменив в последний момент свое решение, бросаю копьё не в ближнего ко мне кавалериста, а в того, что следом за ним.

Не шибко удачно, всего лишь ногу оцарапал, но от боя отвлек. А тут уж и ребята не сплеховали. К нему незаметной тенью метнулся монах... дальше я не смотрел, на ближней дистанции горцу ничего не светило. Хоть на коне, хоть на слоне.

А сам я, оттолкнувшись от склона, прыгаю на круп лошади ближайшего всадника.

Хоп!

Удачно вышло! Обхватив за спину всадника, удерживаюсь на лошади. На это я и рассчитывал, он-то крепко в седле сидит, вот и подержусь за чужие плечи. Изо всех сил пихаю горца, и он, не ожидая такого подвоха, валится вперед.

Пока злодей не опомнился, рванув из ножен Рунный клинок, не целясь, полосую им своего противника.

Готов...

Последний кавалерист резко разворачивает коня в мою сторону. Рубить меня собираешься? Ну-ну... Попробовал тут недавно один такой...

Горец историей и слухами, похоже, не интересуется. Оружие в моей руке ему, по-видимому, незнакомо. И оттого он со всей силы, приподнявшись на стременах, обрушивает на меня свой меч!

Хорошо, что я клинок вовремя подставил, да и развернуть его успел, как надо.

Знакомый звон... и на лице моего противника появляется удивленное выражение. Так-то, родной! Плохо быть нелюбопытным!

А в следующую секунду он, взмахнув руками, слетает с седла. Кто-то из ребят метнул аркан.

Разворачиваю коня.

У баррикады, уже наполовину разобранной, столпились горцы. Их лошади чуть поодаль.

Удачный момент — у них нет в руках оружия!

Рискнуть и повторить прыжок через завал? Увы... не с моим искусством наездника. Ездить могу, скакать тоже, даже рубить с коня учился. А вот прыжки... маловато будет, как говорил в мультфильме один сказочный персонаж. Повисну, вот так же, как этот прыгун, на корнях и сучьях...

Нет уж!

Но ведь горцы об этом не знают?!

Даю лошади шенкеля и посылаю на завал!

Не в восторге от перспективы получить копытом в лоб, осаждающие горцы отскакивают в стороны и назад.

А я выскакиваю из седла. Тот еще кавалерист... на землю бы спрыгнуть, не осрамиться...

Ага! Вышло!

Вот теперь — понеслось!

Перемахнув остатки завала (вот же лодыри, пешком-то давно бы уже перелезли, если б захотели) оказываюсь прямо посередине горцев. Они все пешие, лошади чуть в стороне. Гонор, вишь ты... неприлично им пешими воевать, когда конь есть! Оттого и первый позыв их направлен не ко мне, а к лошадям. Да, собственно говоря, я же один... не та опасность... Прыжок вперед — и я уже в гуще толпы.

А вот сейчас кому-то станет худо... От Рунного клинка доспехи и щиты не спасут!

Взмах клинка — и седобородый мужик опрокинулся на спину. Резко проворачиваюсь на месте и попутно с маху бью кончиком своего оружия по неосмотрительно не убранной вовремя ноге. Мне-то по фигу — могу хоть по пятке тыкать, все равно эффект одинаковый. И нерасторопный парень оседает на землю. Так.. минус два.

Из-за завала прилетает увесистый камешек (монахи в дело включились), и еще один из нападавших оседает на пятую точку.

Хриплый возглас — и горцы отскакивают назад. Теперь между мною и ними метров десять. Они оцетинились клинками, отчего на ум пришло сравнение с дикобразом. Ага... и как это понимать? В оборону встали или к нападению приготовились? Лады, тогда я вам жути подпущу...

Поднимаю с земли оброненный кем-то меч и выразительно помахиваю им в воздухе. Сработало — взгляды горцев повернулись в эту сторону. Взмахиваю Рунным клинком... и на землю падают две половинки разрубленного меча... Глаза моих оппонентов на мгновение остекленели. Впечатляет?

Да еще как!

Разом заорав что-то непонятное, горцы поперли в мою сторону. С мечами наготове... Напугал, называется! Да они теперь и вовсе с катушек съехали!

Камень, выпущенный пращником, заземляет самого ретивого. Сзади трещат ветки — ко мне на помощь лезут солдаты и монахи.

Не успеют... да и толку с них будет... пусть уж лучше на месте сидят, завал хоть как-то прикроет.

Внезапно первые из наступающих покатались под ноги мне и подбегающим сзади солдатам.

Что это?

Залп арбалетов. Он снес приличную кучку нападающих — человека три. Прочие же, не ожидая такого свинства с нашей стороны, слегка замедлили темп передвижения. На какое-то время они притормозили на месте, осматриваясь по сторонам. Надо полагать, выискивали неведомых злодеев. И стрелки тотчас же этим воспользовались. Перезарядив свое оружие, дали еще один залп. Правда, на этот раз свалили только одного всадника и одну лошадь. Причем по странному совпадению это оказался единственный горец, который к этому времени успел-таки добежать до места, где они оставили коней и забраться в седло. Вот ему и прилетело. А неча! Ножками ходить надобно, парни! Не комильфо, супротив вас тоже пешие стоят...

Топот. Около меня выстраивается жидкая цепочка обороняющихся. Двое держат копыя — ну, хоть что-то... Угу, вот я возможность маневра и потерял. Монахи аккуратно пробуют оттеснить меня в глубь строя. Вот уж хрен! Лорд я или так, погулять вышел? Решительно отпихиваю их назад и, выразительно крутанув в воздухе клинком, делаю горцам приглашающий жест.

Так

Положение у нас следующее. Противников наших около полутора десятков человек. А рядом со мною стоят трое монахов и трое солдат. Всего нас семеро, так что у врага почти двукратный численный перевес. Но есть еще стрелки, которые, мало того что где-то в тылу у них сидят, так еще и неизвестно — сколько их? Так что численный перевес тут уже не роляет... Да и стоят они на ногах, а не в седле — тоже минус. Пока горцы будут нас в пешем порядке давить, со спины их болтами нашпигуют — будь здоров! И это им явно не по душе. Невеселая выходит перспектива... А отступить назад им в падлу, свои не поймут, будут ржать и пальцами показывать. Ну, это они так думают.

— Ваш отряд разбит! — кричу я во все горло. — Сейчас сюда подойдет наша пехота!

Среди противников наступает легкое замешательство.

Верить мне?

Шума боя никто из них здесь не слышал, и картинка отсюда не видна. Но с холма я это видеть мог, и это они понимают.

— Пусть один из вас поднимется на верхушку холма! Посмотрит сам! — показываю я рукой наверх. — Но если не хотите...

Ж-ж-ж-их!

И между нами и противником в землю втыкаются полтора десятка стрел!

А вот это — вилы!

Стрелы выпущены из луков, и это означает, что следующие прилетят уже очень скоро. В любом случае горцам ловить уже нечего — они и до нас не добегут, лягут по дороге. Все, последний шанс ими упущен.

— Бросайте оружие! Тогда у вас еще есть возможность уцелеть!

Со звоном падает на камни первый меч...

Из кустов за спинами врага появляется несколько фигур. У троих в руках арбалеты. Коты! Вот кто конникам в задницу болтов насовал! Вовремя весьма, надо сказать... Бегущий впереди Лексли оттирает в сторону поскучневших горцев и зловеще оскаливается. Видок у него... тот еще, и на них это действует. Сбившись в кучку, понурые фигуры послушно отходят туда, куда им указано.

— Ну?! Как тут у вас? — осматривает старший Кот наши ряды. — Неслабо досталось...

— Пойдем, — тащу его на верхушку холма.

Пробитый стрелой солдат лежит около дерева.

— Вот, — показываю на него рукой. — Он меня от стрел закрыл...

— Бывает... — неопределенно выражается Лексли. — А ты чего ждал? Ты — лорд, спасти от смерти сеньора — первейшая обязанность каждого солдата.

— Но...

Даже не знаю, чего и сказать. В словах Кота есть суровая правда, да и у нас это также бывало. Но чтобы вот так кто-то спасал меня? Чувствую себя не в своей тарелке.

— Надо узнать его имя... семью не забыть. Помочь им нужно.

Сержант одобрительно кивает.

— Это да. Хорошо придумано! О таком случае будут говорить! Лорд подумал о семье погибшего солдата! Подобные вещи солдатами ценятся!

— Да ладно... я совсем другое в виду имел. Им ведь теперь трудно будет...

— А ты не зачерствел! — одобрительно кивает Лексли. — Нечасто подобное случается... обычно по-другому бывает...

— Ну, знаешь ли! Я еще не оскотинел до такой степени!

Кот одобрительно хлопает меня по плечу.

— Не кипятись! Я знаю. А вот для многих это будет неожиданностью.

— Кстати! А как твои успехи?

— Мы отловили одного из их командиров. Не самого главного, но тут уж можешь сказать спасибо стрелкам! Главному вlepили болт прямо под лопатку! Если бы он хоть с коня не сверзился... так спиной на болт и упал!

— Говорить станет?

— Надо будет — запоет! Заодно с приплясыванием! То, что они сделали, однозначно карается смер-

тью. Везде и всюду. Войны у нас нет, так что с чистой совестью можешь считать их всех обычными разбойниками. А с ними разговор короткий — в петлю и на солнышко!

Внизу раздается топот копыт, и на поляну вылетают несколько всадников. Кого это черти принесли? Передний из них осаживает коня и поднимает забрало. Командир пехотинцев!

Притормаживая на скользкой тропке, спускаемся вниз.

— Милорд... — отвешивает мне вежливый поклон капитан Байер. — Я не опоздал? Мы спешили...

— Вы прибыли вовремя, капитан! Это наша оплошность, что горцы отправили сюда нескольких всадников. Увы... мы были слишком самонадеянны...

Капитан зорким и внимательным взглядом профессионала окидывает подножье холма. Одобрительно кивает, разглядывая нашу импровизированную баррикаду.

— Сколько у вас было солдат, милорд?

— Вместе с монахами — чуть больше десятка.

— А нападающих?

— Десятка три...

— Окольчуженных кавалеристов. Однако!

Он снова кланяется. На этот раз — с неприкрытым уважением.

— Отдаю должное вашему умению воина, милорд! Я и сам не сумел бы сделать лучше!

— Право, капитан, не преувеличивайте! Уж как ваши солдаты держат строй... вот чему учиться надо! Ей-богу, никогда не видел ничего подобного! Слышать — приходилось, но чтобы своими глазами увидеть...

Байер улыбается.

— Мы профессионалы, милорд! Плохой солдат и живет недолго... — он окидывает меня быстрым взглядом, — и стоит дешево.

А он не только в бою профи! Выгоды своей не упустит! Ну и ладно — заслужил!

На упавшем дереве, нахохлившись, сидит грузный мужик. Доспехов с него не сняли, и по ним видно, что дядя не из простых. Руки связаны за спиной, на поясе болтаются пустые ножны — оружия ему не оставили.

Подтаскиваю к нему седло, снятое с убитой лошади, и сажусь напротив.

— Ну, что, голубчик? Чем порадуешь?

Мужик окидывает меня мрачным взглядом и отворачивается. Говорить ему неохота.

— Рогом будешь упираться? Ну-ну... поупирайся... до замка.

Он неожиданно развеселился:

— До замка? Ха! Давай-давай!

И снова отворачивается.

Отхожу в сторону и ловлю Лексли за рукав.

— Слушай, что-то мне этот дядя не по душе... Уж больно самоуверенный!

— Ну, рога-то мы ему пообломаем!

— Не в этом дело!

Коротко пересказываю ему свои впечатления и возникшие подозрения. Кот согласно кивает:

— Ты прав. У солдат капитана есть клетка с голубями. Надо будет написать барону...

Наскоро перевязав раненых, отряд выступил в обратный путь. Наносить визит вежливости барону отправился Лексли, прихватив в дополнение к своим силам еще десяток лучников и столько же латников.

Трофейных лошадей у нас хватало, так что для перевозки раненых на скорую руку соорудили несколько пар конных носилок. Всего-то и делов — рама с ремнями, подвешенная на растяжках между двумя лошадьми. Поверх растяжек — кусок ткани, в данном случае — солдатский плащ. Двух-трех человек подобная конструкция поднимает легко, лошади, удерживаемые поперечной оглоблей, идут ровно и не рыскают. Кони в обыденной ситуации, как правило, идут спокойно, носилки не встряхивает особо — чай, не телега. Интересное дело, но, как оказалось, такой девайс до меня тут никто не применял! Байер с интересом рассматривал эту несложную конструкцию и одобритительно прицокивал языком.

— Полезная вещь, милорд! Мне уже не придется отвлекать для этого своих солдат. Телеги-то не всегда под рукой бывают...

— Дарю идею, капитан! Придем в замок, распоряджусь, чтобы вам сделали десяток подобных устройств. И не из подручных палок и солдатских плащей, а крепко!

— Благодарю, милорд! — вежливо наклоняет он голову. — Да и солдаты их уже оценили...

Это он, кстати говоря, верно подметил. Я уже пару раз замечал уважительные взгляды его бойцов. Блин, вот так и приобретаешь популярность в глазах местного населения... Надо будет и попам про это рассказать, пусть не только солдаты этот прибивамбас пользуют. Целителям он, между прочим, тоже к месту будет...

Солнце уже встало достаточно высоко, и под ногами отряда запылила подсохшая земля. Отыскав среди трофейного барахла пару бочонков с вином, даю приказание угостить раненых, да и про прочих солдат тоже забывать не след. Настроение еще боль-

ше повысилось, даже на душе перестали точить когти мрачные кошки. Грешным делом, я здорово напрягся, услышав слова нашего пленника. Черт их знает, горцев этих... мало ли какую каверзу они еще могут измыслить? Замок — он, конечно, строение серьезное... но как-то же и их брали? Правда, для этого нужно намного более серьезное войско, чем две-три сотни всадников... тайком провести их сюда не так и легко. Однако же те, которых мы разбили, прошли? А где сотня, там и две... и три...

Встряхиваю головой, отгоняя мрачные мысли и, пришпорив коня, догоняю капитана. Он едет впереди колонны. В пятистах метрах перед ним движется передовой дозор, внимательно осматривающий дорогу и прилегающий лесок.

— Опасаетесь засады, капитан?

— Осторожность не бывает лишней, милорд!

— Эт точно! Береженого бог бережет, а небрежного — конвой стережет!

Байер удивленно таращит глаза — не ожидал услышать от лорда эдакую поговорку. Но, поразмыслив, кивает:

— Да, милорд! Не буду с вами спорить. У меня и сзади такой же дозор едет.

— А по бокам?

— Здесь тесно, милорд. Скалы стоят близко к дороге, засаду спрятать некуда. А если кто поднимется наверх... вы видели, как мы умеем стрелять. Да и плохие тут скалы, обветренные, камней слабых много... опасное это дело — лезть здесь на гребень.

— Знаете эти места, Байер?

— Я здешний уроженец. Вырос неподалеку отсюда, ногами исходил почти все графство. А в пятнадцать лет ушел... Отец умер, и барон назначил нового лесничего. Мне не осталось места в родном доме.

— Бывает... Дом-то давно свой видели?

— Совсем не видел. Что я там потерял? Вот мой дом, — он указывает на колонну солдат. — Теперь — это моя семья.

— Давно воюете?

— Почти десять лет.

— Серьезно...

— Такова жизнь, милорд.

— Не приходило в голову остепениться, построить дом... завести жену, детей?

— Где, милорд? В стране не так уж и много хороших земель! А те, что пригодны для жилья... имеют своих хозяев. Да и какой из меня теперь лесничий? Что же до детей... они точно где-то есть!

— Ну... земли есть и у меня... Не знаю точно, как много, но есть! Даже города имеются! Война не будет идти вечно, капитан.

Он цепким и наблюдательным взглядом окидывает меня всего.

— Спасибо... милорд...

Некоторое время мы едем молча.

— По правде сказать, милорд... не ожидал. Я слышал о вас многое, некоторые вещи... меня... нас напрягали. Даже очень! Пойти на службу к Серому! Это, знаете ли... Проще уж выдержать еще одну такую атаку! Про вас, Серых, болтают разное...

— Кто же вас уговорил?

— Вы не поверите — ваша будущая жена!

Я аж поперхнулся от неожиданности.

— Кто?

— Она лечила нашего капрала. Парня укусила змея. Мы уже отправили за священником... но она успела раньше. Пока возилась с ним, ребята разговорились с Котами, которые с ней приехали. Разговор вышел интересный! Потом и она подошла... угостила

меня своим хитрым напитком. Тем, который поднимает мертвых!

Представляю себе реакцию непривычного человека! Как отца Варшани вспомню, так морда непривольно в улыбку растягивается.

— Хм... ну... это некоторым образом и мое изобретение...

— Сейчас я это уже знаю, милорд. Они не успели еще уехать, как прибыл королевский гонец. Привез приказ о выступлении.

— Пойдите, Байер, но ведь вы — не коронные солдаты!

— У нас на тот момент не было нанимателя. Вот нас и пригласил коннетабль короля. Это нормальное явление. В этом случае нам платит казна. Хотя и не так щедро.

— И что же было дальше?

— Мы начали сборы. И тогда Мирна спросила у меня: нравится ли мне деревня, где мы тогда стояли? Я ответил утвердительно. Мы были там уже полтора месяца. Не хамили, вели себя спокойно, деньги еще были... вы же понимаете, милорд, это тоже не так легко...

— Понимаю.

— Вот! У солдат там появились подружки, да и я сам... г-м-м! Да! Я спросил Мирну: почему мне надо запоминать это место? А она ответила, что, когда мы уйдем, сюда могут прийти горцы... или кто-нибудь похуже... Вот и запоминай, сказала она, пока есть что помнить!

— Это да... она может так сказануть.

— Вот... А вечером приехал-таки священник. И тоже... много чего сказал нам. Через два дня я послал к вам посылного.

— И как? Не жалеете о своем решении?

— Мы солдаты, милорд! Если выйдем живыми из такой передряги... то желающие нас нанять встанут в очередь!

Он искоса на меня смотрит — интересна реакция на эти слова. Я пока что молчу, ничем не высказывая своего к этому отношения. Явно капитан не все еще сказал, так не буду ему мешать.

— Да и кроме того... вы очень необычный наниматель, милорд!

— Я вообще человек непростой! А что же такого особенного вы заметили?

— Нас нанимали многие... И отношение тоже было... разным. Вот взять хотя бы вашего командующего.

— Лэна?

— Ну да, барона. Он ведь вас искренне любит! И не он один!

— Да ладно вам, капитан... Я не женщина, чтобы меня любили.

— Возможно, я неправильно выразился, милорд, но вы поймете меня. Для моих солдат командир — как отец или старший брат. И они встанут на мою защиту без колебаний. А вот сегодня... Тот солдат на холме, вы его знали?

— Нет. Он из городского отряда, только недавно пришел в замок.

— Но он закрыл вас от стрел! И погиб. Он же должен был предвидеть такую возможность!

— Я поступил бы так же.

— В этом-то все и дело, милорд! У нас пока что не было таких нанимателей... Это необычно и непривычно. Генералы не заботятся о солдатах. А у вас... все не так.

Сказав это, Байер задумался. Я не лез к нему с расспросами, пусть хорошенько обдумает все, времени у нас пока хватает.

Вот уже потянулись знакомые места. Тут мы как-то проезжали, узнаю этот холмик. Стало быть, и до замка осталось не так уж и долго ехать. Часа два-три — и мы дома! Опять сероглазке хлопотать, обихаживая раненых. Хорошо, что рядом с ней монашки, они помогут. Все лучше, нежели в одиночку пахать.

— Капитан! Это ваш дозорный?

Из-за леса выметнулся всадник. Приглядевшись, Байер кивнул головой и выехал навстречу. Обменявшись несколькими словами, разворачивает коня и подъезжает ближе.

— Милорд! Над замком дымы!

— Пожар?

— Непохоже... он не прогорел бы так быстро! Да и дыма в этом случае было бы куда больше, мы бы его издалека увидели.

— Что же это может быть?

— Отправлю разведку — пусть посмотрят.

Обернувшись к колонне, Байер машет рукой.

Лязгнуло — пехотинцы надели шлемы. До сей поры они мирно болтались на древках их копий. По колонне прокатилось движение, пехота поправляла доспехи. Не сбавляя хода, они перестраивались в боевой порядок.

Охренеть!

Дымы над замком!

Он взят?

— Да ладно... — отвечаю я сам себе на невысказанный вопрос. — Не могли же взять замок за несколько часов? Пусть даже и хитростью!

Капитан удивленно на меня смотрит, и я понимаю, что последние слова произнес вслух. Бывает...

Мерно топоча ногами, колонна поднялась на пригорок.

Вот и стены замка.

Над ними в нескольких местах поднимаются струйки дыма. Отсюда их хорошо видно.

Еле сдерживаю себя. Так хочется пришпорить коня и рвануть вперед! Нельзя... Командир должен быть невозмутимым, вон, хоть на капитана взглянуть! Кремень мужик!

Еще метров триста.

Дымы видны уже лучше. Что горит? На стенах — это факт. Но что именно? Отсюда не видно.

Разговоры в строю смолкли, и только мерный топот ног нарушал тишину.

Опа...

На дороге лежит свежий покойник.

Горец, это очевидно.

Как он сюда попал?

С неба свалился?

Нет, вон поодаль бродит конь, явно мертвец брякнулся с него. В плече покойника торчит толстое древко арбалетного болта. Эк его занесло... Сколько ж он скакал с такой штукой в плече? И как нас обогнать успел?

Стоп!

А с чего я взял, будто этот тип прискакал с нашей стороны?

Это с болтом-то в теле? Сомнительно...

Значит, он попал сюда со стороны замка — больше просто неоткуда.

Байер, увидев труп, поджимает губы.

Резко звучит команда, и солдаты смыкают ряды так, что я оказываюсь внутри строя — меня туда просто боками затолкали.

Стены ближе, уже можно рассмотреть небольшие фигурки людей на них.

— Милорд!

— Да, капитан?

— На башне над воротами — ваш флаг! Замок наш!

Теперь и я это вижу.

Из ворот выезжает всадник и несется в нашу сторону.

Позади меня щелкают взводимые арбалеты — солдаты готовятся к его встрече.

Минута... другая...

— Свои!

Это Геллерт — один из Котов, остававшихся в замке.

— Милорд, где милорд? — кричит он издали.

— А ну-ка... — раздвигаю я конем стену пехотинцев. — Лорд я — или пугало огородное? Пропустите-ка меня...

• По молчаливому кивку капитана, строй раздается в стороны. Наконец-то!

Даю коню шенкеля и направляю его в сторону замка.

— Милорд! Сандр! Вы все целы? — кричит подъезжающий Кот.

— Как видишь! Даже и здоровы почти все...

— Тогда не будем терять времени!

Барон оперся руками о парапет башни.

— Уф... Нервы, милорд... Я хоть и старый вояка, но нервы у меня не из корабельных канатов...

— Да не переживайте вы так, Лэн! Мы все целы, наши потери составляют всего тринадцать человек убитыми да человек двадцать ранено. Горцам же повезло значительно меньше. Они только убитыми по-

теряли более двухсот бойцов. Да в плен к нам попало около тридцати человек...

— Да и хрен бы с ними, милорд. Попали не попали, убежали-утонули... черт с ними со всеми! Я беспокоюсь о вас!

Тонкая ручка сероглазки крепко стиснула мою ладонь.

Встретив меня прямо в воротах, она вцепилась в меня и больше и не выпускала. Так мы и на башню поднялись — рука об руку.

— Сначала прискакал гонец... — продолжает свой рассказ барон. — Он сообщил, что видел большой отряд пехоты, который попал в засаду. А потом... потом у ворот замка появились ваши лошади.

Понятно, горцы не отловили всех отпущенных отрядных лошадей — мой прокол! Надо было думать... Ведь освобожденные кони побежали туда, где их сытно кормили — домой, в замок. А вот, что подумают в замке, увидев лошадей... да, тут я лопухнулся!

— Вот мы и подумали... отряд окружили, ваши спутники убиты... А через некоторое время на дороге появились отступающие люди. Частью — на лошадях, частью пешие, державшиеся за стремяна лошадей. За двумя всадниками тащились волокуши — так обычно перевозят раненых.

— И вы приняли их за нас... впустили в замок...

— Нет, милорд! Только под арку! Они же были одеты не так, как наши солдаты. А в арке двое ворот... и про это я не забыл. Словом, когда они втянулись под арку, был отдан приказ закрыть входные ворота.

— И все они оказались в каменном мешке...

— Да, милорд. Воевать в таких условиях... мало кто умеет. А я — помню то, чему меня учили...

Могу себе представить ощущение горцев, когда за их спинами захлопнулись тяжелые створки. Их

закрывают из специальных помещений, рычагами, так что со стороны кажется, что они движутся сами по себе. И непонятно, на кого нападать, чтобы ворота снова открылись.

А в стенах воротного тоннеля прорезаны бойницы... и за ними стоят стрелки с арбалетами.

— Я отдал приказ сложить оружие и спешиться, — сухо говорит барон. — Вместо этого они постарались пробить входные ворота. Мы думали, что они везли с собою на волокушах раненых, оказалось, что вместо этого всадники притащили с собою небольшой таран. Он был укутан тряпками и издалека походил на тело человека.

Знаю такие штуки. У нас их ОМОН использует, чтобы квартирные двери высаживать. Ворота таким не снести, а вот калитку в воротах выбить — очень даже возможно.

— Разумеется, у них ничего не вышло. Никто из посторонних ведь не знает про бойницы в стенах башенного коридора...

А могли бы предположить! Замку уже много лет и управляли им далеко не лохи! Стоп-стоп-стоп... Какая-то мысль... Что-то такое я сейчас подумал...

— В это время замок был атакован. Из лесу выбежала довольно-таки многочисленная толпа нападающих. Лучники и арбалетчики обстреляли стены и попытались на них взобраться. Мы дали ответный залп. Я приказал гарнизону занять башни и боевые площадки. Разжечь костры под котлами со смолой и маслом. Теми, которые стоят на других участках стены. Котлы над воротами и так у нас всегда в готовности.

Так вот что горело на стенах! Вот какой дым мы видели! Кстати говоря, теперь я понимаю, откуда на стене темные полосы — лили смолу и масло.

— Но эта попытка успехом не увенчалась. Штурм мы отбили, лестницы поставить не дали. В нападении на замок участвовало не менее пятисот человек, преимущественно — кавалеристы, спешившиеся только около стен. По самым скромным прикидкам, нападающие потеряли не менее полутора человека только убитыми. Какое-то количество раненых они унесли с собой, прочих я распорядился добить, — продолжает свой доклад барон.

— И правильно распорядились!

— Епископы были недовольны...

— Ладно, Лэн, тут уже не их епархия — это война, если кто-то еще этого не понял! Не берите в голову, я полностью одобряю и поддерживаю все ваши приказы! Вы тут главнокомандующий, и ваши указания никем не могут быть оспорены. Точка!

— Спасибо, милорд. Передовой отряд, в воротном тоннеле, потеряв большую часть бойцов, сложил оружие. Мы взяли в плен троих.

— И у нас тоже есть пленные. Надо будет их поподробнее расспросить. Такая скоординированная по времени атака... Всегда ли горцы так поступают, барон?

— Нет, милорд. Вообще не помню, чтобы они действовали подобным образом. Да и то, как тихо они подошли к замку... раньше такого не было.

— Значит, так, барон. С сегодняшнего дня мы находимся с ними в состоянии войны. Закрывать все проходы в ущельях, никого и никуда не пропускать. Даже по одному. Переговоров не вести. Всех горцев, которых найдут в графстве, — под замок! Спротивляющихся уничтожать, их имущество достанется тем, кто это сделал. Как там у них, в горах, сейчас с удовольствием?

— Не очень хорошо. В это время они обычно спускались вниз — покупали у нас зерно.

— Все то, что обычно покупали горцы, — сейчас покупаю я! По более выгодным ценам. Распорядитесь, чтобы все запасы продовольствия, которые будут таким образом куплены, немедленно вывозились в глубь королевства. Пусть то, что мы не оставим в городах, будет перепродано внутри страны. Если при этом цена окажется не столь хорошей — наплевать! Переживу как-нибудь. Но ни одна мера зерна не должна попасть в горы! Пускай воюют с голодным брюхом!

— Понятно, милорд. В этих условиях часть князей может направить свои караваны к соседям, в другое королевство. И те продадут им продовольствие.

— Каждый ушедший караван — это минус полсотни человек. И пара недель как минимум. Пусть едут. Чем меньше у них будет бойцов — тем лучше.

— Будет исполнено, милорд.

— У вас все, барон?

— Да, все.

Встаю с места и обнимаю барона.

— Спасибо, барон! Я всегда знал, что могу на вас положиться, и сегодня еще раз в этом убедился! Ваши действия заслуживают самой высокой оценки! Будьте уверены, я про это не забуду.

Вот привезет Лексли того барончика, что горцам приют дал... Устроим ему дознание и показательную расправу, а поместье, или что там у него есть, отдам Лэну — заслужил! И Байеру что-нибудь выделим, хватит ему по стране туда-сюда скакать. Мне хорошие солдаты и здесь не помешают.

Продолжая обсуждать прочие подробности, я все время ловил себя на мысли, что что-то так и осталось мною недопонятым. Какая-то деталь... Но что же

именно? И только тогда, когда мы стали уже расходиться, я попридержал барона.

— Лэн... вот тут у меня мысль возникла... Все ли замки устроены одинаково?

— То есть? Не понимаю вас, милорд.

— Вот это наше устройство ворот... я имею в виду тоннель под башней. Так везде?

— Нет. Обычно проход идет между двух стен. Но вторые ворота есть всегда. Это в данном замке прежний граф не поспешил на такое сложное устройство въезда.

Так-так-так... какая-то мысль начала понемногу оформляться у меня в голове.

— А вот эти наши вторые ворота... Барон, вспомните, когда у нас была делегация горцев, они были открыты?

— Деле... что?

— Ну, их представители! Я тогда еще зарубил вожака!

— А-а-а! Да, помню. Были открыты все ворота. Мы встречали их подчеркнуто дружелюбно. Вы же сами распорядились не обострять отношения раньше времени. Никто же не знал, чем обернется их визит.

— И они не могли рассмотреть устройство их открывания... Ага. Лэн, вот эта их придумка с малым тараном. Могло что-то выйти?

— Здесь? Сомневаюсь, милорд. Эти ворота сработаны на совесть. Таким небольшим тараном их не взять. В иных местах, в другом замке — могло что-то выйти. Там в створках ворот иногда делают небольшие калитки, и их подобным тараном выбить можно. И тогда даже небольшая группа смелых воинов смогла бы обеспечить прорыв всем остальным. Я думаю, что именно подобное развитие событий они и

планировали. Недаром же большая часть нападавших была верхом? Так они смогли бы быстро ворваться внутрь замка и ударить нам в спину. Спешились же они только тогда, когда поняли, что ворота им никто не откроет.

Так! Последний кусочек мозаики со щелчком встал на место...

— Вот что, барон... Похоже, что я уже сталкивался в своей жизни с такими вот фокусниками.

— И где ж это, милорд?

— Далеко...

Когда сидишь на солнцепеке вторую неделю подряд, все прочие мысли, не связанные с ожиданием прохлады, как-то постепенно отходят на второй план. В голове начинают пощелкивать невидимые часики, тщательно отмеряя оставшееся до прихода вечерней темноты время. И как тут живут местные?

Уже на третий день мы сбрасывали с себя потевшее х/б и напяливали осточертевшие бронезилеты прямо на майки. Было искушение побросать и эту тяжесть, но взводный популярно разъяснил нам последствия данного непродуманного шага. Не отдаленные — от духовской пули, а немедленные — по его инициативе. После того как парочка непонятливых весь день ворочала тяжелые булыганы, обкладывая ими брустверы, желающих повторить их трудовой подвиг более не нашлось. Так что сидим и паримся в тяжелых бронезилетах. Волосы под каской давным-давно промокли, и поэтому, улучив свободную минутку, мы постоянно сбрасываем каски, подставляя

волосы под легкий ветерок, который тут иногда бывает. Сидеть нам здесь еще долго. Во всяком случае, про смену пока никто и не заикался. Одно развлечение: дорога тут оживленная, машины ходят часто, время от времени проезжают наши колонны, и тогда мы машем касками, приветствуя почернелых от пыли и загара водителей. Они что-то орут нам в ответ и тоже машут в окно руками. Иногда с проезжающих машин нам перепадают какие-то приятные ништяки. То пачка сигарет, то банка каких-нибудь вкусных консервов — мы всему рады. Взамен мы делимся с ними водой. Рядом с блокпостом из скал бьет источник, и вода в нем поразительно вкусная. И люто холодная. Аж зубы сводит до ломоты!

Ездят здесь и местные. Живописно разукрашенные бурбухайки мотаются мимо нас в город на базар. Утром они едут к городу, обвешанные всевозможными тюками и ящиками, а вечером — в обратную сторону.

Каждый раз мы их притормаживаем и проверяем на предмет провоза запрещенных вещей. Иногда удается что-то найти. Как правило, это боеприпасы, в основном патроны. Первое время мы сообщали об этом представителям царандоя, а потом просто махнули рукой. Все равно никто из них из-за такой мелочи к нам не приезжает. Поэтому мы просто отбираем патроны и высыпаем их в ящик, стоящий у задней стены блокпоста. Моментально просекшие фишку афганцы сделали из всего этого свои выводы. И теперь, подъезжая к передовым постам, водители предупреждают своих пассажиров, дабы те заранее избавлялись от подобных вещей. В случае выполнения их требований водитель высовывает в окно руку и размахивает в воздухе, подавая знак часовым. В подобной ситуации мы частенько пропускаем ма-

шины без досмотра. Взамен водители делятся с нами молоком и свежей зеленью, которую везут на рынок. Если же условного сигнала нет, машину останавливают. Это происходит тогда, когда водитель не уверен в своих пассажирах или просто их не знает. Пару раз подобная тактика приносила свои результаты. Один раз мы нашли у бородатого мужика автомат, который он прятал в мешке, а в другом случае молодой пацан вез среди вещей полтора десятка ручных гранат. Надо полагать, на базар.

Вот за мужиком царандоевцы приехали быстро. Как выяснилось впоследствии, этого дядю они уже давно мечтали захомутать. Вырос у них на этого типа зуб весьма немаленьких размеров. А пацану просто надавали по шее и отпустили.

Вообще здесь места тихие. Духи особенно не борзуют, хотя и шарятся где-то по окрестностям. Там они, бывает, постреливают и даже чего-то взрывают. Дойти до города, минуя наш блокпост, сложновато. С одной стороны мешают горы и бурная речка, которую сложно перейти вброд, с другой стороны расположены три кишлака, жители которых к духам относятся весьма неприязненно. Уж какая между ними кошка пробежала — бог весть. Но в тех краях никто из моджахедов старается не появляться. Даже если сильно припрет. Там с ними разговор короткий. Кстати, большая часть машин ездит на базар именно оттуда.

Этот день ничем особенным среди других не выделялся. Не щемило поутру сердце, не болела голова, и вообще, никаких мрачных предчувствий никто из нас не испытывал. В книгах пишут, что наступление каких-то глобальных неприятностей могут чувствовать животные. Причем задолго до их наступления.

Не знаю. Видимо, тот, кто писал такие вещи, совершенно упустил из виду нашего Тузика. Охреневший от жары, пес с самого утра забился под бочку с водой и никаких признаков жизни вообще не подавал. Хотя назвать его совершенным раздолбаем язык не поворачивался. Пару раз именно благодаря его чутью нам удавалось отыскать среди разнообразного барахла, в изобилии наваленного в грузовики, всякие интересные вещи. А за последней его находкой — увесистым алюминиевым ящичком, прикатила аж целая депутация. Двое хадовцев и наш особист. Хозяина у ящичка не нашлось, и это было в порядке вещей. Принадлежность груза интересует водителя бурбухайки лишь с точки зрения его своевременной оплаты. Ежели кто и захочет прихватить чужое добро, то перед этим он будет вынужден за него заплатить. И не факт, что взятое добро будет стоить тех денег, которые за него заплачены. Поэтому водитель весьма философски относится к тому, кто и какой сундук пихает к нему в кузов. А вот кто и чего забирает, не забывая при этом расплатиться, он сечет очень даже внимательно. Да и местные обычаи, касающиеся воровства чужой собственности, здесь достаточно суровы. Такие понятия, как соцзаконность и уважение прав преступного элемента, для местного населения сродни китайской грамоте. Слышать про них — может быть, что-то и слышали, но что это такое и с чем его едят, никто не знает.

Поэтому на блокпосту не наблюдалось никаких повышенных мер безопасности. Никто не оглядывал окрестности в сорокакратный морской бинокль и не гонял радиостанцию в надежде поймать чужие переговоры. Биноклей у нас было всего два: у взводного и у старшины. А радиостанцию включали только в обусловленное время. Вы скажете, непорядок? Всецело с

вами соглашусь. Но такой бардак был на этом посту до нас и, наверное, будет после. Да никто из нас не ожидал каких-либо неприятностей. Соседство с вышеупомянутыми кишлаками действовало в достаточной степени расслабляюще.

Ближе к обеду в движении машин обычно наступал небольшой перерыв. Местные к этому времени все уже были на базаре, а наши колонны подходили обычно через час-полтора. Так здесь было все время, и никаких предпосылок для того, чтобы изменить привычный порядок, не наблюдалось. Поэтому когда вдали на дороге за клубилась пыль, мой сосед Мишка удивленно присвистнул:

— Кого это вдруг черти несут?! Или из местных кто проспал, или наш кто-то слишком рано вскочил.

Приподнимаюсь над раскаленными камнями брусвера и вглядываюсь вдаль. Идут три машины. Разрыв между ними достаточно велик. Пыль, поднятая ими, не закрывает обзора до такой степени, чтобы нельзя было разобрать, сколько их тут едет. Впереди идет какая-то небольшая машина типа нашей «буханки». Представляю, какая сейчас там внутри жара. Следом за ней неторопливо прут по дороге две обыкновенные бурбухайки. Дорога в этом месте делает поворот, поднимаясь вверх на склон, и машины можно хорошо рассмотреть.

— Вторым идет Саид, — говорит Мишка, разглядев первый грузовик. — У него кабина зеленая, а кузов во всяких финтифлюшках разрисованный. Это у него старший сын балуется. Тот еще художник. Но местным нравится.

— А замыкающий кто?

— Этого я не знаю. Но машина знакомая, он тоже через нас частенько катается.

— «Буханка» чья?

— Да черт их знает. Вроде бы в больнице похожая есть. Ездил тут пару раз их главврач. Вот примерно на такой и катался.

Мишке можно верить. Зрительная память у него великолепная, и мы все не раз в этом убеждались. Если он говорит, что эти машины видел, то так, скорее всего, и есть.

До нас им добираться еще минут десять. Дорога тут узкая, подъем крутой, машины идут медленно. Бывает, что водители сильно перегруженных машин даже пассажиров внизу высаживают, и те топают через блокпост пешком.

Скрипя берцами по песку, подходит старшина. Время смены. Нас заменяет следующая пара дежурных, а мы топаем к кухне. Самое время перекусить. Но пожрать нам сразу не удастся: неразговорчивый Михалыч сует нам пустой термос и выразительно кивает головой в сторону источника. Тут он прав. Стоящая под палящим солнцем цистерна с водой хоть и накрыта сверху брезентом, но уже давно нагрелась. А взятая из источника вкусная и холодная вода — это самый лучший десерт, который только можно пожелать на этой жаре. Поэтому мы не спорим, а бодро топаем к источнику, благо идти недалеко. Пользуясь тем, что мы в данный момент не на посту, оставляем около кухни бронезилеты и идем налегке. На такое нарушение взводный смотрит сквозь пальцы. Вот если бы мы еще и автоматы оставили... ворочать бы нам тогда бульжники.

Из-под подошв кед, пощелкивая, сыпятся камешки. Мы срезаем дорогу напрямик, оставляя тропу правее и выше. Термос мы тащим вместе, поэтому идти относительно легко.

Снизу слышен шум двигателя. Пока Мишка наполняет термос водой, подставив его под тонкую струйку,

я рассматриваю наш блокпост сверху. У передового поста притормаживает «буханка». Из ее окна высовывается рука, приветственно помахивающая нашему часовому. Вижу, как скользит вверх шлагбаум. Дерево в здешних краях дефицит, поэтому шлагбаум у нас сделан из старой трубы, раскрашенной в черный и белый цвета наподобие жезла гаишника.

Газанув, «буханка» неторопливо катится вперед. А шлагбаум медленно опускается на свое место. Грузовики еще далеко, до них метров четыреста. Идут они тяжело, видимо, здорово загружены.

— Давай, чего ты там застрял? — недовольно ворчит Мишка. — Пошли уже.

Подхватываю рукой термос, и мы медленно спускаемся вниз.

Бу-бух!

Очумевшими глазами мы смотрим на то, как над центральным строением блокпоста поднимается черное облако.

Э-м-м... что это было? Случайный разрыв?

Чего?

Снова грохочет взрыв, подкрепленный на этот раз автоматными очередями. С нашей позиции видно, как из задних дверей «буханки», роняя на дорогу какие-то ящики, выскакивают несколько человек с оружием.

Духи!

Тут никаких сомнений нет, да и быть не может. Никто другой на нас просто не нападет. Стало быть, первый разрыв — тоже дело их рук.

В пулеметное гнездо на входе тоже летят гранаты, татакает автомат. Все! Крандец ребятам...

А «буханка» продолжает катиться вперед. Вместо выбитого лобового стекла в окне, справа от водителя, торчит пулемет. Цель его ясна — пулеметное гнездо на выезде.

— Ах вы, с-с-с... — заходится Мишка.

С грохотом катится вниз термос, расплескивая по пути воду.

Мишка длинными прыжками несется вперед, к дороге, на ходу сдергивая с плеча автомат.

Наверное, каждому когда-то приходилось видеть сны, в которых он либо догонял кого-нибудь, либо, наоборот, — сматывался. И ноги при этом ступали отвратительно медленно, словно приклеенные к полу. Вот и сейчас, несмотря на то что мы оба спешим изо всех сил, полное впечатление, что еле-еле ползем. Спасает только то, что с дороги нас почти не видно — закрывает стена центрального строения и брезентовый полог столовой.

«Буханка» уже прошла почти полпути, когда Мишка, наконец, добрался до того места, откуда он мог вести по ней уверенную стрельбу. Замечание нелишнее, ибо у него и у меня с собой всего по одному магазину. А где остальные? Да там же... где и бронежилеты... Стало быть, стрелять надо точно.

— Справа блок обходи! — орет мне мой товарищ.

Да не лопух я, понимаю все.

Уже заворачивая за угол, я вижу, как он останавливается и скидывает к плечу оружие.

На первом посту снова что-то грохает, и поэтому выстрелы Мишки почти не слышны. Но результат попадания я вижу даже отсюда. В «буханке» внезапно разлетаются в брызги стекла, и она резко виляет в сторону — водителю копец!

«Вломили!»

С этой радостной мыслью я заворачиваю за угол... и весь мой энтузиазм разом иссякает.

На дороге стоят четверо духов. Слава богу, сейчас они стоят ко мне спиной! На взрыв бошки повернули! Хреновая вещь — любопытство!

Первого из них я снял с ходу — очередь вошла ему в бок, и душман ничком рухнул на землю. Начавший поворачиваться на выстрелы, второй схлопотал свою пулю и скорчился на земле рядом с товарищем.

Оставшиеся моджахеда, как зайцы, сиганули по сторонам. Причем тот, что был от меня дальше всех, оказался ленивым зайцем. Или ему просто не повезло? Трудно сказать... А вот четвертый, решив не искушать судьбу, рванул по дороге назад, навстречу грузовикам. В принципе его тоже можно было бы завалить, но... у меня и так оставался едва ли десяток патронов. И черт его знает, сколько в подъезжающих грузовиках еще сидит товарищей этого деятеля?

Что делать?

И куды бечь?

В столовку за бронником и магазинами? То есть — за духом следом? Стрелять по мне в таком разе не станут — могут и его завалить случаем. Хотя... пожалуй что, и станут. Это у нас считается, что каждый боец ценен... во всяком случае — так говорят. А вот у них — не так. Пал во имя... хрен его знает, чего. Но комплексовать по этому поводу никто не будет. Резюме — будут стрелять.

Раз так, поворачиваю назад и обегаю центральное строение со стороны дороги. По пути вижу корчащегося в пыли духа. Здравсьте, а он-то откуда взялся? Это уже пятый! Рассуждать некогда, и я на ходу всаживаю в него две пули. Готов!

Завернув за угол, подбегаю ко входу. Центральное строение блокпоста соорудили из полуразваленно-

го дома. Видимо, когда-то здесь был кишлак или что-то похожее. Время не пощадило его построек, сжавшись только над этим одиноко стоящим домом. А может быть, все объяснялось гораздо проще. Вода здесь есть, и не исключено, что проезжающие по дороге люди просто останавливались в этих местах передохнуть. Оттого и поддерживали в более-менее приличном состоянии единственное уцелевшее жилье. Переоборудовав его в здание блокпоста, саперы натаскали на крышу камней и подняли ее края приблизительно на метр. Так что строение получилось полутораэтажным. Сверху натянули брезент, в крыше пробили дыру и поставили лестницу. А наверху, под брезентом, стоял КПВТ. Вот к нему-то я сейчас и направился. Согласитесь, что данный агрегат в сложившейся ситуации куда более весомый аргумент, чем два автомата.

Влетев в проем, вскидываю автомат — справа обозначается движение.

— Сашка?! Ты, что ли?

Еле успеваю сдержать палец на спусковом крючке.

Михалыч!

Он стоит, привалившись к стене. Рядом с ним замечаю недвижимые тела кого-то из ребят. В падающем из дверного проема свете видно, что его поварской передник вымазан в пыли, и на плече расплывается темное пятно. В левой руке прапорщик держит пистолет. Понятно теперь, откуда взялся на дороге пятый дух. В завязавшейся кутерьме его товарищи вполне могли зевнуть негромкий хлопок Макарова. Оттого-то они и тупили на дороге, вертя головами во все стороны.

— Михалыч, как ты? Ранен?

— Есть малость. Осколком в плечо пришлось, и башка гудит.

— Так я тебя перевяжу!

— После, Санек. Ты куда собрался-то?

— Наверх, к пулемету. Куда же еще?

— Обожди с пулеметом. Давай, дуй к рации! Надо нашим сообщить. Эти гости сюда не просто так пришли. Посту, считай, кирдык, а на подходе ежедневная колонна. С этого места басмачи ее в два счета разделают под орех. Пусть остановят, незачем им сюда ехать.

— Так не успею я передать: духи уже у шлагбаума вот-вот будут.

— Я к пулемету встану. Чай, у меня опыта побольше, чем у вас всех, вместе взятых. Тоже ведь не всю жизнь поваром-то был.

Это правда. Михалыч служит уже шестой год. И только в Афгане он уже два года. Неуживчивый и малоразговорчивый, он постоянно конфликтует с руководством. Оттого и сидит безвылазно на блокпосту. Семьи у него нет, родных — тоже. Поэтому даже свой отпуск прапорщик проводит в Кабуле. Отъездается и отсыпается. После того как его на одном из выходов контузило взрывом (сосед наступил на мину), его оставили на хозяйственной должности. Вот тут и прорезался у него талант повара. Готовит он просто великолепно! И, глядя на него, совершенно невозможно предположить, что под поварским колпаком скрывается опытный и злой боец. Возражать ему в данной ситуации бессмысленно и глупо. Подсадив его на лестницу, я подхватываю с земли чей-то автомат и несусь в соседнее помещение.

В отличие от первой комнаты, куда духи успели забросить гранату, сюда ничего не прилетело. Поэтому здесь все находится в относительном порядке.

Подскакиваю к радиостанции и щелчком перебрасываю тумблер питания. Неярко загорелись лампочки, качнулась стрелка индикатора.

— Я — Сто шестой! Я — Сто шестой! Срочно отзовитесь все, кто меня слышит! Прием!

Некоторое время ничего не происходит, только в динамиках слышен шорох атмосферного электричества. Внезапно над головой гулко грохочет раскатиная очередь. Надо полагать, духи пошли на штурм.

— На связи «Акация-шесть». Слушаю тебя, Сто шестой. Что стряслось?

— Нападение на блокпост. Немедленно остановите колонну!

— Что там у вас? Подробнее доложи.

Это позывной мотострелкового батальона, они расположены от нас приблизительно в двадцати километрах. И их машины иногда проезжают через наш блокпост.

— Пулемет на входе разбит, имеем потери более пятидесяти процентов личного состава. Долго здесь не продержимся.

— Количество нападающих хоть примерно можешь сказать?

Снова грохочет пулемет. Он резко осекается, и даже здесь я слышу матерную ругань прапорщика. Что-то случилось. Бросив микрофон на стол, я пулей взлетаю вверх по лестнице.

— Ленту! Мать твою, ленту давай скорее! — кричит мне раскрасневшийся Михалыч.

Так вот в чем дело! У него просто кончились патроны, а одной рукой поменять ленту ему трудно. Падаю на колени и, зацепив рукой патронный ящик, подтаскиваю его поближе к пулемету. Открыв крышку, выдергиваю конец ленты и, поднявшись на ноги, заряжаю пулемет. Искося глянув на дорогу, я аж при-

свистнул: раскорячившись поперек дороги, стоит один из грузовиков. Тот самый, Саидовский. Кабина у него искорежена пулями, в кузове видны дырки от попаданий. Второй грузовик чуть поодаль, и на нем никаких повреждений я не вижу. А по обе стороны от брошенных машин из-за всевозможных укрытий торчат автоматные стволы. Мать моя, да сколько же их тут?! Только на первый взгляд не менее пятидесяти человек. Над моей головой что-то злобно посвистывает, и только сейчас я замечаю неяркие вспышки автоматных выстрелов.

— Ершов! Уснул, блин?!

Торопливо передергиваю рукоятку затвора.

Навалившись плечом на упор, Михалыч дает длинную очередь. Стрельба со стороны противника резко уменьшилась. Желających высовывать башку под тяжелую пулю даже среди отмороженных духов не так уж и много.

• — Санек! Ну-ка, в темпе соедини еще пару лент!

— Так ствол же пожгем!

— А тебе не один ли хрен? Духи уже в обход пошли. Один черт — пост не удержим. Если бы то гнездо держалось, то шанс был бы, они выход с дороги запирают, нас тогда обойти трудно, все подходы под огнем. А сейчас... дело времени, не более. Так что буду стрелять, пока возможность такая есть. Ты, Сашка, давай дуй к ребятам на выходе, и в темпе валите отсюда.

— Товарищ прапорщик, как же так? А вы?

— Приказ выполняй! Заберете пулемет из духовской таратайки. Метров пятьсот дальше пройдешь, там крутой поворот. Туда и садитесь. Это место обойти никак нельзя: скала крутая, и обрыв с другой стороны. Спервоначалу-то там хотели блок ставить, да

места мало. На повороте их и остановите. Рацию с собой заberi.

— Так что ж — мы блокпост духам отдадим?

— На том посту два человека. Ты да Мишка — четверо. Я пятый, да и то уже, считай, полбойца. Где все прочие — сам, небось, уже догадался. А духов перед нами почти сотня лежит. Не отобьемся. И крупняк не спасет. Сейчас у них оторопь пройдет, и накроют нас из гранатометов.

— Без вас не пойду, товарищ прапорщик.

— Дурак! Вместе тут подохнем, тебе с того легче станет? А на нас глядя, и ребята не отойдут. Здесь все и ляжем рядком. Вот духи и пройдут дальше. Да на том повороте подмогу-то и встретят. Сам прикинь, сколько тогда «двухсотых» в Союз уйдет? И все из-за твоего упрямства!

Возразить против такой логики мне нечего. Умом понимаю, что Михалыч прав, но вот уйти и оставить его здесь? Сваливаюсь вниз по лестнице и, подхватив наскоро автомат и несколько магазинов, затаскиваю это добро наверх. Пулемет на крыше пока молчит, не стреляют и духи. Их можно понять: кочки и камешки — слабое укрытие против пуль крупного калибра. Пока они не рыпаются, молчит и пулемет. Скорее всего противник ждет, когда подойдут его группы, те, что в обход пошли. Так что минут несколько у меня есть. Пользуясь этим, подцепляю к длинной ленте КПВТ еще один кусочек на полсотни патронов. Высыпаю на пол пятков гранат — все, что успел отыскать внизу.

— Давай, парень, не тяни! — подгоняет меня прапорщик. — Топай, пока они молчат!

Снова сбегая вниз и в темпе пополняю свой боезапас.

Что-то хрипит в углу — рация? Черт, я же совсем про нее забыл!

Хватаю микрофон:

— Сто шестой! Отвечай! Куда пропал!

— Здесь Сто шестой! Блокпост атакован более чем полусотней духов! Командир взвода, скорее всего, погиб, нигде его не вижу! Командование принял прапорщик Малахов!

— Помощь к вам вышла, продержитесь хотя бы час!

— Не сможем! Духи пошли в обход, а нас всего пять человек! Прапорщик распорядился отходить к повороту, там есть возможность задержать наступающих! Колонну остановите — они ее ждут!

— Какой еще отход? Вы что, блокпост сдать хотите?!

В разговор вклинивается новый корреспондент. Голос у него спокойный и уверенный:

— Сто шестой, это «Гром-пять». Приказ на отход подтверждаю. Держитесь, попробуем оказать поддержку авиацией.

Кто это такой, я не знаю, но, судя по тому, что «Акация» молчит и в разговор не лезет, этот товарищ обладает куда большим весом, чем командир батальона.

— Есть держаться! Со связи ухожу, рацию тащу с собой. Постараюсь связаться уже с нового места.

Блин, какая же эта штука тяжелая! И как ее радисты таскают?

Пробежать беспрепятственно мне удалось всего метров двадцать. Видимо, духи заметили на моей спине ящик передатчика и сделали из этого соответствующие выводы. Над моей головой злобно прошипели пули. Пришлось вспахать рылом дорожную пыль. В ответ стрелявшим рыкнул пулемет с крыши.

Ба-бах!

Ух ты!

Нет, слава богу, это еще не по мне...

Снова грохает пара разрывов, нападающие садят из гранатометов по дому. Пока безуспешно, и это подтверждает очередь КПВТ.

Пользуясь этим, вскакиваю из ложбинки и одним рывком преодолеваю метров двадцать.

А вот и «буханка»... Из распахнутой водительской двери свисает бородатый мужик. Живой? Щас... с такими дырками в спине долго не живут. Запрыгиваю за машину — теперь меня не видно со стороны басмачей.

Рухнув грудью на пулемет, лежит еще один бородатый. Отпихиваю его в сторону и тащу к себе тяжелый «ПК».

Неожиданно дух открывает глаза. Взгляд у него какой-то мутный и движения неуверенные. Сомневаюсь, что он сейчас хоть чего-то соображает. Прикладом пулемета отталкиваю его в сторону, и мужик сползает на пол.

А ленты где?

Да хрен бы с ними!

Рация за спиной, автомат, пулемет — я что, ишаком нанялся? Этот бы груз уволочь! В пулемете что-то есть, у ребят на посту должно быть — прорвемся!

За спиною уже идет нешуточная перестрелка. Короткими очередями бьет с крыши пулемет, в ответ слышна почти непрерывная трескотня автоматов. Если бы не каменная стенка, то наверху давно бы уже все подмели — свинцовой метлой. Но надолго ли это везение? Рано или поздно, но кто-то попадет в амбразуру... и тогда нам будет плохо.

Впрочем, мне сейчас не до раздумий. Рация оттягивает одно плечо, пулемет тяжелой гирей повис на другом. Бежать с таким грузом тяжело, но кое-как удается.

— Сашка! Сюда давай! — выглядывает из-за бруствера Иван Никашов. Он у нас недавно, всего месяца три, но парень общительный и со всеми сошелся достаточно близко.

Протягиваю ему «ПК» и кое-как переползаю через бруствер.

— Михалыч сказал — отходить к повороту!

В пулеметном гнезде три человека, считая меня. А где же четвертый? Мишку вижу, Иван у меня трофей забирал... где ж еще один? Взгляд падает на стоящий у каменной стенки автомат. Его приклад запачкан чем-то красным. Так.. больше никого можно не искать...

— А он сам? — спрашивает меня Мишка. Он сидит на земле и набивает патронами пулеметную ленту. Наш пулемет пока молчит, отсюда нападающих не видно, мешает пригорок. Вот центральное строение просматривается хорошо, и мы все можем наблюдать за тем, как поднимается над ним пыль от многочисленных попаданий.

— Там остался. Сказал, что будет нас прикрывать.

— И ты ушел? Его одного оставил?

Коротко пересказываю ребятам слова Михалыча. Возражений нет. Иван хватает трофейный пулемет и коробку с лентами. Поднимает с земли автомат. Выскочив из пулеметного гнезда, бежит вниз по дороге.

— Давай за ним, — говорит Мишка. — Тащи рацию, я вас пока прикрою. Как метров двести пробежишь, так и я следом налажусь.

Разумно. Никто же не знает, как долго еще продержится прапорщик.

И снова бегу. Опять колотит по спине радиостанция. В горячке я ее так и не выключил и краем уха слышу, как хрипит динамик, транслируя перегово-

ры. Колонна уже стоит, туда вызвали вертушки. Ну, и здорово, как горят грузовики, мне уже приходилось видеть и больше такое зрелище наблюдать неохота. Вроде бы и в нашу сторону что-то летит. И кто-то едет.

Вот и поворот. Из-за груды камней торчит пулеметный ствол — Иван занял позицию.

Стоп!

Что такое?

Прекратил стрелять КПВТ.

Так.. отвоевался Михалыч.

Оборачиваюсь и вижу, как из пулеметного гнезда на выезде машет рукой мой товарищ. Чего ему?

Уходить?

Так вот он — поворот!

Сбрасываю за камни рацию и валюсь рядом.

Гулко грохочет пулемет. Вот как... так нападающие уже подошли к пригорку? Иначе — куда бы он стрелял?

Это плохо. Теперь Мишке не выскочить из своего укрытия. Нет, вылезти-то он сможет, только вот пробежать полтыщи метров до поворота — фигушки! Пригорок от гнезда в полусотне метров, и это расстояние духи преодолеют мигом. И все — снесут бегущего по дороге человека. Как в тире расстреляют.

Да, скоро уже и наш черед.

Выкладываю перед собою магазины, две гранаты — весь мой боезапас. Сто двадцать патронов — больше ничего нет. У Ваньки две-три ленты к пулемету, автомат и носимый БК к нему. Негусто. Но больше ничего нет и взять негде.

Поворачиваюсь к рации. Она все время что-то кричит, но руки доходят до нее только сейчас.

— На связи Сто шестой.

— Это «Гром-пять». Обстановку доложи.

— Отошли к повороту дороги. Нас двое. Заняли тут оборону. Прапорщик больше не стреляет, видимо духи подавили пулемет. Еще держится на посту рядовой Лисин...

ПКМ умолк. Все... Мишка отстрелялся.

— ...уже не держится. В наличии один пулемет и два автомата. Ждем атаки.

Собеседник некоторое время молчит.

— Куница — «Грому-пять»!

— На связи!

— Слышали?

— Так точно.

— Успеете?

— Нет.

В эфире наступает тишина. Замолкают разговоры, которые только что разрывали эфир.

— Сто шестой! Ты еще тут?

— Куда ж я денусь?

— Артиллерией я тебе помочь не могу, этот участок дороги мы не простреливаем. Разве что вертушки подойдут... но им до вас еще минут десять лету. Продержитесь?

— Попробуем. Если патронов хватит. Рацию выключать не буду, так что слышать вы сможете все.

Вытащив из кармана кусок бечевки, прихватываю им тангенту микрофона — теперь станция постоянно включена на передачу. Кладу его на камни.

Над бруствером пулеметного гнезда появилось несколько фигурок — осматривают трофеи?

Слева от меня лязгает затвор.

— Вань! Не стреляй пока, давай их поближе подпустим!

— Лады. Я тогда ствол заныкаю, чтобы издали не разглядели.

Кстати, да! Надо и мне за камнями спрятаться. Неча судьбу искушать, а то попросту накроют издали, да хоть бы и из подствольников. И — вилы, даже пострелять в ответ толком не сможем.

Лежим, смотрим. На наших позициях видно какое-то движение, духи что-то там делают. В сторону поворота пока никто не идет. Ну, что ж... и на том спасибо! Хоть пяток минут лишних будет.

Накаркал...

По дороге неторопливо топает небольшая кучка басмачей, тащат какие-то ящики. За каким фигом, позвольте вас спросить? Чего у них там?

— Взрывчатку волокут... — отвечает на мой невысказанный вопрос Иван.

— Зачем?

— Скалу заминируют, и когда все окончится — рванут. Дорогу и засыплет к такой-то матери.

— Ага... понятно. Ну да, им же по ней не ездить. А так и кишлакам упрямым отомстят — всем сразу. Неплохо у них там башка соображает. Слушай, давай их подальше пропустим?

— За каким хреном?

— Патронами разживемся — это уж как минимум. Да и взрывчатки у них — точно не вагон.

— Хм... ну, как знаешь, у тебя опыта больше.

Вот и я попал в ветераны боевых действий. Пустячок, а приятно!

— Тогда сиди тихо! Пока стрелять не стану — не высовывайся!

— Добро, понял.

Сидим тихо, как мыши под веником. Басмачи тоже не слишком спешат, идут неторопливо. И это вполне объяснимо, чай, не квашню с тестом тащат. Вот когда я мысленно похвалил себя за хорошую идею — примотать тангенту на микрофоне. Ведь рация надрыва-

лась во все горло. Черта лысого мы тут засаду кому-нибудь тогда бы устроили.

Уже слышен хруст камешков под ногами подходящих духов. Еще десяток метров... И вдруг я понимаю, что стрелять мне нельзя — пули полетят прямо в сторону Ивана, который тоже привстанет для стрельбы. И огребет...

Бли-и-и-н! Что же делать? Одной очередью всех свалить? А выйдет?

Ладно... будем посмотреть, как Михалыч покойный говорил.

Шаги все ближе — и вот я вижу басмачей. Впереди идет какой-то невзрачный парень с винтовкой — дозорный. Позади него топают еще четверо. Идут парами — тащат деревянные ящики. Вся пятерка вооружена винтовками, но в руках оружие держит только первый, у остальных оно висит за спиной. Супер! Руки у них заняты, и стрелять, по крайней мере — сразу, они не смогут.

Группа проходит мимо. Меня никто из них не замечает, слишком поглощены своим делом. Двое замыкающих о чем-то переговариваются.

Пошел!

Рывком выбрасываю себя из укрытия. В трех метрах впереди — замыкающая двойка. Левофланговому основательно прилетает прикладом по затылку, и он кулем оседает на землю. На противоходе бью прикладом в ухо его собеседнику. Готов клиент!

Аж хрустнули суставы — с такой силой я прыгаю вперед.

— Ванька! Прикладом бей! Не стреляй!

С размаху пинаю под колено третьего духа. Не ожидая такой подлянки, он падает. Тяжелый ящик, накрываясь вниз, неожиданно дергает его товарища вбок. Чтобы не выронить свою ношу, носильщик вы-

нужденно делает пару шагов, оказываясь в пределах досягаемости моего приклада. Ну, уж таким-то подарком судьбы грех не воспользоваться! Получи, фашист, гранату! Ну, пусть не гранату, а приклад, но в данной ситуации это ничуть не легче.

Хрясь!

Отмучился...

— Руки вверх!

Оборачиваюсь.

Тщедушный парень, шедший первым, успел развернуться и сейчас стоит в трех метрах от меня. Не достать...

Это он кричал?

Щас...

Ванька стоит сзади, широко расставив ноги. С окровавленного приклада «ПК» медленно падают вниз тяжелые темные капли. А закопченный ствол недвусмысленно смотрит в брюхо последнему басмачу. Жуткое зрелище... Кровь-то на пулемете откуда? Взгляд назад — сбитый мною с ног носильщик лежит, широко раскинув руки. Вместо головы у него — кровавое месиво. Так это Ванька его прикладом приласкал!

Басмач неуверенно переступает с ноги на ногу. Ему страшно. Винтовка так и торчит у него под мышкой, и он даже не делает никаких попыток ее вскинуть. Переклин в башке. Приходилось уже такое видеть...

Раздумывать мне некогда, и я бросаюсь вперед. Будет он стрелять или нет, а ждать нечего.

Видимо, это движение выводит дозорного из ступора, и он начинает лапать свое оружие. Поздно!

Врезаюсь в него и сбиваю с ног.

Мы оба рушимся на землю. Басмач что-то визжит и вцепляется в меня с остервенением дикой кошки. Хоть он и ниже меня ростом, но отчаяние, видать, придает ему силы. Никак не могу с ним совладать.

Все известные мне приемы борьбы отчего-то не работают. Хрипим и катаемся в пыли. Наугад бью куда-то кулаком и пытаюсь нащупать штык-нож на поясе. Неудачно — парень вцепился в меня, как клещ.

Хрясь!

Мой противник обмякает.

Поднимаюсь на ноги, всего колбасит и шатает из стороны в сторону.

Наклонившись к неподвижному басмачу, мой товарищ поднимает его плоскую шапку-пуштунку и вытирает ею приклад пулемета. Тот не только в крови, но и еще в чем-то белом. Нехило Ванька духа звезданул...

Из оружия у них оказались только винтовки, ничего другого не было. Поэтому в плане пополнения боезапаса вышел полный облом. А вот в сумке у дозорного оказались все требуемые принадлежности для подрыва. Двух ящичков взрывчатки вполне было достаточно для того, чтобы обвалить скалу, которая нависала над дорогой. Пользуясь найденными запасами, мы по-быстрому изготовили три заряда. Пара тротиловых шашек, капсюль-детонатор и короткий кусок огнепроводного шнура. На большее духовских запасов (в смысле капсюлей-детонаторов) не хватило. Всю прочую взрывчатку сбросили в обрыв. Просто высыпали потихоньку из ящичков. Ничего не взорвалось. Так что с обвалом скалы басмачи просчитались. И это немного приподняло наше настроение.

Тем временем их командование, видать, хватилось подрывников. В нашу сторону потопала парочка бородачей. Надо полагать, вставить руководящий пистон и поторопить нерадивых.

Тут вполне можно было обойтись трофейными винтовками. Повторять трюк с мордобоем было как-то... словом, не стали мы больше рисковать.

Дождавшись, когда пистоновставлятели подойдут поближе, стреляем. Ванька своего свалил сразу, а я самым бессовестным образом промазал. Причем — дважды! Или это винтовка такая кривая была? Мой товарищ вовремя поставил точку, подстрелив басмача, который уже схватился за автомат.

На захваченном блокпосту поднялась суматоха, и мы выпустили туда пару десятков пуль из трофейных винтовок. Пусть гадают: с чего вдруг у взрывников крыша поехала?

Гадать духи не стали, а щедро прочесали поворот пулеметным огнем.

Когда же под прикрытием пулеметов к повороту направилась новая, гораздо более решительно настроенная делегация, заработал уже и наш пулемет. Потеряв пару человек, делегаты в темпе оттянулись назад.

И началось... Казалось, воздух был заполнен свинцом! Во всяком случае, пыль от пулевых попаданий по камням повисла в воздухе настоящей дымзавесой. Эпизодически высываясь из-за угла, мы иногда безуспешно палили в ответ. Из всего, что было под рукой. Ведение прицельного огня стало абсолютно невозможным делом.

— Саня! — орет мой товарищ, в очередной раз выглянув за угол. — Там парочка гостей нарисовалась!

— Далеко?

— Метров сорок!

Это плохо. Оттуда они могут попробовать закинуть к нам гранату.

Хватаю одну из своих и, сдернув кольцо, зашвыриваю ее в сторону блокпоста. Это «Ф-1», и есть шанс, что она хоть кого-нибудь да зацепит.

Граната улетает за угол, и через пару секунд оттуда прилетает ответный гостинец.

Хренак!

Ванька скрипит зубами — осколок попал ему в бедро. Основательно, встать на ногу он уже не может.

— Бери пулемет и отползай! Магазины к автомату оставь, — говорю ему я. — Держи угол, после того, как...

Он кивает. Все и так ясно. Долго я тут не продержусь. Минут пять-десять... да и то вряд ли. Какое-то время он сможет удерживать басмачей на этой позиции. Потом... а потом уже не будет ничего... Но мы с ним и так сделали уже все, что могли. И даже больше. По крайней мере, дорога уцелела, и уже завтра по ней снова пойдут машины.

Поджигаю шнур и, выждав пару секунд, зашвыриваю самодельный фугас за угол.

Две четырехсотграммовые шашки тротила — это весьма нехило! Аж уши заложило, даром что взрыв за углом был!

Сверху на меня сыплется всякий мусор, падают мелкие камешки. Поднимаю с земли Ванькину каску и надеваю ее на голову. Авось, хоть от камешков побольше уберегусь.

Стрельба стихает, надо думать, басмачи совсем рядом. Вот с блокпоста и не стреляют, чтобы своих не зацепить.

А раз так — держите!

За угол, после быстрого взгляда туда, улетает второй заряд.

На этот раз его разрыв сопровождался целым хором недовольных голосов. Оставлять без оценки такое выдающееся пение неправильно — и следом отправляется последний фугас. Чуть поразмыслив, отправляю туда же и последнюю гранату.

Передернув затвор автомата, ложусь под стену. Хочется надеяться, что меня хотя бы не сразу увидят. Успею прихватить с собой двоих-троих.

На дороге хлопают сразу три гранаты, все снова заволакивает пылью, и я слышу топот множества ног. Странное дело, но мне кажется, что он раздается сразу со всех сторон. Топот ног совсем близко, и я, не выдержав, пускаю в пыль длинную очередь. Плевать! На мой недолгий век патронов достаточно!

В пыли возмущенно орут — кому-то прилетело. Добиваю туда остатки магазина и, меняя его на новый, ору что-то в ответ. Меня распирает какое-то буйное веселье и бесшабашная удаля. Идите же, гады! Всем вам хватит! Вскокиваю на ноги и делаю пару шагов вперед...

Гулко, как в бочку, грохочет пулемет.

Над моей головой, чуть не задевая волосы, проходят транссирующие пули.

КПВТ?

Откуда?

Со стороны, где залег Ванька, вспыхивает пламя. Бьет крупнокалиберный пулемет.

Пыль слегка оседает, и я вижу, как по тропе медленно движется бронетранспортер. А по бокам его подпирают раскрасневшиеся от стремительного рывка по дороге наши солдаты.

Они пришли...

Дальше я помню плохо.

Меня словно выключили. Кто-то нас спрашивал, и мы что-то отвечали. Товарищу моему перевя-

зали бедро и куда-то утащили. Забегая вперед, скажу, что на этом для него военная служба закончилась. Рана оказалась серьезной, и его комиссовали.

А из двух отделений, кроме нас двоих, больше никто не уцелел...

Водителей и пассажиров машин нашли только на следующий день. В живых басмачи не оставили никого.

Эта история имела неожиданное продолжение. После контузии у меня звенело в ушах и, согласно приказу ротного, я ухнул на недельку в медсанбат. На обследование. Оно заключалось в основном в том, что я спал по пятнадцать часов в сутки, будучи поднимаем только на построение да для того, чтобы пожрать. Подобное «обследование» меня весьма устраивало, было бы неплохо побездельничать здесь и подольше, чем семь дней.

Однако на третий день меня навестил наш особист — капитан Рябцев.

— Вольно, боец... — присел он на койку напротив. — Как самочувствие?

— Поправляюсь, товарищ капитан.

— Ладно, это епархия начмеда, ему виднее... Я вот чего сюда приехал. Тут за воротами тебя ждет Пайшанбе Мардонаев.

— Э-э-э... а кто это, товарищ капитан?

— Ну да, ты же не знаешь... До войны он в кишлаке магазинчик держал. Сам водитель, сам директор и сам продавец — все один. Тут это в порядке вещей. А потом, когда тут свистопляска с духами пошла, торговля его медным тазом накрылась. Слово за слово, хреном по столу... короче, теперь он командир местной самообороны. Тот же басмач — только на нашей

стороне. И хоть парень он молодой, но авторитетом среди своих бойцов пользуется немалым. Поэтому мы с ним дружим. Духам от них прилетает крепко, так что нам эта дружба только на руку. Водители, которых духи постреляли, — из его кишлака.

— А от меня-то ему что надо?

— Не знаю. Только он утром приехал и попросил встречи с солдатами, которые обороняли блокпост. Товарища твоего в Кабул отправили, вот ты один только и остался.

— Так и как же я с ним говорить-то буду?

— Он по-русски говорит неплохо, научился. Так что ты с ним повежливее будь. Сам понимаешь... Восток.. здесь слово многое значит...

Вместе с капитаном мы выходим из палатки и подходим к воротам. Здесь, неподалеку от шлагбаума, стоит капитанский «уазик» и обыкновенная афганская бурбухайка.

Особист демонстративно со мною прощается и запрыгивает в свою машину. Ага, как же! Так он и уедет! Подождет, пока визитер отчалит, да назад и возвратится. Знаем мы такие штучки...

От машины ко мне быстрым шагом идет молодой черноволосый парень. Борода его аккуратно подстрижена, и одежда сидит ладно. На боку кобура непривычных очертаний. Ого, АПСБ! Суперкруть по здешним меркам. Стоящий у въезда часовой только искоса посмотрел в его сторону. Понятно, особист уже растолковал ему, что к чему.

— Ты Ершов? — спрашивает меня парень.

— Ну, я.

— Пайшанбе, — протягивает он мне руку. — Давай знакомиться! Фамилию мою тебе капитан сказал?

— Александр, — пожимая его руку, говорю я. — Да, капитан мне про тебя рассказывал. А что за имя такое странное — Пайшанбе?

— Четверг! — смеется он, запрокидывая назад голову.

— О как! А вот Душанбе, это...

— Понедельник. В эти дни там торг большой был, вот это место так и называли.

— Так ты из таджиков будешь?

— Нет! — отрицательно качает он головой. — Мы памирцы — не слышал?

— Не приходилось... — осторожно отвечаю я. — А что, должен был?

— Нас мало, — грустно отвечает Пайшанбе. — И живем мы высоко в горах. Когда Македонский прошел в этих местах, он построил тут крепости. А в них оставил свои гарнизоны. Вот его солдаты и стали брать себе местных женщин. Так и вышло, что мы все — его потомки. У вас, в СССР, нас не признают, говорят — вы все таджики! Да и местная власть тоже... смотрела косо. Зато теперь! У меня самый большой отряд в здешних краях — четыреста человек!

Нехило! Понятно, отчего басмачи обходят эти кишлаки стороной.

— Слушай, а я-то тебе зачем нужен?

— С тобой хочет поговорить дедушка Рахмон.

— Э-э-э... но...

— Капитан сказал, что врач тебя отпустит. Я отвезу тебя в кишлак и завтра вечером привезу назад.

— Хорошо. Но мне надо спросить у главврача разрешение.

— Давай! Я здесь подожду. Только не очень задерживайся, нам долго ехать.

Как и следовало ожидать, врач не возражал. Странно! Обычно, для того чтобы хоть на пару часов куда-

то отлучиться, надо было нехило напрячь все извилины и найти массу серьезных причин. Да... сильная штука — особый отдел! Главврач даже выдал мне командировочное предписание, в котором была указана цель поездки — «сопровождение специального груза». Это что же, я сам себя сопровождать должен?

Прихватив автомат и надев на ремень подсумки, выхожу к воротам.

Пайшанбе уже стоит у распахнутой двери кабины. Залезаю внутрь и пристраиваю автомат между ног. Водитель — немолодой уже мужик, заросший черной бородой по самые уши, только покосился, но промолчал. Мардонаев ловко запрыгивает в кабину, хлопает дверца, и машина трогается вперед. Следом за нами отчаливает еще один грузовик, до этого мирно стоявший в стороне. Однако! С охраной катается парень! Нечего сказать — предусмотрительный товарищ!

Из кабины грузовика я вижу дорогу впервы́е. И это — совсем другое зрелище!

Блокпост наш остался далеко, госпиталь располагался между ним и целью нашей поездки. Так что посмотреть на него у меня не вышло.

Ехали долго. Два раза останавливались, и водители доливали воду в радиаторы. Воспользовавшись одной из таких остановок, мы устроили перекус. Ребята Мардонаева выложили на расстеленную плащ-палатку сыр, лепешки и бурдючок с кислым молочным напитком. Добавили пучки какой-то зелени и специально для меня поставили открытую банку тушенки. Всего парней Мардонаева было около десятка. Неплохо вооруженных, кстати говоря! У них было два «ПК», автоматы и даже «СВД». Да и в кузовах наверняка что-то еще лежало.

После перекуса мы снова закружили по серпантину.

Дед Рахмон даже на первый взгляд выглядел не просто дедом — а патриархом! Весь белый, в смысле — седой. Он неподвижно сидел внутри дома, куда Пайшанбе меня привел. Света здесь мало, только на приступке стоит керосиновая лампа.

— Здравствуйте! — вежливо наклоняю я голову. Черт его знает, как тут с такими дедками здороваться надо? Руку протягивать? А вдруг — это по местным обычаям не положено?

Он медленно приоткрывает глаза, и в неярком свете лампы заметно, что они смотрят совсем не постариковски.

— Здравствуй, шурави! — говорит он. — Садись!

И сухая старческая рука указывает мне на место, куда я должен сесть.

— Дедушка не очень хорошо говорит по-русски, — шепчет мне на ухо Пайшанбе. — Поэтому я буду ему помогать.

Рахмон некоторое время молчит.

— Ты храбро сражался, воин. Сколько вас было на посту?

— Двадцать человек. Но бой приняли только четверо, причем один из них был ранен. Остальных убили сразу.

Мардонаев наклоняется к уху деда и что-то ему тихо говорит. Переводит?

— Душманы хотели взорвать дорогу? — спрашивает у меня Пайшанбе. — Кто им помешал?

— Мы с Ваней вместе.

После перевода дед отрицательно качает головой.

— А точнее? — спрашивает Мардонаев.

— Ну... я бросился на них. Двоих уложил прикладом, третьего сбил с ног. Его потом Ванька добил. Чет-

вертому врезал и стал с пятым драться. Тут и товарищ мой подоспел, помог.

— Ты не стрелял?

— Нет, мог по своему товарищу попасть.

— Почему ты не взорвал дорогу? Ведь тогда никто бы не сумел подойти к вам, и вы бы спокойно дождались своих.

— Так по ней же машины ездят!

— Ну, да. Ваша колонна ходит каждый день.

— Наша колонна и в обход пойти может. Для бешеной собаки полста верст — не крюк! А вот как твои люди на базар поедут... интересно было бы знать?

Дед снова молчит. Повернувшись к Пайшанбе, что-то тихо ему говорит. Тот утвердительно кивает головой.

— Над вашим блокпостом есть развалины крепости. Ты там был?

— Заходил. Интересно же!

— Это старая крепость Александра Македонского. Знал про это?

— Откуда?

— Этой дороге очень много лет. По ней ходили разные люди. Торговцы и воины, разбойники и беглецы. Но никто из них не пытался ее разрушить. И вредит живущим рядом с нею людям. Знаешь, почему?

— Нет.

— Когда строили крепость, правитель вспомнил про старый обычай. И в стене замуровали заживо самого сильного воина.

— Ни фиги себе! За что ж его так?!

— Ты не понял. Это очень большая честь! Охранять мир и после своей смерти! Только немногие могут быть удостоены подобной чести! И это должен быть самый сильный воин!

— А как это узнать? Да и захочет ли он?

— Не захочет — значит, чувствует себя недостойным. Будут искать другого.

— А этому что будет?

— Ничего. Он поступил правильно, признал, что не достоин подобной чести.

— И как же будут искать?

— Воин должен в рукопашной схватке победить нескольких вооруженных противников.

— Убить?

— Победить. Для этого необязательно убивать.

— Круто! Это надо действительно быть мощным мужиком! Так этот воин и сейчас там?

— Нет. Когда сюда приходили англичане, они взорвали стену — искали сокровища. Ничего не нашли, только старые кости и поржавевший меч. С той поры и не стало покоя в этих местах...

Так.. если до моей башки что-то доходит, то доходит быстро! Дед, что — решил меня вместо того бедолаги приспособить? И ведь не убегу, тут в кишлаке с полсотни бойцов да во дворе десяток! А мой автомат у дверей остался.

— Ты всегда был воином?

— Нет. Я вообще-то в фотоателье работал...

Пайшанбе что-то долго переводит Рахмону. Тот удивленно поднимает брови.

— Художником?

— Ну... не совсем. Ты же видел фотографии, небось и сам снимался не раз? Вот и я так. С фотоаппаратом.

Дед опять молчит какое-то время, размышляет.

— Ты подумал о других. Тех, кого никогда не видел и ничего о них не знал. Это — достойный поступок. Так поступают смелые и сильные воины.

Согласно киваю. А какого еще ответа он от меня ждет?

— Будь нашим гостем сегодня. Ничего не опасайся и не хватайся за свое оружие. Тебе здесь ничего не грозит. Каждый мужчина нашего рода отдаст свою жизнь за то, чтобы с тобою ничего не случилось.

Войдя в дом, который мне отвели на ночлег, присаживаюсь возле очага. Дома здесь устроены интересно. Глинобитные, с вкраплениями валунов и сучьев, стены. Толстые, иногда почти по метру. Вход в дом, как правило, один. В большой центральной комнате расположен очаг и стоит тандыр — печка, в которой пекут лепешки. Пара таких лепешек и шир-чай — вот и весь рацион на день. И только вечером тут готовят что-то более основательное.

Так вышло и на этот раз.

Стоило нам с Пайшанбе войти, как симпатичная молодая девчушка положила на расстеленную скатерть несколько лепешек и поставила две пиалы. Отдельно, на обыкновенной фаянсовой тарелке, лежали несколько картофелин и приличный шматок мяса.

Однако!

Мясо тут едят... нечасто, в общем. Не по праздникам, но уж точно — не каждый день. А уж картошка... одним словом — деликатес.

Мардонаев берет чайник и плескает мне на дно пиалы немного шир-чая.

Вам такую штуку пробовать не приходилось? Много потеряли...

Делают его так: варят в чайнике заварку. Именно что — варят. Пока все не отдаст. Второй раз ее уже не заварить. Потом в этот, с позволения сказать, чай кидают зелень — все, что во дворе растет. Добавляют кусочки сала, корешки какие-то. Солят и кладут сахар. Все — можно пить. Если сможете, конечно.

А что мало наливают — так это обычай такой. Налили много — пей и проваливай! А уважаемому человеку плеснут совсем чуток — некуда спешить, дорогой, сиди и наслаждайся. Если таким напитком можно насладиться... В первый раз я чуть не проблевался с непривычки. Чифир с солью и жиром... это, знаете ли... тот еще букет ароматов. Но ничего, выдержал. Потом уже так не колбасило. Хотя, откровенно говоря, т а к мало никому из нас еще никогда и нигде не наливали...

— Слушай, Пайшанбе, а что твой дед хотел узнать? — спрашиваю я у Мардонаева.

— Он не мой дед. Он о ч е н ь старый. Даже не прадед!

Ну да, тут народ долго не живет. Вот эта милая девчушка — будет такой лет до двадцати. В двадцать пять у нее уже трое-четверо детей, в тридцать — уже пожилая женщина. В сорок — почти старуха. А до пятидесяти тут дотягивают немногие. Мужчинам не лучше. Так что, если деду лет восемьдесят... или больше.

— А все-таки?

— Когда он узнал про бой около крепости...

— Около блокпоста!

— Блокпост стоит там сколько? А крепость — более двух тысяч лет! Уйдете вы, уйдут другие — она останется.

— Ну, если так... тогда, да — ты прав.

— Он долго меня расспрашивал. Но я и сам знал немного. Тогда Рахмон и попросил тебя привезти.

— Зачем?

— Дед не сказал. Он мудрый, ему ведомо многое... то, что нам знать не дано.

После ужина Пайшанбе поднимается на ноги.

— Пойду я. Вот эта девушка будет с тобою но-

чью, — он кивает в сторону девчухи, которая подавала нам еду. — Будь с ней ласков.

— Э-э-э... но...

Не то чтобы я был против! Женского общества мне не хватало, как.. в общем, сильно не хватало. Но чтобы вот так? Да еще с местной девицей? Утром поставят перед фактом — женись!

Заметив мою растерянность, Мардонаев улыбается.

— Так велел Рахмон! Он сказал — у нее будет ребенок. От тебя. Мальчик. Ты не сможешь остаться здесь сам, пусть это сделает за тебя твой сын.

— Но... я... это как-то неожиданно!

— Так уже бывало и раньше. Мы все — потомки воинов, оттого нас никто и не поработил до сих пор. А воины... они были разные. Сейчас — это будешь ты.

— А... девушка эта, она как..

— Ее тоже выбрали не сразу. У вас будет всего одна ночь, и мы не могли допустить ошибку. Лейна будет очень стараться... Постарайся и ты.

Наутро Рахмон вышел меня проводить. Взял меня за руку и какое-то время ее ощупывал, закрыв глаза.

Потом подозвал Мардонаева и что-то ему сказал.

— Дед говорит — твой путь ему неясен. Он не видит тебя художником. Ты — воин. И им останешься.

— Да ладно... Отслужу — и на гражданку!

— Твоя война всегда будет за твоим плечом. Твоя судьба — защищать своей грудью слабых.

Эк, он завернул! Но обижать доброго, в общем-то, деда не хочется. Поэтому согласно киваю.

— Ну, раз такое дело... будем стараться соответствовать!

— В трудную минуту полагайся на свое сердце. С тобой не будет никого, с кем ты смог бы посоветоваться. И только сердце сможет тебе подсказать — не голова. Оно не обманет.

Рыкнув мотором, грузовик вырывается на улицу. В зеркале заднего вида на секунду мелькает тонкая девичья фигурка около дома.

Лейна! Она не вышла нас провожать. Наверное, им это здесь не положено.

А я подарил ей на память тонкую серебряную цепочку от крестика. Больше у меня ничего не было...

— И ты больше ее не видел? — спрашивает меня Мирна. Она все время, пока я рассказывал, тихой мышкой сидела рядом, прижимаясь щекою к моему плечу.

— Нет. Никого из них я больше не встречал. Нас вскоре перевели из тех мест, и дальнейшая моя служба протекала далеко от их кишлака.

— Но как же так? Ведь у нее мог расти твой сын?!

— Такая в то время была обстановка... Если бы я хоть кому-нибудь рассказал о том, что у нас с ней произошло... можно было нехило огрести. Увидеть ее мне все равно никто бы не разрешил, а добраться туда в одиночку... шансов было мало. Шла война, и мы были не самыми желанными гостями в тех краях.

— Но ведь этот... Пайшанбе, он ведь относился к тебе хорошо? Мог бы и помочь.

— Для этого его надо было сначала отыскать. Там все сложно... не так, как ты думаешь. Я не раз вспоминал об этом случае. Не знаю... возможно, все вышло так, как говорил дед Рахмон. И у Лейны действитель-

но родился ребенок. Но ведь дед мог и ошибиться? Тебе ли не знать, насколько это сложно и непредсказуемо?

— Все равно... — не соглашается сероглазка. — Не увидать своего сына... это плохо.

Ну, и как ее разубедить? Тем более что и сам думаю так же. Нежно поглаживаю Мирну по голове, и она затихает, прижавшись ко мне.

Барон неслышно встает и выходит из комнаты...

Наутро, спустившись во двор, встречаю около башни Лексли. Словно оправдывая название своего подразделения, он, развалившись на лавочке, греется под лучами солнца.

— Балдеешь? — плюхаюсь я рядом.

— Беру пример с тебя! Ты-то всю ночь нежился на чистых простынях! А я в седле тряся.

— И как? Оно того стоило?

— Да. Увидев мой шеврон, барончик, как ты говоришь, раскололся. До самой задницы! За все эти фокусы надо сказать спасибо Одноглазому! Кстати, барон сотрудничает с ним давно!

— И много на этом заработал?

— Сначала зарабатывал. А потом пристрастился к этому зелью, что делает вожак горцев... так что теперь он работает исключительно за него.

— То есть ему платят наркотой?

— Да.

— Ага... и много здесь таких?

— Слава всевышнему, не очень. Барон назвал еще двоих, больше он никого не знает. Лэн распорядился послать туда солдат — надо прихлопнуть эти змеиные гнезда! Пока в них не вывелись новые гадюки.

— Как давно спланировали это нападение?

— Месяц назад.

— И так быстро перебросили сюда столько народу?

— А они и так тут были. Мелкими группами отсиживались в разных местах. Зачем-то Одноглазому это было нужно. Им просто приказали собраться вместе, вот и все.

— Угу... надо думать, эти ребятки тайно следили за маршрутами транспортировки зелья... Надо будет их потрясти на этот счет.

— Уже... — зевает Кот.

— В смысле?

— Брат Монер занялся этим полезным делом. Рон — так еле на ногах стоит, пошел спать.

— Ну, так я его навещу! Пускай заодно и пленников, захваченных при штурме, потрясет! Интересно мне выяснить, кто ж тут такой умный отыскался?

Подвалы в замке глубокие, и тюрьма тут серьезная. Мне пришлось преодолеть три лестничных марша и две основательные двери, прежде чем я спустился на нужный уровень.

Дознанием занимались монахи. И в этом нелегком деле они как-то обходились без «испанского сапога» и прочих прелестей. Хотя... душу выворачивали качественно! И основательно! Уж и не знаю, что было бы лучше...

Увидев меня, брат Монер встает и почтительно наклоняет голову.

— Как успехи у заплечных дел мастеров? — подкалываю я его.

— Отряд, штурмовавший замок, прибыл сюда недавно. Последний боец подошел к ним неделю назад.

— Чем они питались?

— Кони — травой, а каждый прибывший боец вез с собою запас еды на две недели. Да и местные помощники им в этом поспособствовали. Не очень изысканно, но сытно. А воды в лесу полно.

— Кто разработал план нападения?

— Все уцелевшие командиры горцев называют одно имя...

— Одноглазый?

— Точно так!

Значит, Одноглазый... Мало того, что он местный наркобарон, так еще и вояка неплохой. Два в одном, так сказать. Пора уже этого талантливового товарища к ногтю. Да поскорее...

Вместе с Монером выходим в коридор и идем вдоль камер. Дверей в камерах нет, вместо них прочные решетки, и видеть обитателей тюрьмы мы можем хорошо. Только нижняя часть решеток заделана досками, прикрывая от наших взглядов пол и частично скрывая лежащих на нем людей. Все прочее просматривается.

Многие горцы ранены, видны наспех сделанные повязки. Настроение понурое, видать, не ожидали такого резкого облома. Здесь есть и те, кого взяли в плен пехотинцы, и те, кто был захвачен в тоннеле. На нас они почти не смотрят.

Осмотрев камеры, киваю монаху и направляюсь на выход.

И уже почти выйдя на улицу, останавливаюсь.

Стоп!

Какая-то мысль гвоздем засела у меня в голове...

Что-то я там такое увидел...

Раненых горцев?

Нет, не то.

Повязки, лежащие на полу тела... нет, что-то было еще.

А что?

Я с ними не разговаривал, так что это меня затронуть не могло. Но что же дернуло меня?

Несостыковка... точно! Какая-то деталь не вписывалась в общую картину. И я ее увидел. Но что это за деталь?

Слова? Не было слов, я только с монахом говорил.

Внешний вид горцев?

Ерунда, все они сейчас выглядят одинаково.

Наличие ран?

Теплее... но это не все.

Взгляды...

Глаза! Точнее — их выражение! Этот торжествующий взгляд охотника, только что поймавшего свою дичь! И оттого не сумевшего сдержать эмоций. Вот что меня зацепило!

— Ты с ним говорил?

— Нет. Оставил напоследок. Он самый буйный изо всей этой шайки. Даже со своими не может рядом сидеть — постоянно в драку лезет. Они и попросили его куда-нибудь отсадить.

— И ты отсадил его в одиночную камеру...

— А куда же еще? Тюрьма тут хоть и серьезная, однако же не очень большая. На такое количество пленников она просто не рассчитана. — Монер пожимает плечами.

— Так-так-так... — в волнении я начинаю кружить по комнате. — Маленькая, говоришь... А камеры осматривали?

— Они все были пустыми. Только в одиночке лежал какой-то хлам, и его выбросили во двор.

— Какой хлам?

— Тряпки какие-то.

— И где они сейчас?

— В мусорной куче, где ж еще?

— Пошли туда!

Искомое тряпье мы отыскали сразу — его с энтузиазмом рвали собаки. Солдаты отгоняют псов и отбирают у них тряпье.

Присаживаюсь на корточки и разглядываю его.

— Брат Монер! А вот скажи-ка мне — что такого привлекательного в этих тряпках, раз за них собаки грызутся?

Он присаживается рядом и ворошит мусор.

— Хм-м... ничего особенного не нахожу... скользкие они...

— Отчего? — во мне проснулся криминалист.

— Ну... жиром испачканы.

— Испачканы?

Монах вопросительно на меня смотрит.

— Не испачканы, брат Монер! А пропитаны! За чем, как ты полагаешь?

— Ну... причин может быть много.

— Может. Не спорю. А в нашем случае? Какая причина самая вероятная?

Монах совершенно по-русски чешет в затылке. Наклоняется и рассматривает тряпки.

— Они местами порваны...

— Нет. Внимательнее смотри!

— Прорезаны?

— Точно!

— Ага... в них заворачивали что-то, что может прорезать ткань. Оружие?

— Похоже на то. А вот скажи мне, кому и зачем понадобилось тащить оружие в тюрьму? Причем, заметь, в немаленьком количестве! Без ножен волокля, чтобы побольше утащить.

— Скажи, а тюрьма, до того, как вы ее облюбовали, кем-то использовалась?

— Нет. До нас там никого не было.

— Стало быть, кто-то, о ком мы не знаем, притащил и спрятал там нехилое количество... ну, допустим, мечей.

— Это могли быть и те адепты Молчащих, которых мы здесь взяли.

— Могли, — соглашаюсь с ним. — И еще. Ты на горца, того, что в одиночке сидит, внимательно смотрел?

— Ну...

— А то, что он единственный, на ком нет ран, заметил?

— Э-э-э... ну, такое вполне возможно!

— После того как они отбивались там, под башней, им досталось почти всем, и только у него нет никаких ран. Он что, сразу оружие бросил? Это командир-то?

Монер чешет нос.

— Да... не очень похоже.

— И здесь, в тюрьме, ему зачем-то надо было попасть именно в данную камеру. Тебе ничего странным не кажется?

— Там есть подземный ход!

— Зачем тогда было тащить туда оружие? Можно было тихо уйти, никто бы и не засек. Во всяком случае — сразу. И по пути подобрать все, что угодно. Вот тайник там есть, это очень даже может быть.

— Я сейчас же переверну всю эту камеру вверх дном!

— И что? Ну, допустим, тайник отыщем. И что дальше? Горец только плечами пожмет — не знаю ничего. Не я прятал, не мне и ответ держать. Прикинь сам, сколько их там сидит?

— Меньше десятка.

— Что можно сделать такими силами? Взять ворота? Допустим. Но взять мало, их надо еще кому-то открыть!

— Кому-то — это в смысле для кого-то открыть?

— Ну да, это я так коряво высказался. Отряд, который штурмовал замок, наверняка уже рассеялся, и все они разбежались в разные стороны по лесу. Сомневаюсь я, что они так уж быстро соберутся вновь. И еще менее вероятно то, что они снова вернутся к замку. Нет, у этих ребятишек какое-то свое задание имеется.

— Так что же тогда нам делать?

— Если эти ребята захотят выйти из камер, то первым делом они снимут часового, который ходит по коридору. Понимаю, что оптимально было бы им пожертвовать, дабы уж совсем никаких подозрений не возникло у этих умников. Но откровенно тебе скажу, рука не поднимается. Я же этого человека на верную смерть отправлю. Никаких шансов защитит себя у него точно не будет. Поставить на пост и ничего не сказать? Можно, конечно, никому ничего не говорить. Только как потом его родным в глаза смотреть? Ей-богу, проще уж всех этих субчиков прямо в камерах перестрелять!

Монер задумчиво смотрит на башни.

— А пускай они напьются!

— То есть?

Мы с монахами уже полчаса сидим на лестнице и слушаем, как в тюремном коридоре пьянствуют солдаты. На улице уже стемнело, и для хитроумных горцев это самое рабочее время. Было бы таковым, если не иметь в виду досадную помеху — разгулявшихся охранников.

А те, пользуясь отсутствием капрала, который ушел отсюда еще час назад, сославшись на недомогание, разошлись вовсю! Уже трудно сказать, какая по счету бутылка звякает об пол. Хотя для четырех здоровенных парней это не слишком уж большая доза.

Шум становится сильнее, уже можно разобрать отдельные слова. Так, у гуляк закончилось вино, и один из них уговаривает собутыльников сходить за добавкой.

— Да ладно, парни! Говорю же вам, что эта девка смотрит на меня масляными глазками!

— Врешь ты все! Было бы на кого глядеть!

— А откуда взялось вино, что мы сейчас пьем? Ты же принес всего одну бутылку. И Трой одну. А посчитай, сколько их лежит на полу.

— Пять.

— И откуда взялись еще три?

— Ну... Я не смотрел.

— А вот этим подарком меня и угостила разлюбезная моя Лия. Она знает, чем можно польстить старому солдату!

— Уж не замуж ли она за тебя собралась?

— Чем же я не жених?

— Да у тебя за душой ни гроша! Сколько ни есть денег, ты все пропьешь.

— Так зачем же мне тратить деньги на выпивку, коли у милорда такие здоровенные винные подвалы? А моя разлюбезная вдовушка служит на кухне и в эти подвалы ходит по пять раз в день.

Среди солдат наступает молчание. Окосевшие от выпивки мозги осмысливают сказанное. Спустя некоторое время большинство присутствующих приходит к одному мнению: надо идти за вином.

— Вот мы сейчас и посмотрим, врешь ты или нет.

— Так вы что — все сразу со мной и попретесь?

— А чего? Боишься, что эти оборванцы куда-нибудь сбегут? Для этого им потребуется по меньшей мере перегрызть решетку. А таких зубов ни у кого из них нет. Капрал же не появится раньше утра. Его сегодня стукнули по шлему, и голова у него гудит, как пивной котел.

Топот ног — охранники идут к лестнице. Заворачивают за угол и поднимаются наверх.

— Милорд? — шепчет мне один из них. — Мы все правильно сделали?

— Отлично сыграли, Майн! В какой-то момент я сам в это поверил.

— Самое трудное, милорд, состояло в том, чтобы выливать на пол вкусное вино! Поистине, сердце кровью обливается!

— Там наверху стоит корзинка. Можете забрать ее с собой. По бутылке на брата там уж точно отыщется. А утром я отблагодарю вас отдельно.

Один из монахов босиком бесшумно спускается вниз. Ложится на пол и осторожно выглядывает из-за угла. Некоторое время он лежит неподвижно, потом внезапно приподнимает руку — условный сигнал.

— Так, — шепчу я Лексли, — открылась дверь одиночной камеры.

— Настолько тихо?

— Видимо, там что-то для этого специально придумано. Подождем.

Спустя некоторое время монах прячет голову и осторожно поднимается наверх. Машет нам рукой, и мы все вместе, стараясь не шуметь, выбираемся во двор.

— Милорд! — подбегает ко мне монах. — Он открыл двери остальных камер. Раздал мечи горцам.

— Они идут наверх?

— Пока нет. Что-то делают там.

Мы рассредоточиваемся по двору и прячемся кто куда. Для этой цели еще днем сюда притащили несколько телег и воз с сеном. По всему замку заранее попрятались наблюдатели. Я постарался прикинуть все возможные пути следования злодеев и расставил своих людей таким образом, чтобы перекрыть все направления.

Проходит еще минут пять, и у выхода на улицу появляется первый персонаж. На нем полный доспех пехотинца. Только без щита и копья. Он останавливается на пороге и внимательно осматривается по сторонам. Вокруг пусто и тихо. Только на стене видны покачивающиеся факелы мерно расхаживающих часовых. В самом же дворе никакого движения нет.

Постояв пару минут, латник оборачивается назад и делает приглашающий жест рукой. По лестнице поднимаются все остальные. Их не так уж и много — всего шесть человек. Надо полагать, те пленные, которых мы взяли в лесу, остались в тюремном коридоре. Разглядев вышедших, я понимаю, почему. Видимо, запасов оружия и снаряжения просто не хватило на всех. И, дабы не поднимать тревоги, которая неминуемо возникнет, если кто-то из часовых заметит оборванного пленника, их просто оставили внизу. А шестеро солдат в полной амуниции никакого подозрения не вызовут. Что может быть более естественным в осажденном замке, чем группа солдат, идущая по своим делам?

Так оно и оказалось. Шестерка выстраивается в колонну, один из них отступает вправо, изображая собой капрала, и все они, ничуть не таясь, спокойно идут по двору.

Куда ж вы путь держите, гости незваные?

Горцы направились к старой башне. Толкаю локтем Лексли. Приподнявшись со дна телеги, он приоткрывает стекло фонаря. Несколько раз закрывает его полрой плаща. Наверху на стене дважды качается факел — подтверждают принятие сигнала. Теперь на пути горцев не будет никаких препятствий. Охрана внутренних ворот тихонечко попрячется, пропустив их мимо себя. А вот закрыть ворота во внутренней стене, отрезав башню от замка, вам, ребята, никто не даст. На стене залегли в засаде несколько арбалетчиков.

Дав злодеям отойти подальше, выскальзываем из своих убежищ и спешим за ними следом.

Пройдя по двору метров пятьдесят, слышим впереди тяжелый удар. Не очень сильный, но явственный.

— Они закрыли ворота во внутренней стене, — шепчет мне на ухо брат Рон. — Петли мы смазали, а вот вес у створки никуда не делся. Видимо, кто-то просто не рассчитал и не придержал ее вовремя.

Ничего страшного, этот вариант нами был предусмотрен. Интересно, выставят ли горцы свою охрану около ворот?

Как выяснилось, особой изворотливостью ума там никто не блистал. Охрану они выставили, после чего, сочтя себя в безопасности, дружно направились в старую башню. На здоровье! Там вы тоже будете не в одиночестве. На внешних балконах башни заняли свои позиции спецмонахи. Когда мы обсуждали план

операции, успевший к тому времени выспаться брат Рон пояснил, что никого более подходящего для тихого боя внутри помещений, нежели его соратники, у нас просто нет. Ему никто и не возражал.

Тихо скрипнув (пожалели все-таки масла), приоткрывается створка. Проскальзываем во двор. Прямо под ногами, сжимая в руках меч, лежит один из горцев. Чуть поодаль привалился к воротам второй. Дождавшись, когда основная группа скроется в башне, арбалетчики сняли часовых, после чего один из них, спустившись вниз, отпер ворота.

Быстро пересекаем двор. Он здесь совсем небольшой, всего-то метров пятнадцать. Так что наша команда проскакивает его за несколько секунд. Впереди бегут монахи Рона. Доспехов и большого количества металла они не носят, поэтому их передвижения практически бесшумны. А уже следом за ними, стараясь ступать тихо, идет основная наша ударная сила — Коты. Вот они-то как раз в полном вооружении: со щитами и в доспехах. Неизвестно, какая стычка ожидает нас в башенных коридорах, какой еще сюрприз приготовили там незваные гости. Посылать в лобовую атаку монахов, не имеющих серьезной защиты, не хочу. На этом я особо настоял.

— Ваша задача, ребята, — продержаться до подхода тяжеловооруженных пехотинцев. Каких бы опытных бойцов ни отобрали для этой цели горцы, против Котов им ловить нечего. Пройдут, как горячий утюг по маслу. Основная наша цель — взять живым их главаря.

Откровенно говоря, я всем сердцем ощущал то, что целью горцев будет именно башня. Почему? И сам не знаю. Но я постоянно чувствовал ее зловещую тень

за спиной. Казалось бы, ведь ничего не произошло. Никаких особенных событий, связанных именно с ней, не было. Она продолжала стоять, пронзая своей верхушкой небеса. Никто, кроме охраны, не поднимался на ее площадки. Опечатанные мною двери никто не пробовал открывать. Но все равно, вернувшись в замок, я вдруг почувствовал ее существование. Словно в хорошо знакомой квартире вдруг появилась чужая мрачная собака. Она мирно лежит в углу, но ее внимательный взгляд чувствуют на себе все обитатели квартиры. Неизвестно, кто привел эту собаку и зачем. Пока еще никто, помимо меня, не почувствовал, что что-то изменилось в замке. А может быть, ничего и не менялось? Может быть, все дело в том, что изменилась не башня, изменился я? Рисунок меча у меня на груди стал еще более явственным. Возможно, все дело в этом? Просто я стал более чувствительным и внимательным. И поэтому замечаю то, чего не видел ранее.

Вот и тяжелые башенные двери. Они закрыты. Нельзя сказать, чтобы я не предвидел такую возможность заранее. Вытаскиваю из ножен Рунный клинок и нацупываю на двери зарубки. Вот они. Взмах клинка — и дверь, чуть скрипнув, отходит от косяка. Она обита железом, но противостоят моему оружию не в силах. Придерживаю рукой отрубленную часть засова, которая так и осталась торчать в скобе на притолоке.

Странно, но мне почудилось какое-то движение. Нет, никто из стоящих со мной рядом не шевелился. Но внезапно мне показалось, что дрогнула сама стена. Разумеется, это было не так. Какой бы силы ни был мой удар, какое бы оружие ни держал я при этом в руках, поколебать громаду башни мне было не под силу.

Дорога открыта.

Передовой монах подносит к губам руку. Еле слышный, на пределе восприятия, звук поднимается вверх. Проходит несколько секунд, и мы слышим три тихих щелчка. Все ясно, гости отправились на самый верх. Никого из них в других помещениях нет. Так что мы можем особенно не прятаться. Тем не менее, стараясь не шуметь, вся наша команда быстро поднимается по лестнице. Один марш, второй, третий...

Вот и предпоследняя площадка башни. Оттуда наверх ведет узкая каменная лестница. Интересно, что могло понадобиться злодеюкам на самом верху башни? Там ведь ничего особенного нет. Посередине небольшой площадки стоит только узкая наблюдательная башенка. Она совсем маленькая, только-только поместиться одному человеку. Никакого тяжелого оружия наверху нет, все стрелометы и катапульты стоят на внешних башнях и стенах.

Отодвинув в сторону всех, тихо поднимаюсь по узкой лесенке. Железный люк закрыт на засов. Но, как и в случае с нижней дверью, это не преграда для Рунного клинка. Не замахииваюсь и не пробую рубить крышку. Просто всем телом налегаю на рукоятку. Несмотря на то, что клинок проходит сквозь толстое железо. Это нелегко, рубить гораздо проще. Но более шумно. Я не волнуюсь особенно насчет того, что кто-то меня услышит или увидит. Выход из люка на крышу прикрыт небольшим каменным козырьком. Надо полагать, для того, чтобы при обстреле башни из катапульт бульжники не сыпались бы на головы тем, кто поднимается наверх на площадку. Встать там хотя бы одному человеку совершенно нереально. Если только он не наступит на крышку. Но и в этом случае опасаться нечего. Если там был хоть кто-нибудь, то главная задача будет состоять в том, чтобы каким-то образом отпихнуть в

сторону мертвое тело. Уж коли клинок проходит через толстую железную крышку, то подошва сапога для него препятствием точно не станет.

Но покойника наверху не оказалось. Крышка люка откинулась вверх беспрепятственно. Делаю знак сопровождающим и выскальзываю наверх.

На площадке башни относительно светло. Под парашютом стоит два фонаря. Их свет снизу практически не виден: мешает стена. Но площадка благодаря им освещена. И я вижу странное и непонятное мне зрелище. Спинай к нам стоит человек. Он безоружен, его меч лежит чуть в стороне. А перед ним на полу сцепились в схватке трое остальных. Собственно говоря, уже двое. Один из них с распоротым животом скорчился чуть в стороне. Он явно умирает. Видно, как слегка подергиваются его ноги. Оставшиеся двое, не произнося ни единого звука, пытаются прикончить друг друга. Что-то непонятное у них тут творится. Если у одного из них поехала крыша, то чего ждет этот, стоящий к нам спиной? Вполне бы мог помочь своему товарищу. Не успеваю я додумать эту мысль, как схватка заканчивается. Сильным ударом один из дерущихся перебрасывает своего противника через парашют. Ох, и ни хрена себе, силушка у мужика! Не завидую я его оппоненту. До земли метров сорок только лететь. А еще там ступеньки всякие есть и прочие каменюки. В общем, посадка мягкой не будет.

Оставшийся в живых горец резко поворачивает к тому, который наблюдает за схваткой. В его руках появляется кинжал. Ага, стало быть, в живых остался возмутитель спокойствия. Уж и не знаю, что послужило причиной схватки, но, надо полагать, те, которым в ней не повезло, пытались прикончить именно его.

А наблюдатель был явно не против. За что и собирается отблагодарить его уцелевший бунтарь.

Горец взмахивает кинжалом. Еще секунда — и наблюдателю копец. Странно, но он не предпринимает никаких попыток защититься. Просто вскидывает кверху обе руки. И атакующий горец вдруг замирает на месте. Наблюдатель начинает что-то говорить. Голос его тих и звучит как-то завораживающе. Справа от меня крикает брат Рон. Его рука резко выпрямляется, и наблюдатель как подкошенный падает на камни площадки. Сбросивший оцепенение горец, ничуть не смущаясь появлением новых действующих лиц, прет на нас, как бык на тореадора. И с таким же успехом.

Как там у Высоцкого было?

«...супротив милиции он ничего не смог...»

Во-во! Самое то определение.

Увидев летящего на нас горца, двое Котов, оттирая меня в сторону, делают синхронный шаг вперед. Лязгнув, смыкаются их щиты.

Завидев возникшую на пути стену, атакующий не задержался ни на секунду. Хрипло что-то выкрикнув, он резко ныряет вниз-вбок. Понятно, у него оружие не с самым длинным клинком — кинжал, и уверенно работать им он может только на короткой дистанции. Куда делся меч — неизвестно, но искать его горцу некогда.

Сократив таким маневром дистанцию, атакующий нацеливается на ноги левого Кота. Мысль, в общем-то, здравая. Свалив противника, он может атаковать его соседа, и вот тут длинный меч тому не очень поможет — дистанция будет минимальной, не очень-то мечом помашешь.

Надо думать, что таких фокусов многоопытные охранители государственной казны за время службы нагляделись достаточно. Ибо вытянутая вперед рука

с кинжалом была прибита окантовкой щита к полу башни, как мышь сковородой к обеденному столу! А в следующую секунду основательный пинок подкованным сапогом под ребро заставил горца свернуться в три погибели. Кольчуга в данном случае мало ему помогла. Рухнувший всем своим весом ему на спину второй Кот совершенно обездвижил нападающего. Килограмм восемьдесят на него брякнулось — и к бабке не ходи! Где уж там руками-ногами махать...

Заслышав впереди возню, поворачиваюсь туда.

Монахи, подбадривая друг друга возгласами, деловито пеленают наблюдателя. В рот ему уже загнали деревянный кляп, а руки стянули за спиной. Эх они! За что ж так сурово-то?

Поднимаю с пола фонарь и прохожу вперед.

Вот и мечи отыскались...

Стена наблюдательной башни разворочена, под ногами валяются обломки кирпичей.

И что это тут у нас?

В глубине открывшейся ниши лежит большой темно-красный камень. Протянув к нему руку, ощущаю слабый толчок. Не в руку, а сбоку — там где висит Рунный клинок. Остановившись, вытаскиваю его из ножен и протягиваю вперед. Камня, правда, не касаюсь. Черт его знает, как среагирует тот на прикосновение моего оружия? Явно ведь это не простой бульжник, иначе зачем было его так прятать?

Но никакой реакции ни камня, ни клинка не видно. Они не взаимодействуют друг с другом. Во всяком случае, внешне.

Позади меня кашляет брат Рон.

— Милорд! Я бы на вашем месте этого не делал!

— Не волнуйтесь, я не собираюсь проверять крепость этого камешка, — убирая клинок в ножны, отвечаю ему. — Просто клинок ощутимо толкнул меня

в бок, стоило только мне протянуть руку к камню. Обычно он меня таким образом о чем-то предупреждает. Поэтому лучше воздержусь и от того, чтобы прикасаться к камню вообще. Чем угодно. Ведь, кстати говоря, горцы тоже его не трогали! Посмотрите — он весь покрыт пылью! И следов на нем нет.

— И это — правильно, милорд!

— А за что вы так этого наблюдателя дербалызнули? Он же спиной стоял, можно было бы его скрутить и без таких кардинальных мер воздействия.

— Дерба... что?

— Ну, по башке ему дали!

— Это колдун, милорд! Вы что, не почувствовали, как нагрелось кольцо?

— Блин! Да я его вообще не надел! Забыл как-то... вы уж извините меня, брат Рон! И на старуху бывает проруха!

— Что ж вы так, милорд?

— Да... сам хорош! Неуклюжее сексуально-скобяное изделие — вот кто я такой!

Монах удивленно выкатывает глаза.

— Изделие...?

— Ж..а с ручкой — вот кто ваш лорд! Других учить, да мордой тыкать — всегда готов! А как самому свои же рекомендации выполнять — только руками разводить могу!

Брат Рон усмехается.

— Ну, у вас кое-что другое имеется. То, чего ни у кого из нас нет и быть не может.

— Да не успокаивайте меня! Сам понимаю, что лопух! А ведь клинок ничего мне не подсказал!

— Видимо, милорд, дело в том, что он реагирует только тогда, когда вам грозит опасность.

— А колдун этот, стало быть, мне не угрожал?

— Серые невосприимчивы к враждебной магии. Им нельзя нанести вред колдовским способом. Вот ваше оружие никак и не реагирует. Вам-то лично ничего не грозило!

— Нет, брат Рон! Угроза другу — угроза тебе самому! Пока он жив — и ты стоишь на ногах. Выжить вы можете только сообща. Помогите ему — и он поможет тебе. Его жизнь и твоя связаны неразрывно.

Монах уважительно прицокивает языком:

— Золотые слова, милорд! Я запомню! И передам другим. Это ваши мысли?

— Да где там! — безнадежно машу рукой. — В прошлой жизни приходилось мне встречаться с такими непростыми ребятами... да... от них и услышал.

— Что ж это за люди такие были? Судя по словам — очень и очень... интересные!

— Да я и сам толком не знаю, брат Рон... Уж очень вокруг них секретов всяких понавертели. Знаю только, что тренировки у них были... жуткие. Свяжут двоих парней веревкой — да вверх на скалу. А скала крутая и повыше этой башенки... раза в два-три. Так что шансов выжить после падения нет.

— Но ведь у них веревка есть? Можно же как-то друг другу помогать?

— Угу. Три метра длиной. Подтянуть товарища, поддержать — вполне достаточно. А вот в случае срыва со скалы не то что удержать — крикнуть некогда! Так вдвоем и полетишь...

Монах явно потрясен.

— Зачем же так, милорд? Ведь они же оба погибнут!

— Или оба дойдут до конца. Зато потом... будут чувствовать товарища, как самого себя! Всю жизнь. Любого, кто идет рядом с тобой. Во всяком случае, у этих ребят так и было.

— Ничего себе... — ошарашенно покачивает головой спецмонах. — И с какого же возраста их так.. готовили?

— Не знаю точно. Говорят — с двенадцати-тринадцати лет. Тот, кто мне об этом рассказал, учился так именно с тринадцати лет.

— Должно быть, милорд, у вас была очень воинственная страна.

— Нет, брат Рон! Просто враги наши были... тоже далеко не белыми и пушистыми, как маленькие котятка, и не отличались показным миролюбием и кропотливостью.

Снизу принесли доски, и монахи, не доверяя это дело никому, сноровисто воздвигли ограду вокруг пролома в стене наблюдательной башенки. Накрыли доски сверху тяжелой плотной тканью. Подобрали и унесли вниз погнутые и исковерканные мечи горцев. • Вот чем они стену-то курочили!

Оставляем наверху парный пост — монаха и солдата.

По выходе во двор нас разыскал барон.

— Чем порадуете, Лэн? Что там с остальными горцами? Сдались?

— Некому было сдаваться, милорд! Их опоили чем-то... они совсем потеряли разум. Бросились с мечами на пехотинцев с арбалетами.

— Понятно... никто не промазал.

— Нет, милорд! Стреляли по ногам! Почти все попали точно, но это их не образумило. Трое из них закололи себя сами, прочие....

— Добро, Лэн! Помер Максим — и хрен с ним! По крайней мере, нам достались непоенные. Вот с ними и поговорим... Но это — уже утром! Простите

меня, барон, но спать хочу — просто сил никаких нет! Да, к слову сказать, монахи и без меня все сделают в лучшем виде! Один-то из пленников — колдун!

Даже в неярком свете факелов было видно, как он побледнел.

— Вы серьезно, милорд?

— Да какие уж тут шутки... А что вы так напряглись-то?

— Горные колдуны, милорд, — это особая статья! Их у нас почти никто не видел уже очень-очень давно! Думали — уж и не осталось никого. Ан нет — вылезли! Это... это жуткие люди, милорд! Они никому не служат, так что я и представить не могу, что же могло заставить такого колдуна играть подобную роль!

— Вот пускай с ним оба епископа и потолкуют... авось, собеседник будет интересным.

— Устал? — Мягкая ладошка сероглазки гладит меня по плечу.

Сбрасываю перевязь с клинком и кладу его на табурет. Сажусь на кровать и чувствую, как к моей спине прижимается Мирна.

— Ты все время на ногах... совсем про нас забыл.

— Ну, что ты! — ловлю ее ладошку и прижимаю к своим губам. — Что я буду без вас делать?

— Ложись. Я твою спинку разомну.

Лежу на брюхе и чувствую, как сильные и ловкие пальчики сероглазки бегают по моим лопаткам и ребрам. Хорошо... так бы лежал...

— Тебя надо почаще вот так разминать! Совсем спина заостенела! Так нельзя! Станешь неповоротливым...

— ...растолстею...

— И это тоже! Превратишься в большого свина!

— ...буду хрюкать... от удовольствия, если меня будут так же почесывать.

— И лежать в грязи! Кстати говоря, этим ты уже, похоже, занялся. Чем это несет от одежды? В какую мусорную кучу вы умудрились вляпаться?

Надо же! Голова моя садовая! Я ведь так и не переделся после всех наших походов.

Приподнимаю голову и рассказываю Мирне о наших ночных разборках.

Она переворачивает на спину и начинает пересчитывать мои ребра спереди.

— Колдун, говоришь? Странно... я думала, что они все глубокие старики... не вертись! А выглядит он лет на тридцать?

— Около этого.

— Надо же!

Она вдруг прекращает свое занятие.

— Этот рисунок... он стал больше!

— Да и фиг с ним! Пускай хоть весь проявится, что с того?

О предсказании моего предшественника, кроме меня, почти никто и не знает. Во всяком случае, мне хочется так думать. Знает Эрлих, от него я этого скрыть не смог. Наверняка и второй епископ тоже в курсе дела. Надеюсь, что никто из них не взял на себя труд подробно просветить Мирну на этот счет.

— Но ведь это что-то значит?

— Может быть. И даже наверняка. Вполне вероятно, что таким образом я повышаюсь в ранге.

— Зачем?

— Откуда мне знать? У вас ведь тоже существует какая-то табель о рангах?

— То есть?

— Ну... как-то вы ведь определяете, кто из вас более крутой и авторитетный?

— Зачем?

— Не знаю... уважать будут больше.

— Больше, чем кого? К нам всем отношение одинаковое. Нет разницы — кто будет тебя лечить. Молодой парень или убеленная сединами почтенная женщина. Оба они сделают все, что только возможно.

— Но ведь один из них знает и умеет больше другого!

— Тогда знающий меньше отойдет в сторону.

— И оба получают одинаковую плату?

— Ту, которую по силам заплатить больному или его родственникам.

Да, наша система медстрахования здесь одномоментно накрылась бы медным тазом! Заодно пустив по миру целую ораву чиновников от медицины. Ну, ничего! Я уж постараюсь, чтобы до такого бреда тут не додумались как можно дольше! Кое-какие возможности у меня есть, да и попы помогут. Не знаю, как здешние короли проявляют заботу о своих подданных, не видел пока таковой. Но вот Церковь реально что-то делает. И головы у ее иерархов на плечах присутствуют. Так что — поработаем...

С этой мыслью я и уснул...

Допрос захваченного колдуна совершенно не походил на таковое действие, изображенное на знаменитой картине Иогансона. Никаких мрачных помещений и нависших сводов тут не было и в помине. Обыкновенная комната, достаточно светлая. Пойманный злодей сидел в массивном кресле, к подлокотникам которого были привязаны его руки. Этим все и ограничилось. Лишь невысокий монах стоял за правым плечом допрашиваемого. Руки монаха непрерывно перебирали четки, он что-то бормотал себе под нос.

Оба епископа сидели напротив, их с горцем разделял только здоровенный стол.

Колдун уже вполне пришел в себя и внимательно осматривал окружающую обстановку. Время от времени он прикрывал глаза и наклонял набок голову, словно бы к чему-то прислушиваясь.

Войдя в комнату, я отыскал себе место сбоку от основных персонажей. По-видимому, кто-то из епископов подумал об этом заранее.

Присаживаюсь и вслушиваюсь в начавшийся еще до моего прихода разговор.

— ...итак, мы остановились на том, что вы согласились взять на себя командование передовым отрядом. Так?

— Допустим, — кивает горец. — Ну, согласился, и что с того?

— Но как такое может быть? Вы же не солдат, да и опыта такого командования у вас нет. А, насколько мне известно, — поднимает палец Эрлих, — ваши воины очень внимательно относятся к таким вопросам!

— Как видите — может. Если вам так интересно об этом знать — покопайтесь в их мозгах! Им приказали, и они подчинились.

Щас! Что-то я среди них особенного чинопочитания не заметил. Мало ли кто и чего им прикажет?! Бардак в этом плане среди горцев — явление не то что интернациональное, а, пожалуй что, и межмировое. Как там у афганцев было? «Он не пуштун!» — и все, вилы, никто и слушать не станет. Какие бы веские доводы ни приводил данный индивидуум. Так и здесь.

Не сдержавшись, хмыкаю.

Колдун неодобрительно смотрит в мою сторону.

— Дело ваше, можете мне не верить. Ничего другого я сказать не могу, просто нечего.

— Хорошо, — покладисто соглашается Эрлих, — допустим, что так и было. Возможно, ваш талант убеждения оказался столь высок, что воины разных племен и родов признали вас своим командиром. Пусть так. И что же за задача была поставлена перед отрядом?

— Захватить замок. Что ж тут неясного?

— Такими силами?

— Бывало и не такое.

— Следует ли нам это понимать как объявление войны?

— Это вообще не мое дело. Да и кроме того... воин гор берет себе все то, до чего может достать рукой. Есть война — нет войны, какая разница? Так было раньше, будет и теперь. Уж не вы ли собираетесь нам помешать? Интересно было бы посмотреть, каким образом?

— Ну, вашему-то отряду не повезло...

— Раз на раз не приходится. Вам тоже не всегда будет везти. Не с такими силами бросать вызов нашим князьям!

— Разве? Они собираются воевать со всем королевством?

— Король не пришлет сюда свои войска.

— Это почему же?

— Здешний лорд ему не по душе. Наилучшим этому подтверждением является то, что меня допрашивают служители Церкви, а не королевские военачальники. Которых, кстати говоря, здесь и нет!

— Разве? А отряд Лесных Котов?

— Они не служат королю. И их тут очень мало.

— Хорошо. Поговорим об этом позже. А что вы делали на башне? И откуда узнали про тайник в камере?

Тайничок там был, между прочим, сделан весьма основательно. Явно не вчера и не наспех. Аккуратно замаскированная дверь вела в небольшую комнату, где и был заскладирован небольшой запас оружия и снаряжения. Причем, судя по следам, оружия и снаряжения там было значительно больше. Когда-то. Но в настоящее время доспехов хватило только на шестерых. А вот оружие еще оставалось. Мечи и кинжалы. Вполне было можно вооружить ими человек двадцать. Надо полагать, вывезли не все.

— Про тайник мне рассказали мои люди.

— Кто именно?

— Собираетесь побеседовать с мертвыми? Надо же... не знал, что Церковь это умеет!

— Хорошо. А на башне вы что потеряли?

Колдун молчит.

В это время Гройнен, доселе в разговоре не участвовавший, поднимает голову. Я вижу, как по его вискам скатываются капли пота, и понимаю, что старик все это время что-то напряженно делал. Но что? И каким образом?

— Вагерт...

Колдун дергается, словно его кольнули шилом!

— Ты скажешь мне... именем твоим, я повелеваю... ответить...

Горец стискивает зубы, и я явственно слышу их скрип. Он борется! Изо всех сил! Видно, как дрожат его связанные руки. В наступившей тишине слышно, как скрипят подлокотники кресла, — колдун пытается вывернуть их из гнезда!

Безучастно стоявший позади него монах делает шаг вперед и опускает свои четки на плечо Вагерта. Тот резко обмякает в кресле — из него словно бы выпускают воздух.

— Каменное сердце... оно должно послушать того... кто окропит его своей кровью...

— Зачем? — Эрлих невозмутим.

— Оно ждало... так долго...

— Что сделает Каменное сердце?

— Все...

— Чья кровь должна быть пролита на камень?

— Сильный и храбрый воин... он должен отдать свою кровь сам.

— Для чего твои воины боролись друг с другом?

— Чтобы выявить... сильнейшего.

— Ты сказал — Каменное сердце сделает все. Что именно оно сделает?

— Можно обрушить стены... все, кроме стен башни. Можно открыть ворота... Но человек, отдавший ему приказ, навеки станет рабом этих стен... Не каждый воин это сможет, вот поэтому и я... я должен был проследить за тем, чтобы он не...

— Не струсил?

— Да...

— Можно ли убить Каменное сердце?

— Этот камень невозможно разбить. Его нельзя унести с этого места. Ничто не может причинить ему вред.

— Как вышло, что ты все это знаешь?

— Башня... ее строили очень давно. Наши... колдуны помогали... мы строили...

— Откуда взялось Каменное сердце?

— Оно было здесь всегда... это сила гор...

Колдун вдруг роняет голову, и из уголков рта появляются струйки крови. Тело его выгибается в судороге. Ноги выбивают по полу какую-то чечетку. Слышно, как трещат веревки.

Вскакиваю с места.

— Он же сдохнет!

— Да. Вагерт пытался себя убить уже давно, не менее часа он предпринимал для этого всевозможные попытки. Мы держали его так долго, как смогли. Но на нем лежит заклятие «печати молчания», он не может никому рассказывать то, что ты сейчас слышал. Так что смерть его теперь неизбежна, — разводит руками Эрлих.

— И снять это заклятие?

— Как можно снять то, во что человек верит всем сердцем? Пусть и таким черным, как у него?

Возразить мне нечего.

— Скажите, ваше преосвященство, правильно ли я понял, что колдун умер не от заклятия, а от самоуничтожения?

Эрлих задумывается.

— Как тебе сказать... глупо было бы отрицать тот факт, что магия и колдовство существуют, это так. Но безграничная вера в их всесильность тоже немало помогает колдунам. На самом деле, все не так уж и плохо. На некоторых, например, все это не действует.

— Вы не меня ли имеете в виду? Так тут Рунный клинок работает.

— Не только. Ни одного Серого не сумели как-то победить при помощи колдовства. Даже и в тех случаях, когда клинка при нем не было! А значит, есть и другие такие же люди! Вот на нас с епископом магия горца не подействовала, хотя он и очень старался. Брат Джайл тоже не только не поддался ему, но и в нужный момент сумел нейтрализовать попытки колдуна освободиться. А ведь он — обычный монах! Вера, сын мой, вот что делает человека сильным.

Он на секунду замолкает.

— И пусть не покажутся тебе ересью мои слова, но скажу! Вера в Господа — сильное оружие, это всем

известно. Но и просто вера во что-то возвышенное и чистое, даже сильная любовь — и она тоже творит чудеса! Мы знаем о случаях, когда колдуны ничего не могли сделать с людьми, которые сильно любили друг друга. И не сказать, чтобы это были какие-то выдающиеся своей чистотой и святостью люди — обычные влюбленные. Наш страх, наше преклонение перед темной стороной жизни — вот что делает колдунов всемогущими!

— А как же тогда быть с этим камнем? Он действительно что-то может?

Прокашлявшись, подает голос епископ Гройнен:

— Сын мой, ты же помнишь то, что я тебе рассказывал про эту башню? Не горцы ее построили, хотя, возможно, они и принимали в этом какое-то участие. В нашей истории много темных пятен и необъяснимых происшествий, увы... Не всему мы знаем объяснение. Но башня... она действительно хранит какую-то мрачную тайну. Скоро уже сюда придут записки, которые я тебе обещал прислать.

Епископ замолкает, видно, что ему трудно говорить. Эрлих подает ему чашу с водой.

Чуть скрипнула дверь.

Мирна!

Господи, а она-то здесь зачем?

Не обращая внимания на мой изумленный вид и на обвисшего в кресле колдуна, она огибает стол и подходит к старому епископу. Берет его правую руку и прижимает ее к своей щеке.

Несколько потрясенные этим, мы все молчим.

Сероглазка укоризненно покачивает головой и, не сказав ни слова, проводит рукою по плечу Гройнена.

Казалось, в комнате вдруг распахнули окно!

Повеяло свежестью!

Совершенно явственно, будто бы на улице только что прошла гроза.

Глаза епископа удивленно расширяются — он тоже что-то такое почувствовал. И надо думать, его ощущения были гораздо более сильными.

— Спасибо, дочь моя! Ты удивительно вовремя! Но... как ты узнала?

— У нас тоже есть свои... способы, ваше преосвященство, — уклончиво отвечает моя ненаглядная. — Вы не мальчик и не восторженный юноша, вам следует быть осмотрительнее! Нельзя так... поберегите себя. Для нас... если уж про себя не думаете.

Она снова гладит старика по плечам и, вежливо поклонившись, покидает комнату.

— Век живи — век учись! — потрясенно произносит тот, глядя ей вслед. — Надо же... Столько лет прожил, а вот с таким... первый раз встречаюсь!

Вот ведь старый плагиатор! Это же мои слова! Я ему это говорил!

— Возможно, ваше преосвященство, — не упускаю случая подпустить здесь свою шпильку, — вам, в смысле — Церкви, не следовало бы так рьяно отвергать целителей? Я ни в коей мере не претендую на всезнание, но... вы и сами все видели, ведь так?

Уже выходя во двор, спрашиваю Эрлиха:

— А как так вышло, что епископ назвал колдуна по имени? ·

— Так мы уже успели допросить второго пленника, — пожимает плечами тот.

— И что же он сказал интересного?

— Колдун вывел их на верхушку башни и приказал разломать стенку. А потом неожиданно показал на

него и крикнул двоим другим: «Убейте его!» Оттого-то пленник и не питал к нему никакого почтения и не стал ничего от нас скрывать. Он и сам был настроен свернуть ему шею, так что если бы Вагерт не парализовал его каким-то образом, то ему могло здорово прилететь...

— Понятно. Стало быть, на горца его колдовство подействовало... Да, надо будет раздать оставшиеся кольца... пусть работают.

А на следующий день меня огорошили сообщением, что к венчанию уже все готово! Монашки увели от меня Мирну, заявив, что теперь я увижу ее только в церкви. Неделю ее будут держать где-то в другом месте. Мол, так положено.

Нечего и говорить, что эти дни тянулись для меня медленно! Стараясь убить время, я мотался по всему замку, проверяя его готовность к отражению неожиданной атаки. Стараниями барона, который тоже спал теперь только урывками, к нам подошло еще около сотни солдат. Немалую роль в том, что к нам стали приходить люди, сыграли и рассказы капитанских пехотинцев. Свое обещание их отблагодарить я исполнил, благо денег хватало. И результат сказался очень быстро — из близлежащих деревень к нам потянулись отставные солдаты, которые там проживали. Мужики это были крепкие, меч держать умели, и за плечами у них имелось не по одному году службы. Так что призывы барона упали на подготовленную почву. Глядя на тренирующихся около замка пехотинцев, я потихоньку начинал проникаться уверенностью в том, что теперь мы можем обломать рога очередному нахалу уже гораздо более качественно, нежели раньше.

Хотя, откровенно говоря, было понятно, что выстоять против объединенных (не дай бог!) сил горцев и Молчащих... шансов, мягко говоря, нет. Набег на замок мы отобьем, тут сомнений не было никаких. Но вот отстоять города... это вряд ли. Такие укрепления, как в замке, там отсутствовали, и оборонять их было бы затруднительно. Да чего там — совсем нереально! Войн в данной местности не было уже более ста лет, никто не нападал на местных жителей, вот и стены городские... куда-то делись. А может быть, их и вовсе не строили. Мелкие дворянские усобицы, которые случались в стране время от времени, города и деревни не затрагивали. Все понимали, что такие места лучше захватывать целыми, нежели выжигать дотла. Нет, такая практика здесь тоже имела место быть. И выжигали, и разоряли — все было. Но стараниями отцов Церкви такие действия против невоющего населения постепенно стали признавать... излишними, что ли... Во всяком случае, свое рвение на этой почве воющее дворянство несколько поумерило. Что не замедлило сказаться на росте городов! Что до деревень, так там особых изменений, на мой взгляд, конечно, не произошло. А вот города подросли изрядно! Стоило только посидеть денек за перелистыванием отчетов замкового управляющего, как это стало совершенно очевидно. Да, есть над чем подумать... Потом, когда весь этот бардак закончится.

Кстати, чтение отчетов натолкнуло меня на еще одну мысль.

Отловив барона, знакомлю его со своими сообщениями:

— Лэн, ополчение пришло только из одного города, ведь так?

— Да, милорд.

— Прочие мне пока не присягнули?

— Нет, милорд, уже прибыло несколько делегаций. С вашего позволения, их присягу принял епископ Гройнен.

— Молодец старик! Не ожидал от него!

— Он сказал, что у вас и так достаточно дел, чтобы встречать каждую делегацию. Да и в глазах горожан это выглядело очень внушительно. Надо отдать должное епископу, церемонию он сумел обставить должным образом. Это произвело на делегатов сильное впечатление.

— Ага! А солдат они нам не прислали...

— Не совсем так, милорд. От вашего имени я потребовал от них усилить гарнизоны башен.

— И как?

— Вчера прибыл посыльный — привез отчет.

— И что там написано?

— Всего у нас в проходах стоят семь башен, закрывающих три прохода. Там несут службу двести моих солдат. По состоянию на вчерашний день, их гарнизоны утроились. Города прислали людей и обеспечили подвоз продовольствия.

— Лэн, вы говорите — семь башен... Их же меньше было или я что-то путаю?

— Нет, милорд. Просто в мирное время не было необходимости занимать все башни. Они стояли пустыми, и их просто поддерживали в должном состоянии. Гарнизонов в них не было, вполне хватало и тех укреплений, что были заняты моими солдатами. Но в случае войны... этого было недостаточно. Сейчас положение улучшилось.

— Как долго они смогут выстоять против горцев?

— Трудно сказать, милорд... Сразу их не возьмут — это точно. Осадных машин у противника нет, так что штурм будет трудным. И кровопролитным. Неделю

башни простоят точно, а за это время потери образуют самые отчаянные головы.

- А если не образуют?
- Тогда нам будет плохо...

Со стороны наша кавалькада выглядит очень внушительно. Управляющий замком последние дни валился с ног, но успел к сроку организовать должный внешний вид. Я и сам, выйдя сегодня во двор, аж присвистнул! Вычищенные лошади были украшены какими-то... даже слово сложно сразу подобрать, в общем — украшены. Всадники тоже нарядились в красивые одежды, и даже латники конвоя выглядели сегодня по-праздничному. Впечатляло... нет слов! Глядя на себя в зеркало, я как-то с трудом верил, что это моя невыспавшаяся морда торчит из таких шикарных одежек. Взглянул за гуж... терпи!

Город тоже очень близко к сердцу принял сегодняшнее торжество. Улица, по которой мы ехали, имела праздничный вид. Украшенные цветами дома, чисто выметенная дорога и толпы довольных горожан — внушает! С трудом верилось, что все это было в нашу с Мирной честь. Нет, вот она-то такое уважение, несомненно, заслужила. Хотя бы уже и тем, что терпит уже столько времени мой несносный характер и безбашенные выходки. Ну, вот скажите на милость, какая нужда в том, чтобы самолично ловить того трактирного соглядата? Что, Лексли не справился бы сам? Справился. И из засады ушел тихо. Чай, тоже далеко не мальчик. А уж сколько бы нервов я своим соратникам сберег... Пороть меня некому!

А вот и моя сероглазка!

Ее процессия выходит из боковой улицы. Мы встречаемся только на площади перед собором. Надо

отметить, что вот ее-то кортеж выглядит гораздо более ярким и праздничным, нежели наш. Да и то, по правде сказать, девушки в красивых (пусть даже и частично монашеских) одеяниях выглядят куда более привлекательно, чем здоровенные бородатые латники. Среди окружения сероглазки они тоже есть, но совершенно теряются на общем фоне. Так уж получилось, что в оформлении этого кортежа превалирует белый цвет и яркие краски. Глядя на него, хочется улыбаться. А мы выглядим более строго и внушительно. И улыбок точно не вызываем. Почтение — это да, навеваем всем своим видом. Не знаю, наверное, так тут и положено. Невеликий я спец по этой части...

На ступенях собора нас ожидают оба епископа. Гройнен сегодня выглядит настоящим владыкой. Глядя на него, я представляю себе, как он проводил церемонию принятия присяги. Да уж... такая фигура вызывает нешуточное почтение. Он сегодня даже ростом выше стал!

Парадные одежды епископов тоже резко контрастируют с их привычным повседневным одеянием. Торжественно — другого слова и не подберешь! Я уже настолько привык видеть их в обыкновенных рясах, что даже сам сначала растерялся, узрев епископов вместе с сопровождающими в таких облачениях. Непривычно, но очень... внушительно и солидно! Да уж, здешние попы свое дело знают крепко! И должное впечатление произвести могут. А как это должно на местных действовать, я даже и представить не могу.

Обе кавалькады останавливаются, мы спешиваемся. Только конный конвой остается в седлах, зорко оглядываясь по сторонам. Мазнув взглядом по крышам, замечаю и там отдельные фигурки с арбалета-

ми. Лексли... Коты свое дело знают! Хотя их командир сегодня присутствует рядом со мной, олицетворяя своим основательным видом королевскую власть. Именно так, ибо наместник короля к нам не прибыл. Даже на приглашение не ответил. Вот такие пироги... не любят нас. Да и хрен с ним! Жили без него — и дальше проживем. Я тут тоже времени особенно не терял... не зря же целыми днями в отчетах копался да городских чиновников выслушивал. Не могу сказать, что произвел тут кардинальную налоговую революцию, но кое-что сделать удалось...

Деньги у меня были, так что некоторые вольности с налогами я себе позволить мог. Одним махом упразднил десятка полтора каких-то непонятных поборов. Пустячное дело, если правильно посмотреть. На мой взгляд — овчинка выделки не стоила. Доход от таких платежей был, судя по бумагам, весьма невелик. А вот одновременная отмена такого количества податей эффект, пусть даже и моральный, доставить должна была неслабый! Надо думать, что никому в здравом уме и трезвой памяти не присуще желание отдавать свои деньги неведомо за что. Поэтому данный мой шаг местное население должно будет приветствовать.

Еще десяток нововведений касался торговли и ремесел. Большого ума тут не требовалось, если, конечно, учитывать мои знания о том, как все это было организовано в нашем мире. Это с местным опытом повернуть трудно, а у меня как-никак перед глазами были результаты работы нескольких поколений финансовых и налоговых крючкотворов. Так что... А вы думали, что все изменения в историю только при помощи автомата Калашникова вносятся? Щас...

И напоследок я нанес предательский удар королю. Так сказать — алаверды. И направлен он был по самому чувствительному для него месту — по кошельку.

Как кто-то у нас написал в одном из юмористических журналов: «Кто был первым гайшником на Руси?» Ответ — Соловей-Разбойник. Стоял с палкой у дороги, свистел и грабил проезжающих.

Не сказать, чтобы я эту точку зрения полностью разделял, ребят нормальных среди гайцов тоже прилично встречалось. Но вот в применении к местным реалиям — это было справедливо на сто процентов. И уничтожить налаженную систему я бы не смог — слишком разумно она была спроектирована. Но одно слабое звено здесь было.

Король никак не мог признать того, что стоит во главе местной дорожной мафии. Раз так — то и противодействовать мне открыто он не сможет, не поймут! И обидятся, когда всю фишку просекут. Тут уже ему не мое графство самой большой занозой будет — есть и покрупнее. И существенно позубастее!

«Если хочешь что-то изменить — возглавь!»

Золотые слова...

Прочитав мои соображения, Эрлих только крикнул.

Изложенные в бумаге меры одним махом декриминализировали местных гайшников.

Им предоставлялся официальный статус, легальное получение денег за их услуги по ремонту дорог и охране проезжающих. Все платежи с караванов шли в казну лорда, откуда и перечислялись деньги на выплату отрядам «быстрой дороги». А следить за этим предлагалось ордену святого Вайта! То есть — церковному банку, назовем это своим именем. Туда и должны были вносить платежи купцы. Уж какие префе-

ренции ордену это еще могло принести — бог весть! Но, надо думать, весьма немалые. Оттого и принесся их представитель уже на следующий день, после того как епископ прочитал мои предложения. Получить на свой счет мои денежки — очень выгодная операция, орден пренебречь этим не мог.

Одновременно с отменой платы «за топтание земли» это приводило к тому, что дороги графства становились весьма привлекательными для торговых караванов. А учитывая их платежи на «быстрых дорогах»...

Заодно и торговых воротил типа Дорна поприжмем, лишив их таких козырей. Кто сказал, что я человек незлопамятный? Это он явно спяну про меня такое бухнул...

Ох, чую, память тут обо мне останется... всякая, короче говоря.

Кому-то я на любимую мозоль всем весом наступил, кого-то походя облагодетельствовал. Одно сказать можно — быстро не забудут! Как бы все дальше ни пошло, а прежней здесь жизнь уже не будет.

Тем временем церковный хор завел какую-то торжественную песню, и под ее звуки мы с сероглазкой вступили на порог собора. Нечасто я бывал в подобных зданиях, а чтобы во время торжественной церемонии — так и вовсе. Красиво, блин! Горожане на радостях постарались, и, глядя на Мирну, я был им искренне благодарен. Не так уж и много выпадало сероглазке радости в жизни, и вряд ли моя избранница мечтала о том, что ее свадьба будет столь торжественной.

Мы подошли к положенному месту и остановились.

Вперед выступил Гройнен. Епископ сегодня был особенно величав и внушителен. Куда только делись его годы!

— Дети мои... — обвел он собор взглядом.

И наступила тишина. Здесь сейчас набилось народу столько, что часть из них аж на колоннах прилегла. И шум тут стоял изрядный — точно как в базарный день. Но под взором епископа все они замолкли, будто он каждому лично прикрыл рот.

— У нас сегодня необычный день! Не в первый раз в этом соборе заключается брачный союз местного лорда и его избранницы. Это так. Но впервые Церковь благословляет двух таких необычных людей! Сам ваш лорд — человек не из нашего мира. Он — Серый рыцарь! Законы и обычаи наши не властны над ним, и он стоит над ними. Так было всегда. Никто из нас не знает, откуда они приходят, и редко когда мы узнаем о том, кем они были в своей прежней жизни. Мы видели от них всякое. И добро... и другие поступки. Кто им судья? Тот, кто посылает Серых в наш мир? Церковь иногда находила общий язык с некоторыми из них, и вы все об этом знаете. Но чаще они шли своей дорогой. И вот, впервые за много лет Серый рыцарь сам пришел в храм. Не по чьей-то воле или принуждению, а по велению сердца. Вы лучше меня знаете, что сделал ваш лорд для города... да и для всей страны.

— Да, знаем! — в едином порыве выдохнуло в ответ.

Гройнен поднял руку, успокаивая толпу.

— Его избранница... Никто из нас не помнит того случая, чтобы Серый рыцарь брал себе в жены нашу женщину. И сегодня — это произошло впервые. Многие из вас ее знают. Простая девушка, избравшая целью своей жизни тяжкий труд целителя. Путь этот не

усыпан розами, и судьба редко бывает благосклонна к ступившим на него. Должен признать — мы сами, Церковь, не всегда должным образом ценим их труд. Точнее — ценили. Ибо так больше не будет!

Взволнованный гул прокатывается по толпе. Вот хитрый старикан! Такой сюрприз в тайне держал!

— Двери любого храма или монастыря отныне открыты перед ними! Рука об руку будем мы вместе нести этот тяжкий крест служения людям!

А у Мирны поблескивают глазки... Нехилый бонус отвалила Церковь ее коллегам!

— И теперь они оба стоят передо мною... Многих я благословил на прочный союз, но впервые делаю это с таким волнением! Ибо союз этот необычен, уже по природе своей! Удел Серого рыцаря — нести кару заблудшим и страшную смерть злодеям. Удел целителя — спасать чужую жизнь, не смотря на то, кому она принадлежит. Благородный дворянин и подлый разбойник — все они равны перед ними обоими. Один из них несет смерть в своих руках, второй же возвращает к жизни. Это союз жизни и смерти! Единство двух противоположностей. Подобного никогда раньше не было. Похоже, и впрямь настало время великих перемен... Так пусть он будет вечным! Может быть, тогда и мы сможем что-то понять и изменить в своей судьбе. Имея перед глазами образец того, что в жизни возможно даже невозможное!

Дальнейшую церемонию я запомнил не очень хорошо — сказалось волнение. Все-таки со мной такое впервые. Если бы не Лексли, дипломатично подсказывавший в нужный момент из-за плеча, то благородный лорд оконфузился бы на глазах у всех. Мало у меня опыта в подобных делах. Вот рыло кому набок заворотить — это с превеликим удовольствием! А такие парадные шествия — не по мне. Мордой не

вышел. Но разочаровывать народ не хотелось. Они так ждали красивого зрелища и очень для этого старались. Так что нельзя обманывать их ожидания. Оттого я и пытался делать все так, как мне подсказывал опытный Кот. Уж, надо думать, он таких церемоний на своем веку насмотрелся...

Но вроде бы все прошло правильно. Ни я, ни Мирна — лицом в грязь не ударили, явив тем самым народу красивое и завораживающее своей торжественностью зрелище. А когда она, по обычаю, бросила через спину свой букет — так он даже на землю не упал. Специально пробравшиеся в ожидании этого момента девушки расхватили его по цветочку прямо в воздухе! Любят ее здесь... и есть за что!

А вот торжественный пир у меня в памяти совсем не отобразился. Помню только, что народу там было... короче, до хрена. На памятной нам всем площади, перед городским домом, накрыли столы, и довольный народ зажигал там аж до утра.

Какое-то время и мы с сероглазкой провели там, обходя ряды столов и принимая искренние поздравления. Потом ушли в дом. Все же надо думать и про Мирну и не перенапрягать ее. Как-никак, а срок рожать ей уже скоро подойдет, вот и не хотелось мне рисковать.

Поутру я осторожно выскользнул из постели и, тихо ступая по полу босыми ногами, выбрался за дверь. В руках ташу перевязь с клинком и сапоги.

Адресовав дежурному Коту вопросительный взгляд, вижу, как он скосил глаза на соседнюю дверь.

Лексли дрых самым бессовестным образом. И не один! На его плече примостилась хорошенькая белокурая головка. Ага, понятно, отчего он до сих пор не проснулся. Ну, и ладно, пускай подремлет еще чуток...

Выскальзываю назад и, присев на ближайший стул, обуваю сапоги.

Жрать хочу!

Уже особо не таясь, спускаюсь по лестнице вниз.

Двое стражников, увидев своего лорда (это меня, если кто еще не понял), вытягиваются и грохают об пол древками своих алебард.

— Тихо-тихо, парни! Дом еще спит, перебудите так всех! На кухне кто есть?

— Повар, милорд! Готовит завтрак.

— Это здорово! Сами-то ели?

— Рано еще, милорд. Нас сменят только через час.

— Ладно, я вам прихвачу что-нибудь...

Увы, но завтрак ожидался не раньше чем через час! Облом-с! Прихватываю у смущенного повара несколько ломтей ветчины, краюху хлеба и бутылку кваса. Сойдет для перекуса. Нагруженный этим добром, возвращаюсь назад.

— Держите, ребята! Пока еще смена придет...

Опа, а у нас гость!

Высокий, крепко сложенный мужик. Явно военный, это заметно сразу. В годах, ему лет сорок. По местным меркам — зрелый дядька.

Он неодобрительно скользнул по мне глазами и, поджав губы, отвернулся.

Так, попробуем понять...

Офицер? Несомненно.

Что ему так не понравилось?

А нельзя на посту жрать! И пить нельзя. Вот он и выказывает всем своим видом недовольство.

И правильно делает, между нами говоря. Здесь мой косяк, и тут он поступает самым естественным образом. Была бы это не приемная лорда, он бы нас

уже всех построил! Черт, даже как-то неудобно... делать-то что?

— Простите, уважаемый, не имею чести знать ваше имя, но... кто вам нужен?

Мужик достаивает меня негодующим взглядом.

— Лорд Сандр Ерш!

— Ага... и как прикажете о вас доложить?

В глазах у часовых запрыгали бесенята.

— Полковник Мааре!

— Прошу прощения, что не узнал вас! Вам необходимо видеть лорда немедленно?

— Да!

— Прошу следовать за мной, полковник...

Делаю знак часовым и, посторонившись, пропускаю утреннего гостя наверх.

— Прошу вас... я укажу дорогу...

Увидев нас, дежурный Кот дергает за шнур. Где-то в глубине комнат брякает колокольчик. Спустя несколько секунд по коридору бухают сапоги дежурной смены.

— Тихо! — прикладываю к губам палец. — Я проведу полковника в кабинет, ему надо увидеть лорда.

Войдя в комнату, Мааре пододвигает себе ближайший стул и присаживается.

— Как скоро я могу увидеть милорда?

— А по какому вопросу, позвольте вас спросить?

Брови полковника изгибаются домиком. Надо полагать, он принял меня за дежурного капрала или, скорее всего, за слугу лорда. Ну да, по дому ходит, с кухни еду таскает, часовых угощает, а они не возражают. И подобный вопрос в моих устах — наглость, если не сказать больше.

— Вот что... любезный! Потрудитесь-ка сообщить лорду о моем прибытии, ясно? И не суйте свой любопытный нос в дела, которые вас не касаются!

Эк он меня! Суровый дядька, нечего сказать.

Стукает дверь, и на пороге появляется Лексли. Не видь я его только что в объятиях прелестной девушки, мог бы поклясться, что он ни на секунду глаз не смыкал. Одет Кот по форме, все пуговицы застегнуты. Подтянут и суров — воплощение истинного воина.

— Доброе утро, милорд! Здравствуйте, барон, рад вас видеть.

Полковник рассеянно кивает сержанту, и тут до него, наконец, доходит смысл его слов. Он даже со стула привстает.

— Пойдите... милорд?

— Ну да, полковник.. вы были столь напористы, что я как-то вот и не успел представиться, — развожу руки в стороны, словно извиняясь за подобную оплошность. — Лексли, так ты знаком с полковником?

— А как же... Это ж его пехотинцы стояли тогда здесь, на площади перед домом. Ведь так, барон? Я ничего не путаю?

Мааре смущен.

— Ну, да... это так. Но меня тогда не было в полку! Я прибыл только через неделю. К сожалению, меня не оказалось на месте в нужный момент. Вот и...

— Не расстраивайтесь, полковник! — примиряюще поднимаю обе руки. — Что было — то было. Закончилось хорошо — и слава богу!

По выражению лица Лексли видно, что он такую мою позицию не разделяет. Ладно, на эту тему и попозже поговорить можно. А сейчас надо барона послушать. Он ведь не просто так здесь появился. Чует мое сердце...

— Благодарю вас, милорд, за понимание, — серьезно отвечает барон.

Так, а дядя-то близко к сердцу ту историю принял! Видать, здорово его тогда задело. Значит, мужик себе на уме.

— Однако же, барон, вы ведь не по тому случаю сюда прибыли? Я вас правильно понял?

— Вы совершенно правы, милорд. Более того, я прибыл сюда не совсем... скажем так, официально. Надеюсь, вы правильно понимаете мое положение?

— То есть? Иными словами, передо мною, так сказать, частное лицо? Не командир полка? Это вы имеете в виду?

— И да — и нет. О моем визите к вам действительно знают очень немногие доверенные лица. В то же время — я не совсем частное лицо, как вы, милорд, выразились.

— Да вы присаживайтесь, полковник. В ногах правды нет.

Он удивленно приподнимает бровь. Но не ломается, а опускается в ближайшее кресло. Сажусь и я. Только Кот остается на ногах, зорко отслеживая обстановку. Профи — что тут скажешь...

Видя, что барон еще не совсем готов к разговору, наливаю ему и себе квасу. Бутылка так и осталась в моей руке. Это хлеб с ветчиной я часовым оставил, а квас так с собою и уволок, растяпа! Но сейчас это даже к лучшему: испробовав этого напитка, полковник снова удивленно приподнимает бровь.

— Недурственно! Ваши повара знают толк в этом деле!

— Это рецепт моей жены, — скромно отвечаю я. — Так что здесь надо благодарить ее.

— Я... наслышан о ее талантах, — учтиво наклоняет голову полковник. — Не знал, что она уже стала

вашей супругой, позвольте вас поздравить, милорд! Увы, эти вести дошли до меня только сегодня утром, и я не успел приготовить подобающего подарка...

— Вы прибыли лично — это ли не дар?

— Хм... возможно. Впрочем, милорд, я покривил бы душой, если бы сказал вам, что спешил именно за этим.

— Слушаю вас, барон.

— Вы, несомненно, в курсе того, что по всему королевству объявлен сбор войск?

— Да. Мы знаем об этом.

— Мой полк, как и полк полковника Ханета, тоже были отозваны в столицу. Хотя, признаться, это было нам не по душе. Мы-то знаем о том, что горцы вновь заволновались. Но... приказ есть приказ.

Молча слушаю барона. Что-то у мужика на душе... не просто так он сюда приехал.

— У вас есть карта, милорд?

Лексли, не оборачиваясь, стучит в дверь.

Через мгновение на ее пороге появляется часовой. Выслушав приказание, кивает и исчезает.

Проходит еще несколько минут. Вновь скрипит, открываясь, дверь, и двое солдат, убрав со стола пустые бокалы и бутылку с остатками кваса, раскатывают на нем карту. Вот, кстати говоря, еще один образчик нашей кипучей деятельности. Карты тут рисовали и раньше, но вот наносить на них характеристику местности — пока не додумались. Так что мои подсказки в этой области оказались очень даже кстати.

Полковник с интересом разглядывает наше творение.

— Хм... интересно... а что это за значки?

— Высоты холмов. Вот это — глубина реки.

— Занятно... Впрочем, об этом и после можно будет поговорить. Смотрите сюда, милорд. Вот здесь — ваше графство. Это — дороги, в него ведущие.

— Так Вижу.

— Вот эти крепости закрывают проходы, идущие в вашу сторону. Понятно?

— Вполне. Надо полагать, гарнизоны в них усилены?

— Нет. Более того, в них оставлено ровно столько солдат, чтобы они смогли удержать стены, не более. Укрепления непосредственно на дорогах — пусты. Позавчера из них отошли последние солдаты.

Интересно девки пляшут! И что бы все это значило?

— И как я должен это понимать, полковник?

— Войска отведены недалеко. В течение трех дней они могут занять свои позиции снова. Так что любой, вошедший в графство, будет в нем надежно заперт. Наши полки приписаны к этим крепостям.

— Вот как? И как все это можно объяснить?

— Никакого вторжения дикарей или варваров нет. Все собранные войска отправлены на границы вашего графства.

Весело! Не то чтобы я сомневался в лживости короля, но уж такой подставы... точно не ожидал.

— И какова же цель всех этих мероприятий?

— Смотрите, — барон делает на карте еще ряд пометок. — Видите?

— Войска охраняют эту дорогу? — разглядывает пометки Лексли. — Зачем?

— Чтобы не допустить схода с нее.

— Кого?

— По дороге будет проходить войско.

— Чье? Молчащих?

— Вы знаете?!

— Ну, любезный барон, мы же не в глухом лесу сидим... — пожимаю я плечами. — Иными словами, королевские войска пропустят их в графство, закроют проходы...

— А со стороны гор ударят войска их князей. Вы обречены, милорд. По нашим данным, войска ордена превышают двенадцать тысяч человек.

— Надо понимать, полковник, что король...

— ...договорился с орденом. Он отдает им ваше графство, взамен они прекращают свою деятельность на всей остальной территории королевства. А закрытые проходы послужат этому дополнительной гарантией.

— И он им поверил?

— Шерн, милорд! Никто не хочет, чтобы этот ужас вернулся вновь... Да и, кроме того, собранное в одном месте войско противника легче уничтожить, буде возникнет такая необходимость.

— Так. Войска, как я полагаю...

— ...выполнят приказ, милорд. У них всех есть родители и дети, живущие в д р у г и х городах и селах. Помимо этого, милорд, посланы гонцы к соседним королям. Готовится союз, имеющий своей целью полное уничтожение сил ордена в тот момент, когда они все будут собраны здесь. С той стороны гор ударят войска королевства Донер. Вас просто так не победить, какое-то время горцы и орден потеряют на осаде вашего замка. А их села на тот момент будут беззащитными. Удар в спину — и вековые проблемы разрешены. Король получит титул спасителя и избавителя. Заодно и Церкви прижмут хвост, слишком многое она себе стала позволять. Победителю можно простить все.

Весело! Стало быть, опять — отвлекающий маневр? Без меня меня женили? А как же все остальные? Жители городов и сел графства? Их что — тоже на алтарь победы?

На мой вопрос полковник пожимает плечами.

— Не знаю, милорд. Не думаю, чтобы их судьба кого-то особенно волновала. Издержки войны... вы и сами должны это понимать. С высоты королевского трона все это видится по-другому. А упустить такой шанс... король ведь не круглый идиот! На границе графства сосредоточено около пятнадцати тысяч только тяжелой пехоты! И не менее шести тысяч латной кавалерии. Более двух третей из них — дворянское ополчение. И все они сейчас, невзирая на отношение их командиров лично к королю, нанесут удар по вековечному противнику. Под руководством короля, ибо так положено исстари. Как бы ни была велика неприязнь дворянского ополчения к королевской власти, ненависть к Молчащим и к горцам — сильнее. Общий враг... Их не любит никто. А получив власть над таким могучим войском... можно сделать многое, милорд!

— Так... Полковник, а вас-то что заставило мне все это рассказать? Вы ведь тоже могли бы что-то получить лично для себя в этой войне? Разве плохо быть в лагере победителей?

— Вы не стали искать виновных в моем полку. Хотя и могли бы это сделать — все права у вас были. Да и не верю я Молчащим и дураками их не считаю. Не могли они все поставить на одну карту! В отличие от многих паркетных воинов, окружающих нашего короля, я знаю цену и горцам. Эта война будет жестокой и кровавой! Немногие увидят солнце победы.

— Хорошо. Я вам верю. Но ведь вы сюда приехали не только поэтому?

— Да, милорд. У меня к вам есть предложение.

— Лично у вас?

— Не только. Меня поддержат и командиры некоторых других частей.

— И в чем суть предложения?

— Вы отказываетесь от титула лорда. Необязательно публично и во всеуслышание. Оставляете замок и покидаете графство. Мы обеспечим ваш отход в глубь королевства. Разумеется, милорд, ваши люди последуют за вами. Мы поможем сохранить все это в тайне. Таким образом вы спасете свою жизнь. В ином случае, никого из вас не выпустят через проходы.

— А все остальные? Жители графства? Мои солдаты?

— Война без жертв не бывает, милорд...

— То есть война будет в любом случае?

— Да, ибо Молчащие и горские князья об этом ничего не узнают. Им нужна ясно видимая цель, иначе они не войдут в графство.

Красиво и изящно.

И рыбку съесть, и на хрен сесть.

Расправиться с Молчащими и горцами, попутно опустив ниже плинтуса репутацию Церкви и Серых, которых Церковь поддерживает. Все в дерьме — один король в белом.

— И сколько же времени у меня на размышление?

— Четыре дня, милорд. Я, разумеется, не вправе вам указывать, но... времени действительно мало. Передовые отряды ордена будут у границ графства уже через неделю. Мы можем просто не успеть...

— Итак, дорогие товарищи, что скажете?

Обвожу взглядом собравшихся. Оба епископа выглядят помрачневшими, барон задумчиво смотрит в окно. Лексли вертит в руках какую-то железяку.

— Что мы можем противопоставить этим новым неприятностям? И кто такой этот полковник? Можно ли ему верить?

— Он действительно командир полка, — отвечает барон. — Я его знаю.

— Ну, хотя бы в этом я могу быть уверен. А все остальное?

— Нам нужно время, — тяжело говорит Гройнен.

— Как много, ваше преосвященство?

— День... может быть, два.

— Хорошо. Все равно других вариантов у нас пока нет. Буду ждать.

— А... предложение барона? — поднимает епископ на меня взор.

— Вы меня, ваше преосвященство, надеюсь, за мерзавца не держите? Что, неужели кто-то всерьез решил, будто я смогу принять т а к о е предложение? Ну... знаете ли...

Слов у меня просто не остается. Резко повернувшись на каблуках, выхожу из комнаты. Хлопнув дверью, сбегая по лестнице и выхожу во двор. Отпихнув часового, выскакиваю на улицу и быстрым шагом удаляюсь от дома. Ни хрена ж себе! Не ожидал...

Никого сейчас видеть не хочу!

Пройдя по переулку, сворачиваю еще куда-то и присаживаюсь на лавочку около небольшого домика.

Здесь тихо, только в пыли копошатся куры. Откуда-то издалека доносятся обыкновенные звуки городской жизни. Но здесь ее не видно совершенно.

— Кхе-кхе... Вы позволите?

Старый-престарый дедок. Я что же, его место занял?

— Да ради бога! На минутку всего и присел...

— Не волнуйтесь, любезный господин! Просто я уже привык тут сидеть. Старым костям немного надо, всего-то и радости — на солнышке погреться, когда погода позволяет. А сейчас — как раз такой денек.

— Присаживайтесь. А я уж пойду себе...

— Нет-нет, оставайтесь! В кои-то веки кто-то присел ко мне на скамейку! Здесь нечасто ходят люди...

— Отчего же?

— У нас, любезный господин, нехорошее соседство.

— Это вы графский дом имеете в виду? Так его хозяин вроде бы неплохой человек?

— Ничего не могу сказать вам против, хотя он и... ну, вы меня понимаете?

— Серый, что ли?

— Ну да. А вот жена у него — просто ангел! Ее тут все любят!

— Уж я-то думаю!

— Ну, и от лорда никто из нас ничего плохого не видел. Пусть он и не из нашего мира, но нам с того не хуже. Нет, он по-своему добрый человек. Хотя и Серый.

— Так в чем же тогда дело?

— Вот этот дом, любезный господин, — посох в руке старика указывает на ближайшее строение. — Это нехороший дом, около него никто не решается присесть или остановиться.

— Чем же он плох? Обычный дом.

— Хозяин у него был... как бы это вам сказать... словом, плохой человек.

— Он что — детей по ночам жарил? Суп из девственниц варил?

— Господь с вами, любезный господин! Такого ужаса даже и я отродясь не слыхивал! Он был... чернокнижник!

- Колдун?
- Нет, такого тут быстро бы извели! Он писал черную книгу!
- Ее кто-нибудь видел? Читал?
- Видели! И многие! А вот читать — господь уберег!
- И что же с ним стало?
- Однажды он просто не вышел из дома. Когда к нему вошли, то он лежал на спине, и лицо его было жутко перекошено! Будто бы он увидел... ну, сами понимаете, кого!
- Только лицо?
- А вы проницательный человек. Нет, пальцы рук тоже были сведены и скрючены. Вся одежда разорвана, будто бы он пытался сам ее разорвать.
- Царапины на лице были?
- И на шее тоже.
- Судорожное сокращение рук. Классическая картина отравления — бедняга испытывал приступы удушья и старался хоть как-то облегчить себе дыхание. Стрихнин? А он в этом мире есть? Хотя что-то похожее наверняка присутствует.
- Книга?
- Ее не нашли. Хотя, судя по всему, уж книгу-то искали не мы первые! В доме все было перевернуто и разбросано.
- И что же было после?
- Ничего. Дом забили досками. Там больше никто не живет.
- Как давно это случилось?
- Да уж... года три. Или больше? Не помню...

Оставив словоохотливого деда на скамейке, подхожу к дому. Совершенно обычный домик. Момент... Д в е трубы? Насколько я в курсе — это роскошь!

За вторую трубу здесь платят особо — это как раз один из тех странных налогов, который и был отменен вместе с прочими несуразностями. Но хозяин-то прежний его платил! Стало быть — деньги были. А жил в маленьком домике... Нестыковка!

Обойдя дом, обнаруживаю дверь. Она мало того что забита досками, так еще и опечатана. Печать, кстати говоря, вполне себе свежая, уж точно не трехлетней давности — сургуч столько не проживет. Особенно на улице, под открытым небом. Значит, в доме кто-то был... И недавно. Осмотрев входную дверь, качаю головой. Нет, скорее всего, просто печать обновили. А зачем? Чья у нас печать?

Хм...

Печать оказалась... графской. То есть — прежнего графа, мною упокоенного. Она у меня в замке на столе лежит. Это что же — граф Дарен самолично тут бывал? Да нет, вряд ли... Послал кого-нибудь, вот это — вернее. Однако же! Дарен знал про этот дом!

А я чем хуже?

Доски — долой!

Печать — да и хрен бы с ней!

Замок. Ключа нет... Впрочем — отчего же нет? Вот он — универсальный ключ, на боку висит.

Со скрипом отворилась покосившаяся дверь, и я вошел в узкую прихожую.

Обыск тут, говорите, был?

Ну-ну... назвать это обыском? В принципе можно. Слон и мышь — тоже, в общем, млекопитающие. Вот только разница у них... как бы это сказать, слишком уж очевидная. Тут просто места живого не оставили — буквально все в клочья разнесли. А я ведь знаю, когда такое случается. Приходилось подобные вещи видеть. Когда очень нужно что-то отыскать — а оно и не отыскивается! Вот тут планка падает окончательно,

и начинается тупой разнос на части всего, что только можно сломать. Сколько человек здесь орудовало, сказать сложно. Да и не нужно по большому-то счету. Три года прошло, где этих злодеев искать?

А что искали?

Прикинем.

Вот полка лежит — ее только что не на части разломали. Отчего? Двойное дно нашли? Да, вот оно — присутствует. И порошок какой-то из него рассыпался. Не взяли, стало быть — не то. Однако же полочка относительно габаритная.

А вот поставец на боку лежит. Он целый. Не сломали, просто в сторону отбросили. Делаем вывод — искомую вещь в него не спрятать. Уже проще — знаем минимальные габаритные размеры разыскиваемой штуки. Значит, всякую мелочевку побоку.

Комнат в доме оказалось четыре. И здоровенный подвал внизу. Там-то и отыскалась вторая печка. Точнее — очаг. И весьма немаленький. Где-то я уже подобную штуку видел... А! «Дом премудрого цыпленка!» Иначе говоря, алхимическая печь. Ну, не совсем такая, как в нашей действительности, но очень похожая. Надо думать, мысли аналогичных специалистов, независимо от их местонахождения, идут похожими тропами.

И что ж выходит — здесь местный алхимик жил?
«...Он писал черную книгу...»

Алхимик?

Ну... в общем, мог, конечно, и писать. Собственно говоря, отчего бы и нет? А мог — записывать. Результаты исследований и опытов, например. Со стороны глядя — разницы никакой. Надышался или напробовавался каких-то своих зелий, да и отбросил копыта. Вполне естественная смерть для алхимика.

А зачем тогда такой тщательный обыск проводить? Что искали-то? И, судя по разгрому, который здесь учинили, — не нашли. Иначе бы ушли тихо, следов таких не оставляя. Психология преступника — она во всех мирах одинакова. Если есть возможность уйти тихо — уйдет. И попросту, от широты души, ничего ломать и крушить не будет. Лишний след — он и в Африке лишний. А голова — везде одна.

Не торопясь прохожу по дому, нигде особенно не задерживаясь. Нет тут явных тайников, это уж я различать еще в своем мире научился. Стены в доме не шибко толстые, сделать в них тайник, разумеется, можно. Для ложки. Или для свитка бумаги — не более. А искомая вещь больших габаритов.

Так что же — здесь ничего нет?

А вот поставлю-ка я себя на место алхимика... куда, а главное — как, стану в этом случае прятать дорогую для меня вещь так, чтобы надежно и быстро?

Есть ли здесь такое место?

Разумеется, пригодное место отыскалось. И вполне естественно, что было оно пустым. Не дурак прежний хозяин был... не дурак. Но это ему не помогло...

Еще раз. Поставим себя на место алхимика.

Вот я сижу, допустим, что пишу... В дверь стучат. Если я сейчас пойду куда-то, чтобы спрятать что-то (что?), это будет слышно — шаги выдадут. Резонный вопрос — стучат в дверь, отчего же ты еще куда-то потопал? Там и будут искать.

Стало быть, естественный и объяснимый путь только один — к двери. Здесь тайник.

Так оно и оказалось. Не став особо мудрствовать, я просто разрубил клинком массивное бревно порога. Их тут по непонятной причине было три. Собственно

притолока, ее нижняя часть. И два солидных бревна, уложенных по обе стороны от нее. Снаружи и внутри. Внешнее никаких сюрпризов не явило.

А вот во внутреннем оказался тайник — выдолбленная сердцевина. По-видимому, бревно как-то хитро поворачивалось, и в образовавшуюся щель можно было что-то убрать.

В данном случае это была книга. Черная, как и ожидалось. В твердом кожаном переплете, потемневшем от времени.

«...В который раз я пробую это сочетание! Не то! И все вроде бы по правилам — но ничего не получается! Неужели Магдерт ошибался? Значит ли это, что я иду по неверному пути?»

«...Опять те же симптомы. Коза выздоравливает быстрее, но, может быть, все дело в том, что ее организм более приспособлен для таких экспериментов?»

«...Человек оказался более стойким, он выдержал на день больше...»

«...Организм человека не может достичь нужных пропорций. Что-то надо менять. Но как? Надо будет испытать мои новые рецепты...»

«...Снова приходил граф Дарен. Шумел и кричал, его не устраивают мои результаты. Но что я могу сделать, если даже великие мастера не продвинулись тут дальше меня?»

«...Посыльный графа принес какие-то записи. Дарен думает, что это может мне помочь в изысканиях. Начал читать и бросил. Какое-то Каменное сердце — при чем оно здесь? О вечной жизни здесь нет ни слова — есть только вечное заточение. Он совсем глуп, чтобы полагать, что это одно и то же?»

«...Снова пробую различные сочетания. Человек слишком слаб, чтобы выдержать такие дозы! А меньшие не смогут произвести нужных изменений. Тупик?»

«...Оно может быть поражено чужим оружием? Каким? Чужим — то есть оружием не данного человека? Нет, ибо ранее написано — ничто, сделанное под этим солнцем, не причинит ему вреда. Описка? Ошибка? Не знаю...»

«...Граф дал мне еще три дня срока. Сегодня он выглядел плохо, сильно устает. Да, ноша, которую он на себя взвалил, не под силу многим. Но он проговорился! У него есть еще какие-то союзники. И не только те, про которых я знаю. Есть еще кто-то...»

«...Герцог! Но я знаю только одного герцога. Не может же быть, чтобы граф...»

«...Похоже, что в прошлый раз я не смог хорошо скрыть свои эмоции. Дарен что-то подозревает. Пора бежать! Но как?! Бросить тут все, что уже успел достичь? Смогу ли я повторить опыты где-либо еще?»

«...собираюсь. Деньги и записи опытов отправил с проезжими купцами. Их никто не заподозрит. Выжду пару дней и тоже уеду, уже пора...»

Откладывая книгу и вытираю тыльной стороной ладони слезящиеся глаза. Блин, ну и почерк у этого экспериментатора! За одно это прибить мало! И таким макаром полкниги исписать — изверг! Добро бы хоть толк с этого какой-то был... а так... Ну, ставил он эксперименты на людях и животных, так его за эту вивисекцию покарать уже нельзя. Разве что из могилы выкопать... так не до того сейчас.

Стоп...

Что-то щелкает у меня в голове. Почти буквально.

Из могилы...

Выкопать...

Нет, что-то еще.

Вечная жизнь — понятно, это граф такого для себя хотел. Не то...

Вот!

— Милорд! — бросается ко мне старший патруля. — Вы живы!

— И здоров. Что случилось?

— Епископ разослал по городу всех людей. Вас ищут!

— Считайте, что вам повезло первому. Где все?

— В вашем доме. Ждут.

— Дождались уже... идемте.

Эрлих взволнованно потирает руки.

— Сын мой! Ну, нельзя же так!

— А как можно?

— Ты должен понять старика — он слишком многое с тобой связал!

— Чтобы заподозрить меня в малодушии?

— Но... он такой же человек, как и все мы. Принять предложение полковника — что может быть естественнее? Ты не связан с этим миром, и его страдания для тебя...

— Хватит, ваше преосвященство! Закончили этот разговор. Есть и другие вещи, которые требуют немедленного обсуждения.

— Хорошо, — согласно кивает епископ. Перестает ходить по комнате и грузно опускается в кресло. — Слушаю тебя.

— Кто такой герцог, ваше преосвященство?

А ларчик просто открывался...

Нет, ничего плохого я про местных феодалов-интриганов сказать не могу. В смысле — в плане работы головой. С этим-то у них полный ажур! Насколько я помню, у Стругацких предлагалось оценивать степень интриганства. В «рэбах» или «децирэбах». Не помню точно, но в нашей ситуации эти единицы были явно недостаточными. Разве что с приставкой «мега»?

Герцог действительно присутствовал. Причем — как выяснилось, один-единственный! Во всяком случае, про других здесь уже лет сто не слышали. Не в том смысле, разумеется, что дед дожил до ста лет. Просто в обозримом пространстве присутствовало только одно герцогство. И, как следствие, других носителей подобного титула больше не имелось. А самозванцев в упомянутом герцогстве не жаловали. Про демократию, презумпцию невиновности и объективный суд — там и слыхом не слыхивали. Оттого и процедура разборки с подобными самозванцами была предельно краткой. И высокоэффективной, несовместимой с деятельностью по продолжению рода. Да и самой жизнью тоже... Кол в заднепроходном отверстии этому как-то не способствует...

Так вот, означенная фигура давно и упорно рыла яму под местного короля. За руку интригана не ловили, оттого поводов для объявления войны не было. Да и не факт, что она стала бы успешной. Войска у него были, причем в изрядном количестве. И опыт ведения войны присутствовал. Так что — орешек был крепкий. Помимо всего прочего, герцог имел договоры со многими окрестными королевствами. Где-то — обычные торговые, а где-то — и более серьезные. В общем, война была бы тяжелой и с непредсказуемым исходом.

При детальном рассмотрении ситуации вырисовалось несколько возможных вариантов развития событий.

Первый, так называемый «королевский». То есть — задуманный королем. Во всяком случае, у него были все основания так полагать...

В этом варианте горцы и орден, сцепившиеся в смертельной схватке с Серым и его войсками, становились добычей для королевских войск. Попутно получали по ушам церковники, да и еще кое-кто, слишком уж шумный и недовольный. Но ведь следствием этого, помимо неизбежного ослабления королевских войск, явилось бы и резкое падение авторитета королевской (т.е. конкретного короля, а не королей вообще!) власти. Там что, совсем бараны собрались? Очевидных вещей просчитать не могут? Помимо этого, большая часть войск, занятая охраной перевалов и разборкой с объединенными войсками союзников, легко отрезалась от источников снабжения. Дальнейшее было делом времени. На голодный желудок много не навоюешь...

Кем отрезалась? Так на границе стояли герцогские полки. Конные и быстрые. Да, крепостей на перевалах они не возьмут. И не надо. Где в данных крепостях найти продовольствие для большей части королевской армии? А в разоренном войною графстве — и давно ничего нет.

Голод — не тетка. И не дядька — жрать не попросишь.

В этом свете перспективы успешного нахождения на троне нынешнего короля как-то не просматривалось.

Вариант «черных полковников» (названный так с моей легкой руки).

Те же яйца — вид сбоку.

Правда, здесь присутствовала некая интрига. Никто же не мог исключать того, что оскорбленный Серый мог лелеять в своей душе планы жуткой мести. И надо сказать, в этом его поддержали бы многие — и вполне искренне! Так что вероломный король имел все шансы резко окочуриться. А дальше... Кто первым встал — того и тапки! Иными словами, чье войско успеет в столицу первым — тот и король. Ходу до столицы у герцогских полков — три дня. От моего графства — две недели. Еще вопросы есть? И совершенно не факт, что король падет от моей руки. Думаю, что этот вариант тоже был учтен. Главное — об этом объявить! И все. Старый графский вариант. Только вот на троне уже другая фигура. Кстати говоря, мне отчего-то стало жалко Дарена. Надо думать, такой конец его в итоге и ожидал бы... Даже на троне не покрасовался бы, не дали.

Кстати, не исключено, что от имени герцога тут действуют и Молчащие. Нет, сами-то они убеждены в том, что это они тут всем и заправляют. Но за их спиной стоит наш интриган. Который и воспользуется плодами победы ордена.

«Горский» вариант. Здесь во весь рост вставала фигура Одноглазого. Считать, что это именно он устроил все данные хитросплетения — означало проявить к нему слишком уж чрезмерное уважение. Тактик он, разумеется, первостатейный. Тут и разговора никакого нет. Смущало только одно — чем он мог заинтересовать герцога? Тот, по имевшимся сведениям, был крепким мужиком и наркотою не грешил. Нет у

Одноглазого рычагов, чтобы на него воздействовать. Нет, не катит, непроходной вариант. Его цель — свободный доступ в долины, налаженный наркотрафик. Бардак его тоже в принципе устраивал. И чем дольше, тем лучше. А я ему здесь категорически не уперся. Король... в принципе не сильно мешал. Так что и поводов рыть под него яму у Одноглазого не было.

«Молчащий» вариант.

За всем стоит орден.

Заманчиво — но неосуществимо. Зачем им сажать на престол герцога? Когда их цель — всеобщий хаос. Свергнуть слабого монарха для того, чтобы посадить на трон сильного и жестокого? Оно ордену надо? Мало им со мною геморроя... нет, этот вертолет не полетит...

Да... картина вырисовывается... неприятная. И ни в одном варианте для нас всех в ней место не предусмотрено. Что так, что иначе — нас уже списали.

Ладно... это мы еще поглядим... кто кого закопает...

На разгадку этих замыслов у нас ушло три дня. Церковники проявили прямо-таки бешеную активность. Откуда и каким путем они получили большинство сведений — бог весть! Но в сочетании с именем герцога Ламара многое стало на свои места. Означенного герцога пасли давно и тщательно. Надо думать, причины имелись. Но хитрый и небесталаный мужик за руку ни разу пойман не был. Так.. слухи, сплетни — ничего существенного. И почти двадцатитысячное конное войско. Тяжелая латная кавалерия. Плюс порядка десяти тысяч панцирной пехоты. Не

всякий король такими силами располагал. Герцог периодически ввязывался во всевозможные заварушки с соседями, так что боевой опыт у его армии имелся. Просто так им по рылу не насовать — совалка обломается.

Подводя итог нашим изысканиям, собираемся на совет.

— Итак, товарищи... гм-м... что мы имеем?

Гройнен приподнимает голову.

— В данной ситуации у нас есть один выход — выдержать осаду. Сообщить королевским военачальникам о планах герцога Ламара. У предводителей войска могут возникнуть вполне естественные опасения. Пусть и не по поводу короля. Но уж за свои-то владения они встанут!

— Угу... И их поодиночке закатают в песок... Тридцать тысяч опытных воинов сотрут в порошок любой отряд местного ополчения. Это я еще про орден и горцев не вспоминаю. А они-то уж точно в стороне не останутся. Может быть, проще поступим, ваше преосвященство?

— Например? — вопросительно поднимает бровь Гройнен.

— А как с Дареном! Один удар Рунного клинка и...

— Вся знать королевства тут же повернет копыя в твою сторону! Серый на королевском троне! Ладно уж, во главе отдаленного графства — это еще можно вытерпеть. Но на троне?! Да тот же Ламар будет для них предпочтительнее!

— Почему же? — слегка обескуражен я.

— Потому что он — свой! Такой же дворянин, от плоти и крови здешнего дворянства. Первый среди

равных — ты ведь сам это говорил? С ним можно говорить и спорить. А как спорить с Серым? Какими аргументами можно воздействовать на тебя?

— Вы же их находите?

— Нас любят крестьяне и горожане. Уважают купцы и мелкопоместное дворянство. С неприязнью смотрят бароны и еле терпят графы. Мое слово для высшей знати... не прозвучит столь весомо, чтобы в чем-то их переубедить.

— Но... почему я? На троне может быть и еще кто-то? Другой кандидат...

— И кто он? Можешь назвать его имя?

— Я? Да откуда же?! А у вас... такого кандидата нет?

— Разумеется, нет! Зачем он нам? Церковь никогда не планировала подобных... вещей.

— Так что же, ваше преосвященство, король так и останется...

— ...безнаказанным. Увы, да, сын мой. Все его действия продиктованы необходимостью укрепления королевской власти, и ничем иным. Он ничего не хочет лично для себя. Вспомни мятеж Гарамы!

— Да уж...

— Король хочет усиления королевства, искоренения Молчащих и устранения угрозы со стороны гор. Ты мыслишь иначе?

Вот это фокус! Так король как бы и не на стороне прогресса выступает? А я, ретроград эдакий, у него на дороге стою? Ладно, моя голова — не самый ценный предмет данного мира, можно и пренебречь. Но обитатели графства — они-то в чем провинились? Тут не несколько человек — их тысячи!

Высказываю эти сомнения епископу. Он только руками разводит.

— Мы не солдаты, сын мой... Как поступить в такой ситуации, не знаем. Но вызвать в королевстве междоусобную войну... счет жертв пойдет на тысячи!

— Понятно... стало быть, король от моего клинка отвертелся... Повезло ему, барану бестолковому! Но нам-то что делать?

Положение действительно аховое.

Открыть башку королю нельзя — гражданская война. И в итоге — герцог Ламар на троне. А я ему расчищу путь.

Сидеть и ждать у моря погоды? Видя на горизонте столбы дыма от разоряемых деревень? На фиг...

Выступить навстречу армии ордена и дать им бой на перевалах?

В соотношении один к двенадцати? То-то нам опосля этого горцы спасибо скажут... И главное — ничего не изменим. Исход этого дела будет аналогичным — приветствуйте нового короля!

Прибыть в королевские полки и рассказать им... что? Правду? И кто за мной пойдет? Большая часть ополчения тотчас же рванет по домам — защищать с в о и деревни и города. И все будет так же, как и в уже рассмотренных вариантах.

Н-н-да... вилы...

Ни к какому решению мы так и не пришли.

Уже выходя из комнаты, Гройнен вдруг хлопает себя по лбу.

— Стар я стал...

Возвращается назад и снимает с полки цилиндрический кожаный футляр. Нечто типа чертежного тубуса.

- Держи, сын мой.
- Это что такое?
- Ну... я ведь обещал тебе записки моего предшественника? Вот они.
- Спасибо, ваше преосвященство. Будет чего перед сном почитать...

Саркастически ухмыляясь про себя, заворачиваю в графский кабинет. Расторопные слуги зажигают свечи, и тут становится светло — читать вполне можно. Только... до этого ли сейчас? Послезавтра уже приедет полковник Мааре, а я так и не знаю, что ему ответить. Бросаю футляр на стол. От удара отскакивает круглая крышка, и какие-то листки бумаги рассыпаются по его поверхности. Вот чертяка я неуклюжий! Нехорошо... собрать надо.

А это и не бумага вовсе — пергамент! Старые, должно быть, записи-то... И почерк красивый, надо думать, писец старался. Не сам же епископ каллиграфией занимался?

Подношу к глазам один из листков.

«...И пусть не укоряют меня потомки за то, что мы проявили разумную осторожность! Ибо превыше сил человеческих ожидать ежедневно тяжкой участи. Пусть не осудят нас за тот страх, который овладел многими достойными мужами из числа лиц, сопровождавших меня в этот трудный час...»

Надо же! Романы ужасов и тогда уже писать начали? Так прямо, с первой страницы — и сразу в лобешник! Чтоб жизнь медом не казалась...

— Ты замерз! Где же вы шастали? Все руки-ноги просто ледяные!

— Прости меня, моя прелесть, — сам виноват! Засиделся в кабинете, а про камин позабыл... Вот и продрог слегка...

— Иди ко мне, горе ты мое! Кто еще о вас, таких непутевых, позаботится? Не дам уж тебе замерзнуть окончательно, у меня теплое одеяло. Надеюсь, никто не станет будить нас с самым рассветом?

— Не станут... Я предупредил часовых...

Поутру, уже ближе к одиннадцати часам, снова захожу в кабинет. Тут уже находится Лексли, что-то подозрительно вынюхивающий в воздухе.

— Что такое?

— Горелым пахнет...

— А! Это я вчера, по рассеянности, подпалил ненароком край пергамента... бывает! Не бери в голову!

— Понятно... а я-то думал...

— Ладно, проехали! Скажи-ка мне вот что — где тут центральная площадь?

А вполне приличное место, оказывается! Надо же... Я-то по простоте душевной полагал, что уж раз какие-то встречи тайные назначать, то и место должно быть совсем уж скромным. Маленьким и еле заметным. А тут — вполне себе здоровенный кабак, и обслуживание на высоте.

Стоило мне только войти в зал, как откуда-то сбоку выскочила симпатичная молодка и низким грудным голосом осведомилась насчет моих пожеланий. Таковые, разумеется, имелись. Вот, например, пива мне местного хотелось. Закуски всякой...

Молодка кивает и провожает меня к столу. Вторым моим пожеланием было занять такой столик, чтобы он в углу стоял. Незачем, чтобы кто-то за спиной сидел. Не люблю я этого.

О чем небрежно ей и было поведено.

Девушка оказалась вполне сметливой, лишних вопросов не задавала, и требуемый столик отыскался достаточно быстро.

Покачивая крутыми бедрами, молодка удаляется от меня. Тут что, специально таких выбирают? Чтобы клиент еще и от этого млеет? А сомлевшего и обсчитать проще... да что ж я все своими старыми мерками меряю? Вполне ведь может быть, что здешний хозяин являет собою образец честности и бескорыстия. Это трактирщик-то? Угу...

Пиво оказалось очень даже неплохим. У Вилема было похуже. Закуской тут служила маленькая копченая рыбешка, тоже вполне съедобная и вкусная. А что, хорошее место! Знал бы раньше — заглядывал бы чаще. Пиво пил, опять же — к народу ближе. На местных девушек поглядывал... Тут, кроме давешней молодки, и другие есть. Тоже вполне себе фигуристые и пышные. Скорее всего, хозяин здешний и этот аспект тоже учел. Интересное место выходит: ведь наверняка под этим предлогом здесь и уединиться можно, чтобы без посторонних глаз с кем-нибудь о чем-то потолковать. Надо будет кое-кого просветить насчет данного заведения, пусть посмотрят... тех же прислужниц расспрашивают...

Поднимаю руку, и через несколько мгновений около меня появляется одна из девиц.

— Что угодно вашей милости?

Одет я не шибко роскошно, но достаток виден. Не купец — ибо с клинком на перевязи. И не солдат, так

как покрой одежды не военный. Местный народ это просекает моментом. Стало быть, кто?

Скорее всего — дворянин. Наверняка приезжий — местных тут всех знают. Не дюже богатый, но с деньгой. Такому и польстить не грех, щедрее будет.

— Хорошо тут у вас...

— Стараемся, ваша милость!

— А позови-ка мне, милочка, хозяина...

— Сей момент, ваша милость, и оглянуться не успеете!

Ну, оглядеться по сторонам я все же успел. И не единожды. Но пока ничего интересного не увидел.

Вот и хозяин. Дородный и основательный мужик. Подходит неторопливо и с достоинством. Вежливый — подходя к столику, с уважением кланяется. Ну, как же — все-таки к дворянину подошел.

— Хорошо тут у тебя!

— Как же иначе, ваша милость? Почитай, третий десяток лет на этом месте! Вот и стараемся.

— Пиво у тебя хорошее! Да и закуска к нему... тоже очень ничего. А как с прочими блюдами? Если я, например, к тебе с друзьями приду? Накормишь всех, да так, чтобы не хуже, чем у короля на приеме?

— Ваша милость и там бывали? — с почтением осведомляется хозяин.

— Приходилось... Так чем кормить нас будешь?

— Мясо, ваша милость. Всякое есть. И жареное, и вареное. Окорока — ну, это уж как положено. Зелень и все, что к ней требуется. Вина хорошего подать могу. Дичь имеется, птица всякая. Рыба, если вашей милости угодно.

— Рыба? Хм... интересно... А вот скажи-ка мне, любезный, горная рыба у тебя есть?

Ничего не изменилось в выражении лица хозяина. Он пожимает плечами.

— Нет, ваша милость, этой рыбы к нам не привозят.

Так...

Что-то еще сказать надобно?

Показать?

А что же?

— Жаль... Мне говорили, что... впрочем, бог с ней. Проживем как-нибудь и без горной рыбы.

Опять ноль эмоций. Или пойманный в замке адепт ордена соврал, или... что-то недоговорил.

— Еще пускай пива подадут.

— Слушаюсь, ваша милость, — кивает уважительно хозяин. Неторопливо отходит от столика и направляется к стойке.

Прокол?

Нерабочий пароль?

Да черт его знает...

Хреново, я на эту встречу рассчитывал.

Спешить пока что особо некуда, вот я и продолжаю сидеть за столиком, потягивая вкусное пиво.

Так, расклад не вышел. Что теперь делать-то? Где искать союзников и кого именно?

Отряды «быстрой дороги»? Не факт, что они будут моими соратниками. Во всяком случае — не сейчас. А позже они мне и на хрен не облокотились. Вполне может так выйти, что после никакие союзники уже никому не потребуются. Фигово. Ситуация с каждым часом ухудшается, а никаких козырей у нас нет. Ну, скажем так, почти никаких.

Ладно.

Нечего раскисать. Давай, голова, думай — картуз куплю! Сколько у нас сейчас войска? Если всех в кучу собрать — около тысячи, даже существенно больше.

Но в кучу собирать мы никого не будем. Иначе башни будут без гарнизонов.

Кому мы можем надавать по морде?

Если из-за замковых стен — то кому угодно. Хоть королю, хоть горцам. Даже и тем, и другим, вместе взятым. Продовольствия там почти на год, это в том случае, ежели жрать от пуза. Воды полно. Еды еще прикупить можно. Воронов нанять — деньги есть. Пусть по вражеским тылам прогуляются, наведут шороха. До замка не дойдут, просто не успеют. Да и не надо. Хорошая заноза в заднице еще никому боевого задора не прибавляла.

Мааре я откажу. Что они после этого будут делать? На сторону Молчащих не встанут — это факт. Горцам помогать тоже не будут. Может быть, хоть города прикроют? Я все силы противника на замок оттяну, так что у королевских войск шанс есть. А если еще и по горским селам соседи с огнем и мечом пройдут... армии князей тут совсем неуютно станет.

Ну, вот, какая-то картинка уже вытанцовывается!

Глядишь, еще и побрыкаемся.

Мирна...

Вот ее надо отослать!

Вместе с монашками в какой-нибудь монастырь в глубине королевства. Уж их-то штурмовать никто не станет — не тот объект для интереса.

Так что пусть рожает в тишине, без грохота и воплей под окнами.

А уж этого-то добра тут будет в избытке.

Стрел закупить надо. Да чего там — просто все подряд скупить! Все стрелы, оружие и доспехи. Когда в графство хлынут армии вторжения, многие жители побегут. И некоторые — в замок. Вот их-то и придется

снаряжать! Много — не много, а сотни две-три ополченцев лишними не будут. А их надо обмундировать и вооружить. Делаем пометку.

Попам денег дать. Вернее — дать распоряжения ордену святого Вайта. Пусть наймут где-нибудь еще кавалерию.

А, черт! Ее же в графство не пропустят!

Ладно, отставить кавалеристов. Пусть лучше слухи распускают нужные. Это, кстати говоря, и дешевле обойдется... А уж эффект от таких мероприятий... очень даже неплохим бывает.

Взволнованно потираю руки. Рановато вы меня, братцы, со счетов списали! Я клиент неприятный, злой и живучий. Просто так вы меня, парни, не сожрете. Это уж я вам гарантировать могу. Несварение желудка обеспечу качественно и всерьез.

Просидев в кабачке еще около часа, подзываю молодку и расплачиваюсь. Ко мне так никто и не подошел. М-м-да... печально. Откровенно говоря, направляясь в данное заведение, как-то вот на что-то другое рассчитывал. Но, похоже, что явка здесь приказала долго жить. Ну, что ж, будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас — закупка вооружения и снаряжения. Завтра — с полковником пообщаемся, есть уже задумка и на этот счет.

«Мегарэбы», говорите? Будут вам и они. Это вы, парни, еще нашу Госдуму не видывали, пресловутый дон Рэба там с тоски бы удавился! Вот где волки зубастые ходят! А на экран телевизора глянешь — все такие чинные и благообразные... в глазах честность так и просвечивает. Солидные и важные, аж жуть берет! И сразу охота кошелек подальше спрятать... со всем, что там еще (по их недосмотру, должно быть)

осталось. Нет, ребята, развитая «демократия» — это тот еще зоопарк. Чему угодно там могут обучить. Как ближнего заживо сожрать и полстраны по миру пустить — всему научат. Даже денег не возьмут. Сразу. Потом-то аж из глотки вырвут, не сомневайтесь. Так что воспользуемся проверенным опытом. Белый и пушистый — это не про меня. Вот седой и волосатый — в самую точку будет! Не видели вы еще Серого с этой стороны!

— Ваша милость...

Это еще кто такой? Невзрачный серенький человечек Нищий?

Не похож

— Чего тебе?

— Вы недавно заказывали особенное блюдо...

— Чего?

— В харчевне.

— А тебе-то какое до этого дело?

— Я, ваша милость, знаю одно место... где его подают.

— Знаешь, я уже столько ждал... неохота мне никуда ходить. Устал... спать хочу.

— Этот сон может оказаться гораздо более глубоким... чем вы, наверное, полагаете...

— Ты мне угрожаешь?! — притягиваю к себе тщедушное тельце. — Давно по рылу не огребал?!

— Что вы, ваша милость! Как можно? Но на той стороне улицы стоят несколько человек... и у них кое-что с собою есть... вы можете и не успеть к ним подойти.

Ага, иными словами — там арбалетчики. Мне предложено пройти... куда? Да черт его знает.

— А тебе-то с этого какая радость? Уж твою шею я свернуть успею, не сомневайся!

— Ну, что вы, ваша милость! Это вовсе не угроза... так, меры предосторожности...

— Ладно... — нехотя отпускаю человечка. — Пошли, посмотрим, что там есть такого необычного.

Пройдя по переулку несколько шагов, слышу, как за спиной забухали по земле сапоги арбалетчиков. Идут шумно, хотя и пытаются шаг сдерживать. Не профи — так, мелкая одноразовая шушера. Но опасными быть могут. Учтем... Их трое, судя по звуку шагов. Расстояние... метров пятнадцать. Да, могут успеть выстрелить, хотя вот перезарядки уже не выйдет. Но три болта с короткого расстояния... это плохо.

Идти оказалось совсем недолго. Искомое место располагалось в двухэтажном домике, недалеко от окраины города. Дома тут стояли все больше старые да покосившиеся. Активной жизни здесь не заметно. Самое подходящее место, чтобы темные делишки обстряпывать.

Опа!

А колечко-то на пальце потеплело...

Стало быть, не зря меня сюда провожатый привел, есть тут кто-то интересный...

Арбалетчики в дом не вошли, остались на улице. Надо полагать, сюда тоже не всех подряд запускают. Мой провожатый уже более уверенно засеменял вперед. Одна комната, вторая... пришли.

За столом сидят двое, и еще один крепкий мужичок расположился позади меня. Он привалился плечом к дверному косяку и молча крутит в руках увесистую дубинку. Охрана? Очень даже возможно...

Подхожу к столу и, подтянув к себе тяжелый табурет, присаживаюсь. Сидящие за столом, ни слова не говоря, продолжают меня внимательно изучать. Ну, что ж... окажем и им ответную любезность...

Тепло идет слева, значит, этот тип — точно из ордена. А вот сидящий напротив не очень-то похож на адепта столь серьезной организации. Суетливый и вертлявый, таких сюда не возьмут... Да и перстень на него не реагирует.

Провожатый мой куда-то испарился, надо думать, остался за дверью. Ладно, если он и впрямь меня привел туда, куда надо, то без своей награды не останется... ежели не сбежит раньше.

— Вы назвали с л о в о... — негромко произнес сидящий напротив меня.

— Назвал.

— Знаете ли вы о том, что ждет неразумного, рискнувшего произносить вслух некоторые вещи? Те, о которых он имеет лишь отдаленное понятие?

— Догадываюсь. А вот вы сами — осведомлены ли о том, что ждет неразумного, который по незнанию либо по гордыне своей обратится ко м н е с подобными речами?

Собеседник в замешательстве:

— Но... это ведь вы сами сюда пришли?

— Меня сюда п р и г л а с и л и! Разницу улавливаете? Причем — весьма невежливо! А что до места... так я здесь прийти могу куда угодно. Не спрашивая на то специального дозволения.

— Никто не рискнет ссориться с... с нами.

— Желающих сделать это со мной — еще меньше. Хотите проверить?

Собеседник растерянно оглядывается на своего товарища.

— Ваше лицо мне незнакомо, — вступает в разговор тот. — Но все сделано правильно. Сказаны нужные слова, и встречен проводник. Как такое может быть? Кто вы? И откуда знаете про это место и про слова, которые нужно сказать?

— Отвечаю вопросом на вопрос. Каково ваше место в иерархии ордена?

— Мы оба... — начинает он.

— Нет! — Мой палец указывает на первого собеседника. — Его статус мне неинтересен. Он — не адепт ордена. Я спрашиваю вас!

Оба встречающих переглядываются.

— Почему вы считаете, что ваши догадки...

— Не догадки! — бесцеремонно перебиваю его. — Я знаю!

Вертлявый вздрагивает. Неприятно? Терпи, милоч, недолго осталось-то...

— Ну... хорошо. Я Вопросающий, — отвечает тот, что сидит слева. — Этого достаточно?

— Вполне. Моего имени вы ведь не знаете?

— Нет. Хотя... можно это выяснить... определенные догадки на этот счет имеются.

— Не нужно гадать. Зачем играть в прятки и чего-то скрывать? Мое имя — Сандр Ерш. В народе, по правде говоря, чаще именуют Серым рыцарем...

Как там в книгах пишут? «Если бы тут взорвалась бомба...» А здесь и без этого вполне неплохо вышло.

Нет, никто не вскочил, чтобы, роняя табуретки, броситься в дальний угол. Не повылазили из скрытых щелей закопченные стволы пулеметов, и в распахнувшиеся двери не ворвались лихие молодчики с саблями наголо. Обошлось и без театральных эффектов.

Шумнее запыхтел позади дубиноносец, и, побледнев, слегка отодвинулся назад вертлявый. Только Вопросающий плотнее сжал губы, и его взор метнулся по сторонам.

— Это... смелое заявление...

— Возможно.

Вертлявый, наконец, оправляется от шока и делает жест рукой.

Пыхтение позади меня прекращается, верзила делает глубокий вдох... и табурет, на котором я сидел, раскалывается на части.

А нехилый, однако, замах!

Только вот меня на табурете уже нет.

Дубиноносец растерянно оглядывается по сторонам. Пропажу разыскивает?

— Эй, парень! — хлопаю его по плечу.

Ноги здоровяка подламываются.

Дубинка глухо стучает об пол, и грузное тело мешком оседает на обломки мебели.

— Чегой-то он у вас такой нервный? Да пугливый? — интересуюсь я у собеседников. — И на чем я теперь сидеть буду, по его милости?

Парочка не отвечает, оторопело разглядывая своего телохранителя. Совершенно белое лицо и враз побелевшие кисти рук. Неприятное и жутковатое зрелище. Адепт смотрит на мой клинок — он в ножнах, никто его и не трогал. Но покойник всем своим видом говорит о том, что его ткнули именно Рунным клинком!

— Что, присесть мне не предложат? Невежливо... Ну-ка, любезный, привстань-ка... — протягиваю я руку к вертлявому. — И на ногах постоишь, чай, не барон...

Взвизгнув и оттолкнув-таки ногой табурет, он вскакивает. В его руке непонятно откуда появляется приличных размеров кинжал. Где ж он его прятал, ухарь эдакий?

Взмах рукой...

Не, это даже не смешно.

Понятное дело, искусству ножевого боя их тут никто всерьез не обучал. А чтобы ткнуть клиента за-

точкой или ножом под ребро в трактирной драке, таковое и не надобно вовсе. Но, раздери тебя собаки, все-таки не на собрата-алконавта прыгаешь?! Надо к лорду хоть какое-то почтение проявлять!

Ситуация проста, как мычание.

Классическая «курума-кайеши» (так называл этот прием сэнсэй у нас в школе каскадеров) — и кинжал блестящей рыбкой улетает в дальний угол.

Проследив его полет заинтересованным взглядом, Вопрошающий поворачивает голову назад...

— ...чтобы увидеть, как его напарник кулем оседает на пол. Точно в таком же виде, как и верзила-дубиноносец за минуту до этого.

— Ну, вот, теперь хоть присесть есть куда, — довольно говорю я, пододвигая к себе освободившийся табурет.

Мой оппонент ошарашенно смотрит на два хладных тела, лежащих около стола.

— Э-э-э...

— Да, кстати, у меня что-то настроение повысилось! Даже пить меньше хочу! — с интересом оглядывая стол, продолжаю свой неторопливый монолог. Именно так, ибо оппонент пока в шоке. Не считать же за членораздельную речь его невразумительное мычание?

И в самом деле! Есть от чего охренеть. Ногами-руками я эту парочку не метелил, горло не перегрызал и кадыки не вырывал. Клинок — вот он, в ножнах. Как объяснить для себя столь жуткую и быструю смерть этих бедолаг — адепту до сих пор непонятно.

— А.. почему...

— ...они такие бледные? — понимающе киваю я. — Так просто же все! Кровь стечет — и вы таким же будете, не сомневайтесь! Да и любой другой человек — тоже.

— Но... Куда же она стекла? На полу ничего нет!

Вместо ответа щелкаю себя по горлу пальцем. Прямо как завзятый алкаш.

— Рунный клинок выпивает кровь жертвы! Не знали?

— Так то — клинок!

— Хозяин тоже. Правда, не сразу.

— Но вы его не вытаскивали.

— И не надо. Спустя некоторое время хозяин клинка может убивать, не пользуясь своим оружием. Точно так же, как и клинком. Только вот кровь попадает... ну, вы уже, наверное, догадались, куда?

Вопрошающий медленно кивает. Надо отдать должное, мужик быстро в себя приходит. Оно и неплохо, а то черт его знает, что со страху-то наворотил бы. Вот и хорошо, теперь с ним хоть разговаривать можно.

Вообще-то говоря, сумбур у него в голове сейчас должен быть нехилый. Какие бы Средние века ни стояли сейчас на дворе, даже вера в колдунов и чудеса — тоже должна иметь какой-то предел. Вот лежат перед ним два покойника. Немаленькие мужички. Один — так и вовсе здоровяк. Абсолютно обескровленные. То есть как минимум полведра крови куда-то из них делось. В случае с Рунным клинком все ясно — он ее выпивает. Каким образом — дело десятое, но в этом никто не сомневается. Однако сейчас клинок мирно висит у меня на бедре и в разборке участия не принимает. Так что перед Вопрошающим во весь рост встают два вопроса.

Вопрос первый — как были убиты оба мужика? Не клинком — это ясно. Но чем и как? Синяков и оторванных рук-ног не наблюдается. Да и драки никакой тоже не было.

Вопрос второй — куда делась кровь?

Ответ на них лежит вроде бы на поверхности. Их убил Серый, он же и кровь выпил. Тем паче, что я это сам и подтверждаю.

Но поверить в такие сказки?

Ладно, для всего ордена Серый — это исчадие ада, жуткий убивец и вообще запредельный злодей. Колдовство его не берет, яды, как они теперь знают, тоже. А вот является ли колдуном он сам?

Неизвестно. Церковь, во всяком случае, на этот счет не возникает. Стало быть, у них таких данных нет.

А у ордена? Что могут знать его тайные руководители о своем извечном противнике? О таких внезапно возникших у него способностях?

С одной стороны — тут ничего невероятного нет. Хозяин т а к о г о оружия априори должен быть человеком необычным. Но насколько необычным?

С другой стороны — эдаких слухов про Серых я не слышал. И никто из моего окружения тоже про подобные штуки не рассказывал. Значит ли это, что таковыми качествами Серые не обладают?

Не факт...

А мужик молчит. Еще не совсем в себя пришел? Ладно, надо брать быка за рога. Покуда он этими самыми рогами махать не стал. Мне-то данный товарищ живой нужен. Во всяком случае — пока.

— Ну, что? Долго молчать будете?

— Зачем вы пришли?

— Здрасьте! А кто про флаг на башне говорил? На встречу набивался? Я, что ли, вас разыскивать начал?

На лице адепта появляется осмысленное выражение. Слава богу, очухался!

— Но... наши братья не вернулись.

— Какие-такие братья? Откуда не вернулись?

— Из замка.

— Ну, а я-то здесь при чем? Мало ли кому они на хвост успели еще наступить? Или здесь вся округа лобызает их в обе щеки?

— А откуда вы знаете про харчевню?

— Мне подбросили письмо. Самым подлым образом положили его на стол в моем кабинете! Вообще-то — это наглость!

— Но... в письме был другой текст.

— А я и не говорил, что письмо было одно! В первом написали про флаг, а вот во втором — про харчевню и какую-то рыбу.

— Как погибли наши братья?

— Какие? Те, что решили по мне пострелять? Странный вопрос. Так же как и эти, — киваю на трупы на полу. — Очень, кстати говоря, вовремя. У меня уже стал наступать голод.

— Вы что — пьете кровь убитых?!

— Я что — так похож на сумасшедшего? Нет, конечно. Но... она куда-то пропадает из тел. Хотя, не скрою, сил это мне прибавляет. И настроение улучшается.

— И что же, — в глазах собеседника проявляется интерес, — вы так можете... каждого?

— Не знаю. Пока что никому отбиться не удалось.

— Как же это происходит?

— А вам зачем? Лишние познания умножают скорбь! Меньше знаешь — крепче спишь! Вы меня для чего искали? Диспут ученый вести? Так это не по адресу!

Мужик с силой трет руками щеки.

— Да. Конечно... У нас к вам было предложение.

— Было?

— Многое изменилось... и...

— Понятно. Ну, раз пошла такая пьянка... тогда предложение есть у меня.

— И каково же оно?

— Как вы думаете, моих способностей достаточно, чтобы сровнять замок с землей? Так, чтобы и камня на камне там не осталось?

В глазах у собеседника я вижу только удивление и ничего более. Так.. об истинной ценности замка он не знает. Надо думать, такими сведениями обладает только узкий круг допущенных лиц.

— А... зачем?

То есть сам факт возможного разрушения он уже признал. Отлично.

— Да просто так! Из врожденной вредности и злобности. Вы ж его зачем-то хотели? Так вот — хрен вам на воротник! Целуйтесь с развалинами! А я вам всем сделаю ручкой! Вы что ж, думали — ваше войско здесь встретят по всем канонам военной науки? Щас! Когда это такое было, чтобы Серые действовали по общепринятым правилам?

Не знаю, есть тут такая наука или нет, но впечатление на адепта мои слова производят.

— Вы... хотите уйти?

— А что меня тут держит? Власть? Не смешите... у меня ее и так — выше крыши! Ткните мне пальцем в того, кто рискнет м н е противоречить! Нет такого? И не будет!

— Но... ваши люди...

— На новом месте будут другие. К сильному человеку всегда собираются последователи. Убью еще кого-нибудь, захвачу очередной замок...

— Жена.

Я презрительно фыркаю. Мирна, маленький мой котенок, простишь ли ты меня за такую ложь? Пусть и перед лицом врага, пусть и во благо... но все равно, мне как-то не по себе. Морда моя, надо полагать, при этих мыслях перекосилась, что только добавило весу произнесенным словам.

— Хм... Но... что же вам тогда надо?

— Вообще-то это я должен у вас спросить. Ну, ладно. Вы ничем мне помочь не можете, — с этими словами я встаю с табурета. — Полюбуйтесь на замок еще денек, и, если вам так нравится его вид, запомните его хорошенько. Через два дня я отряхну со своих рук пыль от его развалин...

— А... если мы вернемся к идее переговоров?

— Поздно, милейший! Раньше надо было думать!

Отпихиваю в сторону табурет и направляюсь к двери. Уже на пороге оборачиваюсь и выпускаю парфянскую стрелу:

— Имейте в виду, мы хорошо осведомлены о движении вашей армии. И не пытайтесь опередить, вы все равно не сумеете помешать моим действиям. Колдунов такого масштаба у ордена просто нет. Не говоря уж о том, что найти меня вы не сумеете, я уйду незамеченным. Так что, когда ваши войска дойдут до начала гряды холмов — стены замка рухнут под своей тяжестью, и весь он станет громадной кучей битого камня. Ха! Было бы интересно посмотреть на то, как ваши иерархи выслушают такую весть! Увы... как-нибудь и без этой радости переживу...

Прикрываю за своей спиной дверь.

Коридор пуст... не совсем. В его конце вскакивает с лавки проводник. Ага, вот и он. Ну, и славно. Надо же обещание выполнять...

— Иди-ка сюда... — делаю я повелительный жест рукой.

Он послушно подходит поближе.

— Где твои спутники?

— Вон там, — показывает он рукой.

— За той дверью, что ли?

— Ну да. Нам позволено отдохнуть...

— Пойдем. Проводите меня до дому.

Проводник послушно кивает и поворачивается спиной...

Осторожно придерживаю обмякшее тело и, стараясь не шуметь, опускаю его на пол. А дверь-то наружу открывается! Вот телом-то и привалим, пускай мой обалдевший собеседник тут подольше посидит, поволнуется.

Открыв указанную проводником дверь, недовольным взглядом обвожу собравшихся. Их трое. Двое сидят к двери спиной, меня не видят, и поэтому на ноги вскакивает только один.

— Тихо вы! — подношу палец к губам. — Допивайте свое вино и собирайтесь! Проводите меня...

Начавшие было вставать остальные двое стрелков расслабляются.

— Давайте-давайте! Только не очень там затягивайте... — похлопываю я их по плечам.

При этом движении ткань моих рукавов снова прорезают тонкие острия арбалетных наконечников. Ведь они сделаны из того же металла, что и Рунный клинок. Прочный металл, поэтому и наконечники не столь массивные. Тонкие и острые — почти как иглы. Оттого и не представляет для них серьезного препятствия толстая ткань. Ни на рукавах... ни, что сейчас важнее, на куртках арбалетчиков. Вот с чем пришлось голову поломать — так это с тем, каким макаром закрепить наконечники на запястьях, наподо-

бие браслетов наших металлистов. Это ж не заклепки какие-то — каждый наконечник в длину сантиметра по три! Пришлось и куртку надевать несколько непривычную — с широкими, висящими мешком рукавами. Хорошо, что здесь такие присутствуют, а то выглядел бы грозный Серый рыцарь уличным шутом. Зато ничего не видно. Правда, дырки будут на рукавах... да и хрен бы с ними, мне в этой одежде долго не щеголять. А вот эффект от такого укола — буквально сногсшибательный! Все равно что клинком ткнуть — кирдык наступает мгновенно! И крови тоже не остается. Наконечники «выпивают» ее так же быстро и эффективно, как и клинок. Нечего сказать, хороший подарочек достался от моего предшественника. Явно мужик был дальновидный!

Два тела оседают на лавке. Увидевший это третий стрелок отскакивает к стене. С грохотом падает на пол сбитая лавка. Арбалеты стоят у стены, и достать их нереально. Арбалетчик это понимает и оттого в ту сторону даже и не глядит. Вместо этого он опускает руку к поясу. Что там у него? Кинжал? Неоригинально, лучше бы он меня пивной кружкой приглубил — ей-богу, эффект вышел бы сильнее. Тем паче, она у него в руке была. А так... только время потерял. Мне-то оружие доставать не нужно. Руки — вот они! Готов...

Задержавшись в дверях, окидываю картину всеобщего разорения. Жуть... Три обескровленных тела, да в коридоре один... по идее, у меня сейчас приход начаться должен. Хотя кто их, этих Серых, знает... когда там у них такое состояние наступает? Лично я, например, не знаю. Может, его и вовсе не бывает?

И снова мы на военном совете. Времени в обрез, оттого обходимся без долгих вступлений.

— Брат Манрике! Чем порадуете?

— Э-э-э... а я должен чем-то вас обрадовать? — удивленно поднимает брови старый монах.

— Блин! Извините! — поправляюсь я. — Как продвигаются ваши изыскания?

— Нам удалось установить, что обряд создания Шерна не доведен до конца совсем немного.

— А поподробнее? Видите ли, пока не создан третий шар, где-то ожидает своей очереди еще один. И мы не можем быть уверены в том, что орден не пустит его в ход.

— М-м-м... если мы доставим в святилище тот шар, что у нас имеется... процесс можно ускорить... и в этом случае останутся только эти три шара. Шар же, что хранится у ордена, утратит свою силу.

— Ваше преосвященство! — поворачиваюсь к Эрлиху. — Это — уже ваша епархия!

— Завтра же он будет здесь.

— Так он что, все время был рядом?! — Я ошарашенно качаю головой. — Ну, вы, ваше преосвященство, и дадите... не ожидал...

— Мы предполагали... брат Иан высказал такую мысль еще раньше. И, как теперь это ясно, не ошибся.

— Так! Ладно, после драки мечами не машут. Брат Манрике, вы сможете...

Блин! А к а к он сможет?! Там же еще жертвы приносить нужно!

— Да, сын мой. Мы нашли... способ. Ты получишь все три шара. Они будут рядом, и, стало быть, четвертый шар потеряет свои свойства гарантированно. Так указано в документах ордена — уцелеть может только тот шар, что находится ближе к месту проведения обряда. А все имеющиеся у нас шары будут лежать рядом — ближе некуда.

- Хорошо... Барон!
- Да, милорд?
- Всем жителям укрыться в домах! Городов и деревень не покидать! Кого увижу — лично башку отверну!
- Будет исполнено, милорд.
- Держать наготове посыльных! Связь — как уговорились.
- Слушаюсь, милорд.
- Вопросы есть? Нет? За работу, товарищи дорогие!

Все встают и выходят из комнаты. Только оба епископа задерживаются в дверях.

— Сын мой... — Гройнен медленно выговаривает слова.

Блин, а ведь он уже совсем старый дед! А тут на него столько навалилось! Нет у меня совести, совсем старика загонял...

- Слушаю вас, ваше преосвященство.
- Ты... уверен в том, что...
- Поступаю правильно? Не совсем. А у вас есть иные предложения?
- Ты что-то не сказал нам...
- Не сказал. И не скажу. Ибо то, что знают двое — знает и свинья! И у стен есть уши, ваше преосвященство. Я должен быть а б с о л ю т н о уверен в том, что ни одна живая душа не сможет выдать мой замысел.
- Ты... в ком-то сомневаешься?
- Нет. Но, ваше преосвященство, положи руку на сердце, вы у в е р е н ы в том, что сможете улучшить мой замысел? Вы воюете с орденом уже множество лет — и так и не отыскали способ его уничтожения.
- А ты? Отыскал его?

— Хочется думать, что да. Все люди одинаковы, ваше преосвященство. Хоть здесь, хоть у меня дома. Мерзавец всегда мыслит похожим образом. И неважно, что у него на плечах — сутана ордена или костюм от Версаче. Помыслы негодяев во многом одинаковы — они судят всех людей по себе.

Попы даже не спрашивают у меня, что это за костюм такой, не до того.

— Мы... мы будем с тобой рядом.

— До определенного момента, ваше преосвященство. А то вы мне всю малину обломаете.

— Что?

— Да не обращайтесь вы внимания! Это так.. вырвалось ненароком. Ваше преосвященство, — поворачиваюсь я к старику. — У меня есть просьба лично к вам!

— Слушаю тебя, сын мой.

— Вы должны увезти отсюда Мирну. Как можно скорее и как можно дальше. Ее время скоро подойдет. И... я не хочу рисковать.

— Хорошо. Но как я ей все объясню?

— Это попробую сделать я. Но, ваше преосвященство, вы мне поможете!

— Мы увезем ее в Барский монастырь. Он неприступен, многолюден, и Мирне будет оказана там вся возможная помощь.

Теперь мне осталось самое трудное...

— Ты хочешь, чтобы мы уехали? — Сероглазка печально смотрит на меня. — Не хочешь увидеть первым своего сына?

— Хочу! Но также я очень хочу, чтобы его не увидел еще кто-нибудь... чьи помыслы при этом будут не столь возвышенны.

— Ты же будешь рядом!

— Увы, мой котенок.. не всегда. Армия ордена на подходе.

— Но замок неприступен!

— Против горцев. А эти... они знают здесь каждую дыру! Я не могу рисковать вами! Как можно идти в бой, постоянно оглядываясь назад?

— Какой же ты врун... — Она проводит тонкими пальцами по моей щеке. — Так и не научился меня обманывать?

— Почему врун? Ваши жизни для меня дороже своей собственной!

— Это так, — кивает она. — И я это знаю. Но неужели ты можешь думать о том, что и твоя жизнь для меня менее ценна? Не оборачиваясь назад... может быть, ты и прав. Но... я всегда смогу тебя прикрыть! Только для этого мне нужно быть рядом!

— А кто прикроет его? — кладу руку на живот сероглазки. — Сможешь прикрыть нас обоих?

Ее плечи обвисают.

— Нет... я всего лишь неопытная целительница... мне не под силу такие вещи...

Осторожно притягиваю хрупкое тело к себе и нежно поглаживаю Мирну по выющимся волосам. Она перестала их подстригать, отчего теперь выглядит куда более привлекательной.

— Малышка моя, но куда же я без вас? И двух дней провести без тебя уже не могу! Думаешь, мне легко? Словно руку отрезаю!

Сероглазка молчит, только рукав моей рубашки отчего-то вдруг намокает. Ну, и что я теперь ей скажу?

За окном начал проступать рассвет, и в замке потихоньку началось оживление. Только тогда она отпустила мою руку.

— Мы будем тебя ждать. Оба. И ты придешь. Обещай мне, что никогда нас не покинешь!

— Куда ж я без вас? Я был одинок в этом мире и без тебя давно бы уже свернул где-нибудь шею. А ты — ты мой якорь под этим небом. Куда бы я ни шел, какая бы дорога ни лежала под моими ногами... этот путь всегда приведет меня к тебе. Ты только жди...

Маленький отряд, сопровождающий носилки, уже скрылся за холмом. А я все стоял на башне, наблюдая за дорогой, по которой они ушли. Вот и еще одна страница перевернулась. Новый день, новые заботы... но мои руки все еще хранят ее тепло. И рукав рубашки тоже пока не просох. А на подушке в спальне остался след... след от лежавшей там сероглазки. Пусть остается и далее, я не буду трогать эту подушку. Вроде бы Мирна только что вышла, и через мгновение я услышу за стеной перестук ее сапожек. Так хочется в это верить!

Чуть слышно скрипнул песок на ступенях. Поворачиваюсь назад, бросая руку на клинок. Не к добру это... что-то стал я слишком подозрителен.

— Собрался воевать? — Лексли с прищуром смотрит на меня.

— Ты и впрямь как кот! Так тихо подошел...

— С кем поведешься... Не спал?

— Да... как-то так...

— Понятно. Только что прибыл гонец — полковник Мааре просит аудиенции.

— Чегой-то он... вчера же должен был приехать?

— Армия ордена остановилась на границе графства.

Спускаемся вниз. Полковник рассказывает по двору замка, взглядом профессионала разглядывая стены и башни.

— Добрый день, полковник! Рад вас видеть! — приветствую его.

— Мое почтение, милорд! Я вижу, что вы готовитесь к обороне?

— Ваши глаза не обманывают. Готовимся. Перекусить с дороги не желаете?

— Увы, милорд... тороплюсь, времени мало.

Отходим с ним в сторону и поднимаемся по лестнице на боевую площадку.

— А вас вчера ожидали, барон! Что-то задержало?

— Молчашие... их армия остановилась на границе графства. Мы пока не понимаем, чем это вызвано.

— Ну... — развожу руками, — а я — и подавно.

— Вы обдумали мое предложение, милорд?

— Обдумал.

— Каково же будет решение?

— Стены видите? Дальше объяснять надо?

— Преклоняюсь перед вашей храбростью... но... вы же понимаете, что долго здесь вам не выстоять.

— Посмотрим, барон, посмотрим... А что в данном случае будете делать вы? В смысле — армия? Стоять на месте и ждать?

— У нас приказ...

— Полковник, а вот скажите мне, с какой скоростью могут подойти ваши войска к столице?

— От границ графства?

— Да.

— Ну... десять дней.

— А войска герцога Ламара будут там уже через три дня!

Мааре вдруг бледнеет. Его рука судорожно вцепляется в перевязь.

— Не ожидали, барон? А вы что думали? Мол, живем в лесу, молимся колесу... новостей не знаем... Учтите, я всегда знаю больше, чем это может показаться на первый взгляд!

— Но... милорд! Я... все мы...

— Ни сном, ни духом про то не ведали? Так вы хотите сказать? Теперь — знаете. И что? Ваши действия?

— Но если мы отведем войска... ваше графство ничто уже не спасет!

— А королевство? Да и не стоит кривить душой, полковник! Графство уже списали, как и всех его обитателей. Хоть себе-то не лгите! Можно подумать, вы вошли бы сюда, для защиты городов, до того как пал замок? Ведь так?

— Так..

— Тогда какого рожна, барон, вам еще надобно? Выполняйте свой долг перед всей страной, уж коли не можете защитить отдельных ее жителей!

— Но вы подписываете себе смертный приговор, милорд! И всем своим людям!

— Это, полковник, еще бабушка надвое сказала. Стены замка не падут за один день.

Мааре молчит. Его рука теребит перевязь меча. Краем глаза замечаю, что парочка Котов со взведенными арбалетами застыла на стене за спиною полковника. Он их не видит. А вообще, для того чтобы напасть сейчас на меня, позиция очень удачная. Со двора это место не просматривается, а на стене, где сейчас стоят Коты, в момент нашего прихода сюда было пусто. Так что, если у него есть какие-то злодейские замыслы — лучше времени не найти.

Давай, барон, решайся! Пора уже сделать выбор — с кем ты? Интриги — они в мирное время хороши!

Главным движением он вытаскивает меч. Коты на стене вскидывают арбалеты, но я слегка покачиваю рукой из стороны в сторону — не стрелять!

Лязгнув, ложится на камни площадки клинок.

— Прошу простить меня, милорд! Мы... мы были не правы.

— Принимаю ваши извинения, полковник! — наклоняюсь и, подняв оружие, протягиваю его владельцу. — Оно еще послужит вам.

— Но, милорд, нас мало, и я просто не успею убедить остальных командиров, чтобы они ударили в спину войскам ордена. Держать проходы — это мы можем, там хорошие позиции, но атаковать... наших сил для этого недостаточно.

— Не надо их держать, барон... Возвращайтесь в столицу и предотвратите войну. Герцог не двинет свои войска, зная о том, что гарнизоны столицы и приграничных крепостей усилены. Затяжная война ему неинтересна.

Мааре убирает меч в ножны. Расслабившиеся Коты опускают свое оружие. И вообще кладут арбалеты на пол, так чтобы их не было видно с площадки.

— Спасибо, милорд! Но... как же вы?!

— А вот это — уже моя забота, барон. И не волнуйтесь на эту тему. Удара в спину со стороны ордена и горцев — не будет. Мы уж постараемся... Да и в крепостях, запирающих проходы, тоже ведь есть свои войска?

Он какое-то время медлит. Коротко кивает и, повернувшись, быстро сбегает по лестнице вниз. Через несколько минут его конвой, нахлестывая лошадей, вырывается из-под арки крепостных ворот. Ну, что ж, если он сумеет уговорить остальных командиров,

если они примут такое же решение... если... если... то герцог имеет все шансы на этот раз остаться с носом. А ведь выстраивание подобной конструкции ему влетело в нехилые бабки! Большинство войск Ламара — наемники. Им положено платить, независимо от удач и неудач герцога! Но шансов запустить лапу в королевскую казну у него теперь не будет. Стало быть, хитроумного герцога ожидают не самые лучшие времена. Одно дело — взять штурмом столицу с ее не очень большим гарнизоном. И совсем другая песня — штурмовать кавалерией стены, защищаемые приличным войском. Вот тут преимущество Ламара в кавалерии сыграло с ним дурную шутку!

Сколько он еще прождет на границе известий? Допустим, что они будут неблагоприятными для него. И что тогда делать? Оптимально (да и для казны выгоднее) распустить войска и сделать вид, что ничего такого не было. Тем паче что и Церковь к тому времени нажмет на кое-какие рычажки... В таком разе у герцога есть шанс «сохранить лицо». В теории и еще разок попробовать можно (ну, это он так думает...). А если ума не хватит? Положить не менее трети войска, штурмуя только приграничные крепости? С чем же тогда столицу брать? Облом-с... Только вот хорошую мину сделать уже не выйдет... Так и прослывет захватчиком. В принципе это дело житейское, таким прозвищем тут кого-либо напутать трудно. При одном условии — если захват пройдет удачно. Тогда — все спишут. Но шансов на удачу теперь будет немного. А прослыть неудачником? Хм... вряд ли это будет ему по душе. Тут уже и цена найма солдат вырастет очень даже прилично... а денег-то и не будет. Орден святого Вайта больше не даст, а своих финансов может не хватить.

Ладно, в конечном итоге теперь это уже не мои проблемы. На повестке дня стоит другая, более важ-

ная для нас задача. Двенадцать тысяч орденских воинов — не комар чихнул! Да еще и горы... До победы можем и не дожить...

Спускаясь вниз, встречаю Эрлиха. Он несколько раздосадован тем, что не успел поговорить по душам с полковником. Тут уж я виноват, неча было его так торопить. Но что ж теперь поделаешь... Подробно пересказываю епископу содержание нашего разговора. Тот только головой качает.

— Откуда у тебя, сын мой, такие познания в... э-э-э... интриганстве?

— Да и у нас, ваше преосвященство, таких деятелей в истории хватало. Врагов своих лбами сталкивали — треск на полмира стоял! Те еще мастера-интриганы были. Даже и в Церкви!

— Не может быть!

— Еще как может! Кстати, один из них, помимо того, что в жизни герцогом был, так в Церкви еще и кардиналом стал! Арман-Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, вот!

Эрлих задумчиво поджимает губы.

— Кардиналом... да, и здесь тоже были такие люди... немного. И только во время тяжелых бед и испытаний. Ты же помнишь, сын мой, что почти все высшие иерархи Церкви в прошлом — бывшие военные?

— А то ж! У нас бы так! А сейчас? Нет таких?

— Нет. Уже лет пятьдесят не возникала необходимость в избрании кардинала. Видишь ли, не знаю, как у вас, но наш кардинал всегда вел в бой войско. Сам. И Церковь, и миряне — все они сражались в этих случаях рядом. Оттого и немногие из кардиналов смогли прожить долгую жизнь. Бывало и так, что сей титул получался уже посмертно.

— Надо же! Прямо как у нас, в Китае. Только там это делалось для того, чтобы потомок его (который,

как правило, этот титул и присваивал) с большим основанием мог претендовать на трон. Правда, трон этот он к тому моменту уже обычно занимал... Зато, согласитесь, одно дело, когда на троне сидит сын графа, и совсем другое — сын герцога. Звучит!

— Ну, в нашей истории таких примеров я не знаю. Кардинал здесь — скорее военачальник, нежели иерарх Церкви. Он даже не отправляет церковную службу. Ими у нас становились обычно крупные военачальники, много сделавшие в деле борьбы с общими врагами народа и Церкви.

— Ладно, ваше преосвященство, бог с ними, с кардиналами. Тем паче что живых их сейчас нет, и помощи оттуда ждать не приходится. Давайте-ка лучше о наших делах переговорим.

А вот разговор вышел тяжелым... раскрыть свои замыслы до конца я не мог. Просто потому, что не вполне представлял себе реакцию окружающих. Да, откровенно говоря, и сам-то еще не до конца все продумал. Так... больше по наитию поступал. Хотя, как знать, обычно интуиция меня не подводила. Вот и вышло так, что не удовлетворенные невнятными объяснениями соратники мои сейчас больше походили на взъерошенных котов. Разгоряченные, недовольные и сердитые. Ну, что ж тут поделать? Положа руку на сердце, я и представить себе не могу, как среагируют они на некоторые мои новации. Еретиком, надеюсь, не объявят, но вот помогать... точно не станут. И их понять можно. Не видел еще здешний мир таких вот выкрутасов. Гройнена я, похоже, обидел всерьез. Какое-то время мне казалось, что присутствующие сейчас плюнут, повернутся и уйдут, оставив меня наедине с задуманными планами. Удерживает их только то, что никакого другого варианта, кроме как доверять мне слепо, нет вообще.

Помощь пришла с совершенно неожиданной стороны.

— Сын мой... — внезапно подал голос брат Манрике. — Могу ли я попросить тебя ответить мне на пару вопросов?

— Конечно, святой отец.

Он встает с места и неожиданно сильной рукой берет меня за плечо. Делает повелительный жест, и оба епископа вдруг замолкают, снова опустившись в свои кресла. Ученый монах отводит меня в сторону:

— То, что я хочу у тебя спросить, не предназначено для чужих ушей.

— Но здесь все свои!

— Я знаю, сын мой, что говорю. Не перебивай меня.

Еще никогда старый монах не говорил таким тоном. В его голосе я слышу властность и уверенность.

— Хорошо, святой отец. Слушаю вас.

— Правильно ли я понял, что ты хочешь пойти к ордену в одиночку?

— Да.

— Ты хорошо отдаешь себе отчет в том, что с этого момента не только твоя жизнь, но и жизни огромного количества людей повисают на волоске?

— Да.

— И ты готов на это?

— Есть другие варианты, святой отец? Так назовите их!

— Дай мне твою руку.

Протягиваю ему правую руку. Он берет ее и кладет мне на лоб раскрытую ладонь.

— Закрой глаза. Что ты сейчас видишь?

— Ничего... искры какие-то. Мирна! Ее вижу. Монашки рядом с нею, двое. Одна что-то в руках держит, точно не рассмотреть. У второй в руках клинок, на

мой похож. Двух солдат с мечами — они стоят около дверей. Песок какой-то... камни громоздятся... Дом горит, позади него горы стоят. Подземелье вижу, то самое, в котором лаборатория. Барон стоит, какую-то бумагу мне протягивает... все. Больше ничего не вижу.

Он отпускает мою руку и убирает ладонь со лба.

Поворачивается к епископам и делает приглашающий жест. Что-то шепчет им на уши. Плечи старого епископа вздрагивают, и он оборачивается ко мне. Приоткрывает рот...

— Не сейчас... — тихо говорит ученый монах.

Вернувшись на место, присаживаюсь в кресло. Епископы и монах тоже занимают свои места. Некоторое время все молчат, никто не решается нарушить тишину.

— Сын мой, — это Эрлих, — ты тверд в своем решении? Ничего не хочешь изменить?

— Нет. Не хочу.

— Тогда... — Он встает. — От лица церкви говорю! Мы поддерживаем тебя! И все, что тебе будет угодно сделать!

Глядя на него, поднимаются и все остальные. Покусывающий губы Лексли, сумрачный Лэн... оба ученых монаха... даже оба спецмонаха, сидевших около двери, сейчас поднимаются на ноги. Все они наклоняют головы, подтверждая слова епископа. Спасибо, ребята! Вот теперь можно и воевать!

А поутру меня будит посыльный:

— Милорд! Около замка стоят переговорщики!

Поднимаюсь на стену.

Действительно, напротив ворот вижу небольшую кучку всадников — человек шесть. Ничем особенным

они не выделяются, и только наличие белого флага над группой дает понять, что это не простые путники.

— Проводите их во двор.

Но все они в замок не вошли. Трое всадников осталось на месте, предусмотрительно отодвинувшись подальше, туда, где их не достанут крепостные арбалеты. Ну, а чего мы ждали? Эти парни столько времени шастали по замку и наверняка изучили все его сильные и слабые места. А уж на какое расстояние бьют стационарные арбалеты, знают совершенно точно. И ненавязчиво это демонстрируют.

Внизу, около ворот, парламентаров уже ожидает группа Котов. На стене маячат арбалетчики. Спускаюсь вниз и я.

Кони у визитеров крепкие и ухоженные. Да и сами они, одетые в добротные доспехи, совсем не напоминают кучку наркоманов. Хотя, надо думать, иерархи ордена не послали бы в качестве парламентаров каких-нибудь доходяг.

— С чем пожаловали? — спрашивает у старшего визитера Лексли.

— Нам надо видеть вашего лорда, — спокойно отвечает тот.

Крепкий, плотно сложенный мужик. Доспехи сидят на нем как вторая кожа. Движения скупые и точные. Явно цену себе знает и особо не комплексует. Наверняка ведь уже и арбалетчиков над воротами срисовал, да и встречающих оценить успел. Это не крикливые и шумные горцы — тут за спиной сила стоит. И парламентар это понимает. Оттого и так спокоен.

— Хорошо, — киваю я, подходя ближе. — Ты его увидел. Что дальше?

Мужик окидывает меня оценивающим взглядом. Надо полагать, увиденная картина его удовлетворила, потому что он, спешившись, коротко кланяется. Уважает!

— Милорд, наши предводители хотят с вами переговорить.

— Когда и где?

— Назначайте место.

— Вон там, — показываю я рукой на стену, — посередине реки, есть небольшой островок. Там и общаемся. Сколько их будет?

— На встречу придут три человека. Прошу вас, милорд, чтобы число ваших спутников было бы таким же.

— Принимается. Когда?

— Завтра в полдень.

— Договорились. Вам нужно что-нибудь с дороги?

— Благодарю, милорд, у нас все с собой.

Он снова коротко кланяется и запрыгивает в седло.

Грохочут открываемые ворота, и парламентареры покидают замок.

— Ну, — поворачиваюсь к Коту, — что скажешь?

— Это опытные воины. Могу поспорить, что за их плечами не один год службы.

— И это — адепты ордена?

— Судя по одежде и вооружению — наемники.

— И они служат Молчащим?

— Это скрольские наемники. Жители островов. Они и сами по себе — язычники, им наши взаимоотношения безразличны. Орден для них — обычный наниматель. Но слово свое эти парни держать умеют. Так что перекупить их не выйдет.

— А как они в бою?

— Неплохо. И даже очень. С горцами их сравнивать я бы и не стал. Скрольцы одинаково хорошо воюют конными и пешими. И стрелки они изрядные. Если у ордена есть хотя бы пара тысяч таких бойцов... осада будет трудной. Для нас.

— Ты думаешь, они смогут быстро залезть на стены?

— Конечно, нет. Но штурм организуют по всем правилам. Спешить не станут, но дело свое они знают хорошо и ударят основательно.

— Хм... что ни день — новая роль... что ж мы про этих ухорезов раньше не слышали? Сами бы и наняли.

— Их не любит Церковь. И не поощряет, когда их кто-то призывает под свои знамена. Они совершенно равнодушны ко всему, что не касается их самих. Могут сжечь деревню только для того, чтобы пожарить на этом огне мясо. Своя деревня или чужая — им все равно. Крестьян и горожан они вообще за людей не считают. По их понятиям, если мужчина не воин, то он недостоин того, чтобы на него обращали внимание.

— Знакомо. И у нас такие были. Викингами звались. Значит, орден их нанял... А это как, дорого?

— Прилично. Причем все деньги они берут вперед.

— Да уж, таким парням палец в рот не клади... А как ты определил, что они с островов? Доспехи у них самые обыкновенные, да и оружие такое же.

— Не совсем так. Может быть, ты не заметил, но у каждого из них по два метательных ножа. Это неотъемлемая часть вооружения любого скрольского наемника. Кроме того, они заплетают волосы в косички, и из-под шлемов они видны.

- Надо же, а я этих мелочей даже и не заметил.
- Да и я тоже не заметил бы, если бы раньше не сталкивался с ними.

Продолжая разговаривать, мы идем по двору. Солнце уже встало, и наступило время завтрака. Так непривычно было сегодня просыпаться одному... Обычно к моменту открывания мною глаз рядом с кроватью всегда стояло что-нибудь вкусненькое: или кусок свежее испеченного пирога, или как-то по-особенному сделанный бутерброд с ветчиной — так что на завтрак как-то даже и не тянуло. А теперь фигушки, не все коту масленица. Привыкай питаться из общего котла.

Остаток дня проходит уже в привычных хлопотах. К вечеру я вышел проводить старого епископа. Непонятно с какого бодуна, но он вдруг срочно собрался куда-то ехать. И, глядя вслед отъезжающему кортежу старого священника, я вдруг ощутил какую-то легкую грусть. Сложный он был мужик, и не во всех вопросах мы с ним находили общий язык сразу. А вот отъезжает он — и как-то грустно мне становится. Что ни говори, а привыкнуть я к нему успел. Что греха таить — ощущая за спиной его незримую поддержку и мощный авторитет, мне было проще вести разговоры со многими местными жителями.

— Ну, и где наши гости? — нахмурившийся Лексли окидывает взглядом берег реки. — Не вижу никого.

— У них есть еще какое-то время. Не забывай, это нам ехать близко да по своей земле. А у них путь долгий, и друзей вокруг не так уж и много.

Что касается друзей, то здесь я могу быть абсолютно спокоен. Многодневное путешествие снабженных кольцами монахов по округе позволило нам с мак-

симально возможной вероятностью установить всех адептов ордена, которые засели на подступах к замку. А после этого с выявленными начали происходить какие-то странные случайности: то ногу подвернет на крутом склоне, то на лестнице вдруг оступится. Кое-кто вином опился по неразумению. Так и не осталось в округе ни одного орденского соглядатая. Нет, какие-то завербованные люди у них, безусловно, уцелели. Но ведь завербованному и вера уже совсем другая: не свой — купленный. Стало быть, достоверной информации о происходящем в замке у противника сейчас нет. И это только играет нам на руку.

Надо отдать должное иерархам ордена, на встречу они прибыли почти вовремя. Учитывая неблизкий путь, который им пришлось проделать, можно сказать, и вовсе не опоздали. Из леса не торопясь выехала группа всадников, человек десять. Основная их часть осталась на месте, а к реке направилось только трое.

— Ну, вот и гости пожаловали.

Трогаю коня и направляю его навстречу визитерам. Чуть подотстав от меня, следуют два Кота со взведенными арбалетами. Наши кони легко преодолевают неширокую в этом месте реку, и мы выезжаем на островок. Почти одновременно с нами на противоположный берег выбираютя и трое гостей.

— Вы прибыли вовремя, — киваю я, приветствуя подъезжающих.

— Мы не опаздываем.

— Не скажу, что я очень рад вас видеть, хотя, думаю, что и вы ко мне особо теплых чувств не испытываете.

— Это так, — отвечает тот из них, что стоит справа.

На них широкие плащи с капюшонами. Лиц почти не видно, и только по голосу я могу понять, что пе-

редо мной человек приблизительно сорока—сорока пяти лет. Кисти его рук, держащие поводья, совершенно не напоминают руки затворника. Крепкие и мускулистые — это, скорее, руки воина.

— Могу ли я узнать ваши имена? А то как-то некрасиво выходит: мое имя вы знаете, а я о ваших и догадываться не могу.

— У иерархов ордена нет своих имен.

— Как же мне тогда вас называть?

— Я первый из Решающих. Этот, — кивок в сторону ближайшего, — Память ордена. А третий из нас — Совесть ордена.

Ничего себе, троица подобралась! Что ж мне, их так и звать Памятью и Совестью?

— Кто из вас будет вести переговоры со мной?

— Я, — отвечает Решающий. — Что ты хочешь от нас?

— Неправильный вопрос. Это вы чего-то хотели от меня, когда прислали своих парламентаров.

— Кого?

— Переговорщиков. Зачем вам нужен замок?

— Не только он. Ты захватил еще золото, которое тебе не принадлежит.

— А вот про него советую забыть! Про замок-то мы еще можем поговорить, а где ты слышал, чтобы Серый рыцарь отдавал золото, попавшее в его руки?

— Никто, однако же, не слышал и о том, чтобы в руки Серых попадало так много золота.

— Считайте, что вам повезло: вы первые, кто об этом узнал. Будет что потомкам рассказать.

— Ты пожалеешь об этом.

— Если я буду жалеть обо всем, о чем, по мнению окружающих, я должен пожалеть, то мне ни на что другое просто времени не останется. Короча! Забыли про золото! За замок я еще согласен разговаривать, а

если договоримся, тогда можно будет и к «золотому» вопросу вернуться.

— Ты согласен вернуть наше золото?

— Я так похож на дурака? Разумеется, я ничего не собираюсь возвращать. Но могу подсказать, где можно добыть его еще. И в достаточно приличном количестве.

— Отчего же ты сам его не взял?

— А мне хватит. Ну, так что — будем говорить?

Мои собеседники переглядываются. Их капюшоны наклоняются друг к другу, и они о чем-то тихо переговариваются.

— Хорошо, — произносит Решающий. — Я готов тебя выслушать. Нам действительно нужен замок, и мы не хотим, чтобы ты его разрушал. Что ты хочешь за это?

— Заметь, я не спрашиваю, зачем он вам нужен! Цени мою откровенность!

— Учту. Итак — орден слушает тебя.

— Отлично. Как я в курсе — меня вы не любите. Так?

— Это ты еще мягко сказал! — удивляется мой собеседник.

— Рад, что между нами нет никаких недоговорок. Так вот — вы, наверное, в курсе того, что никто из нас не появляется в вашем мире просто так? У каждого из нас есть своя цель, к которой мы все и стремимся.

— Да. Мы об этом знаем.

— А то, что эти цели могут быть разными?

Иерархи переглядываются. Наклоняют друг к другу головы. Я даже разговор их слышу, только вот ничего понять не могу. Ну, надо думать, они для своих переговоров используют какой-то особый, неизвестный мне язык. Мало того, так я еще и не слышу

толком ничего. А вот, кстати! Поворачиваюсь в седле, словно устраиваясь поудобнее. При этом локоть руки касается рукоятки Рунного клинка.

— ...мы не можем.

— Но ведь ему чего-то от нас нужно?

— Не сказал бы. Серый держится абсолютно раскованно. Такое впечатление, что ему на все наплевать.

— Да ну? И на свою жизнь тоже?

— Они и так долго не живут. Он не может об этом не знать.

— Все меняется, у этого появились новые, ранее им не присущие способности. Никто из них до этого не женился на местных девушках. Это тоже впервые.

— Возможно, мы данных способностей просто не замечали? Или, что вернее, некому было об этом рассказать?

— Время! У нас его очень мало! Не забывайте — наемники потребуют оплаты! И уже скоро!

— Ладно! Что мы теряем? Спросим у него, а там будет видно.

Вот лопух я эдакий! Что б мне раньше-то своим оружием не воспользоваться? Глядишь — больше знал бы сейчас! Ладно... что есть — то есть.

— Хорошо, — поворачивает ко мне голову Решающий. — Какова же твоя цель?

— Мне надо отомстить. Не вам, на этот раз. У меня есть для этого другой человек.

— Человек? Один человек?

— А что тут такого удивительного? Он — наш давний недруг и сбежал сюда из нашего мира. Я послан, чтобы его убить.

— Так отчего же он до сих пор жив?

— До него трудно добраться.

— И ты хочешь, чтобы это сделали мы? Какая в том выгода ордену?

— А замок вам уже не нужен?

Иерархи снова переглядываются. На этот раз — молча.

— Кто этот несчастный?

— Мне нужна голова Одноглазого.

— Вождя горцев?!

— Да. Вас это пугает?

— Ничто не может напугать орден.

— Да и кроме того... про золото помните?

— И где его взять?

— У него и возьмете. Там хватает...

Мой собеседник некоторое время молчит. Потом поднимает голову, и из-под капюшона на меня устремляется внимательный взгляд. Я впервые вижу лицо собеседника.

— Ты не все нам сказал...

— Не все. Но для первого раза — вполне достаточно.

— Какие у нас гарантии того, что ты исполнишь свою часть договора?

— А что, были случаи, когда Серые не держали своего слова?

— Были. Чем ты можешь гарантировать выполнение своего обещания?

— Я пойду с вами. Гарнизоны башен вас иначе не пропустят. Вместе пойдём — вместе и вернёмся. Кстати, не стоит обольщать себя надеждой тихонько зарезать меня во сне. Нет, сделать это вы можете, не спору. Но вот войти в замок без меня... Впрочем, можете попробовать.

— Я тебе не верю.

— Какое совпадение! Почему-то и у меня нет полной веры твоим словам. Однако же ничего другого вам предложить не могу.

— Если все так обстоит и дело только в мести... зачем тебе наши деньги?

— А как иначе уговорить вас? Да и моим войскам тоже платить нужно... Кто-то же должен охранять замок, пока меня не будет?

— Ты хочешь с нами идти... Но ведь горцы — воинственный народ! Тебя могут убить...

— Постарайтесь, чтобы этого не произошло. Если меня убьют, стены и башни замка рухнут, едва в него войдет хоть один человек. Я имею в виду кого-то нового, кроме тех, что уже находятся в замке.

— Хочешь, чтобы мы воевали с горцами? Мы друзья!

— Да ладно... Они с вами торгуют — и все! Торгащей можно найти новых. Да и что такого особенного могут предложить эти крикливые зазнайки?

— Возможно, что у них действительно есть что-то, что может представлять интерес для ордена.

— Угу. И они дерут с вас втридорога за этот товар.

— Ты знаешь?!

— Допустим. Это, в конце концов, ваше дело. Меня же интересует только их главарь.

— Но... для того, чтобы выполнить твою просьбу...

Ага! Ключуло! Жадность, помноженная на страх потерять замок, дает ожидаемый эффект.

— ...нам придется убить многих окружающих его людей.

— И что? Сил, что ли, у вас недостаточно? Помочь?

— Но не все они будут воинами.

Пожимаю плечами, выражая тем самым глубочайшее равнодушие.

— А вам-то с этого какая печаль? Раз кто-то мешает... чего с ним разговоры разговаривать?

— Да, — кивает мой собеседник, — узнаю Серого... чужие жизни для тебя — ничто.

Ох, кто бы разглагольствовал о милосердии и сострадании! Поющий серенады крокодил — и тот бы выглядел сейчас более естественно. Но в данной ситуации лопухнуться я не могу. Вы считаете меня ищадием ада, безжалостным и жестоким убийцей? Так? Тогда — получите подтверждение! И в этом случае все ваши знания о Серых рыцарях будут однозначно играть на меня. Орден сам поставил себя в такое положение, культивируя в мозгах адептов легенду о жестоком сером чудовище, что никакой иной реакции быть просто не может. Полагая себя меньшими негодьями, чем Серый, они однозначно обязаны приписывать мне такие качества, которые на их фоне выглядели бы совсем уж запредельными злодействами. Уж казалось бы — куда ж дальше-то? Однако, глядя на собеседника, понимаю — есть еще куда. Он, стервец, это совершенно отчетливо представляет.

— Можно подумать, что они значат что-то для вас? — ухмыляюсь я в ответ. — Да ладно вам... дурака-то валять... давайте уж, решайте, наконец. У меня обед скоро, жрать хочу, как голодный волк..

— Мы придем сюда послезавтра. А наше войско тем временем...

— Да пускай хоть сквозь землю провалится! Только вот к замку и городам лезть не надобно — обижусь всерьез! Это — моя корова, и я ее тут пасу!

— Какая корова? — не понимает собеседник.

— В смысле — моя земля! И люди, что на ней живут, — тоже мои. Особенно красивые девушки...

— Постоите, но вы же сами собирались сдать нам замок?

— Вот когда сдам... Тогда и лазьте, где хотите! А покудова — неча мне мешать! Ладно, хрен с вами, послезавтра — так послезавтра... давайте...

— Ну, как? — вопросительно смотрит на меня Лексли. — О чем договорились?

— Иерархи взяли два дня на размышление. А их армия обязуется за это время не уходить от границы.

— Ну... хоть пару дней. Все-таки больше крестьян успеют в леса уйти. И то хлеб!

— Посмотрим. Попробую сделать так, чтобы войска ордена вообще мимо прошли.

— Да ладно! Как это?

— Там видно будет...

Замковые ворота распахнулись, едва нас заметили часовые на башнях. Навстречу вырвалось около двух десятков всадников. Я хорошо различаю их взволнованные лица. Ясень пень, нас почти похоронили, ожидая от Молчащих какой-нибудь пакости. Да и мы, откровенно говоря, чего-то подобного ждали. Но... обошлось. На этот раз.

Расслабляться, однако, не следует: на той стороне тоже далеко не лохи заседают. И уж какую-нибудь каверзу они сумеют придумать — и к бабке не ходи! На нашей стороне пока что только стены замка. И время. Вот оно-то работает против ордена очень эффективно. Плюс деньги, точнее — их отсутствие у Молчащих. Тоже неслабая заноза в заднице у некоторых... гм-м-м... чрезмерно загребущих товарищей.

Бросаю поводья конюху и ловко спрыгиваю на землю. Ты гляди — получилось! Есть толк от тренировок! Так, глядишь, я скоро по-настоящему на лошади скакать начну. Как заправский кавалерист! Надо будет не забыть сказать спасибо Котам, что потратили на меня столько времени. Если еще и мечом выучусь по-настоящему работать — вообще крутым стану!

И снова — текучка. Отдать распоряжения коменданту. Пусть выдадут оружие добровольцам, пришедшим в замок из окрестных городов и деревень. Понятно, что эти идут в солдаты ненадолго, угроза отступит, а за нею и они... попросятся... Но упрекать их за такие мысли? Не знаю, как у кого, а у меня к ним, кроме уважения, никаких других чувств нет. Ведь могли же в лесах отсидеться? Да запросто! Однако, несмотря ни на что, — пришли сюда. Понимают, что шансов уцелеть ничтожно мало — но пришли же!

Приказываю, чтобы их накормили от пуза и не жмотничали. Вина надо выкатить. У вчерашних крестьян и так немного в жизни удовольствий, пусть хоть сейчас немного отвлекутся от грустных мыслей о грядущих тяжелых днях.

На очередном совещании довожу до всех итоги моих переговоров с орденом. Не бог весть какие успехи... но пока ничем другим похвастаться не могу.

Уже выходя во двор, спохватываюсь. А ведь брата Манрике сегодня не было! Видать, совсем погряз в своих изысканиях... даже про совещание забыл. Что ж он так? Старик ведь... нехорошо. Нельзя себя так перенапрягать. Да и спецмонахов сегодня не было, надо думать, он и их чем-то загрузил. Надо будет епископа утром потеревить на эту тему — пусть старик слегка поумерит свое рвение, так и до беды недалеко.

Вот и день к концу подошел. Вроде бы ничего особенно важного и тяжелого не было, но спать хочу...

Просто сил никаких нет! Решено — дела побоку и спим! Минут шестьсот... Оглянувшись по сторонам, со вздохом урезаю эту цифру вдвое — больше не дадут.

Проснувшись, какое-то время лежу на кровати и пытаюсь собрать воедино все свои растрепанные чувства. Как там сероглазка моя? Добраться до монастыря они еще не успели, тем паче что едут медленно и не особо торопясь. Хорошо ли ей в пути? Впрочем, рядом с ней монашки, они-то уж не зевают в случае чего. Да и сама Мирна, как-никак — целительница с приличным опытом. Так что поводов для волнения вроде бы и нет. А все равно — переживаю.

Ладно, пора вставать. Дела не ждут. Странно, что никто еще не стучит в мою дверь, оповещая об очередных проблемах.

Во дворе замка кипела повседневная суета. Усатые капралы гоняли новобранцев, объясняя им азы военного дела. В одном углу тренировали держать строй, в другом — показывали приемы защиты от меча. Слышны были отрывистые команды, звенело железо и топали ноги обучаемых.

Словом — все при деле, один я лодырничая. Ну, ничего, сейчас, только перекушу — и сызнава в ярмо.

Прихватив с собою пару импровизированных бутербродов, поднимаюсь наверх. Вхожу в нашу совещательную и оглядываюсь по сторонам.

Необычно тихо. Эрлих, какой-то весь насупившийся, молча сидит в кресле, перебирая рукою четки. Вижу обоих старших спецмонахов — они тоже какие-то смурные. В углу тихо сидит барон, а у амбразуры прислонился к стене Лексли. Чуть в сторонке от них

насупился хитропоп, тоже весь какой-то... не выпался, что ли?

Тишина, никаких разговоров не слышно. Да что тут произошло-то? Полаялись? Не похоже...

— Утра вам... Чего стряслось-то?

И снова все молчат. Наконец со своего места встает брат Рон и протягивает мне лист бумаги.

— Это вам, милорд...

Что за хрень такая? Королевский указ — «казнить нельзя помиловать»? Ультиматум от ордена? Да рано вроде бы...

«...Если ты читаешь эти строки, сын мой, — значит, наш эксперимент удался. Мы навеки погубили свою душу, а в твоих руках теперь самое страшное оружие этого мира. Увы, я ничего не могу подсказать, что с ним делать и как остановить распространение этого ужаса. Не знаю, услышит ли Бог мои молитвы, и имею ли я право взывать к нему теперь. Но кто кроме него сможет вложить в твою голову те знания, которыми мы не располагаем?

Скажу о том, чего мы еще не знали. Шар Шерна нельзя уничтожить. Будучи пропитанным ядом, он приобретает крепость алмаза. Шерн — не просто яд, нет! Это продукт смертельного ужаса и черной магии. Он может ждать своего часа очень долго, годы и десятилетия, не теряя своих свойств. Возможно, и больше, мы не знаем. Будучи использован единожды — он все еще опасен! Только когда от его губительных эманаций погибнут не менее тысячи человек, он частично утратит свою крепость и станет уязвим. Даже оружие Серых не в силах нанести ему до этого никакого ущерба. Мы пробовали... Мирна приносила в лабораторию Рунный клинок. Что можно сделать с этим

ужасом до того, как от него погибнут люди, никто не знает. Теперь — это твоя ноша.

Орден не имеет более запасов Шерна, это совершенно точно. До тех пор, пока в наших, а вернее, в твоих руках находятся все три шара — никто и никогда не сумеет получить ни единой порции этого яда. Для этого надо создать новое святилище, сто лет приносить там жертвы, проводить обряды. И даже после этого, пока не пустить в ход один из шаров — сделать следующий не выйдет. Вся сила Шерна отныне заключена в трех порциях. До тех пор, пока ее не выпустят наружу, силу эту просто неоткуда больше взять. Я не стану этого объяснять в письме, но, поверь мне, именно так все и обстоит. Все самое страшное зло этого мира сосредоточено в них — и только в них. Нигде в природе его больше не существует.

Прощай, сын мой. Прости старого епископа за то, что я не рассказал ничего этого раньше. Ты стал бы меня отговаривать... и мы просто не успели бы.

Не скажу ничего более, хотя и очень бы этого хотел. Я видел тогда... многое... хотя и не все успел понять и осмыслить до конца. Извини, но это твой путь, и ты должен пройти его сам...»

Осторожно кладу бумагу на стол.

— Где... — голос мой изменился настолько, что и сам его еле узнаю. — Где брат Манрике?!

— Внизу. В святилище ордена, — поворачивается ко мне брат Рон. — Вас проводить?

— Я сам...

Чуть не свернув себе шею на крутых ступенях, слетаю вниз. Лестница, еще одна... поворот... снова лестница...

Около дверей в лабораторию стоит сдвоенный пост Котов и спецмонахов. Увидев меня, отодвигают

тяжелые бревна, припирающие дверь в лабораторию, и приоткрывают ее. У лестницы вниз — еще один пост. Те же предосторожности.

Факел!

Тут светло, еще горят факелы в подставках, падает сверху свет.

Вниз!

На последнем столбе я вижу окровавленное тело. Спутанные седые волосы... брат Манрике?! А где второй научный монах? Еще один столб... вот и он.

Факел выпадает из моих рук и стучается об пол. Глухое эхо ходит по опустевшему помещению. Здесь, кроме обоих монахов, уже нет никаких других тел. Всех уже увезли и тайно похоронили.

Черт!

В бессильной злобе бью кулаком по основанию столба.

Почему?! Ну, почему он мне ничего не сказал?! Неужели из этой ситуации не было другого выхода?

Шорох в проходе!

Клинок сам собою прыгает ко мне в руку.

Кто там?!

Эрлих... враз постаревший, он спускается вниз по лестнице.

— Я один, сын мой.

— Зачем это было нужно, ваше преосвященство? Почему никто его не остановил?

— Остановить Манрике? Никто из нас не имел над ним власти.

— Ну, так я бы это сделал!

— Этого-то он и боялся... оттого ничего и не сказал.

— А как вы об этом узнали?

— Манрике оставил письмо для меня. Положил его на стол в башне вечером. А потом ушел сюда. Все

уже спали, и никто этого не видел. Часовой сказал, что после него никто наверх не поднимался. Тогда он письмо и оставил. А мы нашли его только утром. Бросились сюда...

— Что он сделал?

— Завершил обряд. Сначала... это был брат Иан. Потом... потом он произвел те же манипуляции над собою.

— Но, насколько я помню, смерть не должна была быть быстрой!

— Это справедливо для одного иницилирующего шара. А их тут было два. Поэтому все пошло гораздо быстрее... они не мучались долго.

Подхожу к центру помещения.

Постамент.

На нем блюдо, в углублении которого лежат три шипастых шарика. Вытаскиваю клинок.

Троекратное знакомое гудение — клинок почернел аж до рукоятки!

Все верно — передо мною лежит самое страшное оружие этого мира...

Ну вот, ты и получил в свои руки мегадубинку. Доволен? Отныне Серый — самый наикрутейший парень на деревне. Как там, в песне, пелось — «the best your kingdom and fifty miles the land around»? Лучший в нашем королевстве и на пятьдесят миль в округности. Пожалуй что, и существенно побольше... какие уж тут пятьдесят миль! Выйти перед строем ордена, показать пригоршню шариков — и вей из них веревки. При этом никакой Решающий мне поперек даже слова не гавкнет — свои же товарищи сотрут в порошок. Ибо у кого палка — тот и барин! Отвалить им с лордского плеча десяток бочек с наркотой, дать

денег наемникам — и в моих руках нерассуждающая, слепо преданная армия. Здравствуй, герцог дорогой, я тебя дождался! Только вот будет эта встреча для него очень даже нерадостной... Да и много еще кому может икнуться...

Да... перспектива...

А потом?

Вечной жизни мне никто не обещал, так что все очень скоро вернется на круги своя. Да и пахнет от такой вот идеи... словом, нехорошо пахнет. Воняет даже.

Нет.

Не будет Серого рыцаря во главе непобедимой армии.

А что же тогда будет?

Да все то же, что я и спланировал раньше.

Знать, не судьба герцогу (заодно с местным королем) пасть от моего клинка. Поживут еще... надеюсь, что не слишком долго.

Конечно, герцогский трон куда мягче и удобнее графского. Про королевский — вообще молчу, там, наверное, дрыхнуть хорошо... тепло и уютно. Но, увы, не светит мне такое удовольствие. И в постели отоплюсь. Там даже удобнее будет.

Оборачиваюсь.

Эрлих тоже присел на край ступени. Подпер голову рукою и смотрит на меня.

— Ваше преосвященство, — указываю рукою на тела обоих монахов. — Похоронить бы их... Понимаю, что на ближайшем кладбище рискованно: шпионы ордена могут заметить, вскроют могилы... Кто их знает, а вдруг сумеют как-то понять, отчего умерли они оба? Так, может быть, похороним их где-то в другом месте? Надеюсь — я о ч е н ь на это надеюсь, — ваше преосвященство, что Церковь не посчитает их

жуткими грешниками, недостойными погребения в освященной земле?

— Не скрою, — отвечает мне епископ, — такая мысль была.

— Была?

— Отец Варшани... он сказал, что для него было бы особой честью в этом случае быть похороненным даже на помойке — лишь бы рядом с их могилами. И его поддержали все. Обоих братьев похоронят на кладбище Барского монастыря — это великая честь! Не надо считать нас закоснелыми и закостенелыми догматиками, сын мой...

— А скажите, ваше преосвященство, брат Манрике — не простой монах? В письме он написал — епископ.

— Да. Он им являлся уже двадцать лет. Даже больше. Епископ Манрике возглавлял всех братьев, которые изучали уловки наших извечных противников. Они изучали мельчайшие детали обрядов и ритуалов врага, искали рецепты противоядий. Все целители Церкви подчинялись ему.

— Отчего ж его никто так не называл?

— Три его предшественника на этом посту пали от рук наемных убийц. Слишком многих не устраивает деятельность наших скромных тружеников. Особенно когда она направлена на искоренение колдовства и зельеварения. Ни для кого не секрет, что очень многие сильные мира сего с охотой прибегают к таким способам и средствам, дабы заполучить в свои руки еще немного власти. Поэтому он никому не раскрывал своего истинного звания. Вот так и дожил до...

Стук-стук-стук... Кто бы мне раньше сказал, что пивные кружки можно использовать таким странным образом? Оказывается — можно. В отличие от город-

ских харчевен в замке они металлические — из олова. И достаточно толстостенные, про дно вообще молчу. Вот сижу сейчас в лаборатории, около очага, и курочу на мелкие части уже третью. Сначала настрогал их клинком, потом нарубил эти стружки в мелкую лапшу. Мелкие кусочки бросаю в тигель — там уже поблескивает расплавленный металл. Ну, вот, третьей кружке амбец. Хватит материала для заливки? Должно, по идее. Поднимаю с пола четвертую кружку и ставлю ее в лохань с водой. Предварительно я уже обтесал с нее ручку и все прочие ненужные финтифлюшки. По высоте слегка подрезал — слишком высокая мне ни к чему. Снаружи молотком набил часть обыкновенного наруча от доспеха — кружка загнана в стальную оболочку. Так, теперь туда расплавленного олова плеснем... отлично, начало застывать. Дно не расплавилось, и стенки выдержали. Берем шипастый шарик и опускаем его в застывающий металл. Манрике сказал, что шар разрушить невозможно. Интересно, расплавленное олово ему не повредит? Нет, епископ свое дело знал хорошо — шар только чуть-чуть потемнел. Провожу над кружкой клинком — чисто, никаких испарений он не фиксирует. Добре! Еще олова плеснем... хорошо, первый шар скрылся. Отставляю в сторону первую заготовку и берусь за вторую.

Через час передо мною на полу лежат три корявые металлические болванки. В каждую из них заплавлено по одному шару Шерна. Ничего более надежного для предотвращения соприкосновения этой отравы с окружающей средой я придумать не смог. По крайней мере, олово в ближайшие сто лет уж точно не проржавеет и не окислится. Сильных морозов здесь не бывает, так что и «оловянной чумы», способной разрушить эти болванки, мне опасаться не нужно.

Перевожу дух. Так... теперь перчатки долой — а то уже все руки вспотели. Новая порция кружек...

По завершении всего этого процесса в моем распоряжении оказалось шесть почти одинаковых болванок. В какую из них я запрятал шары с ядом, теперь даже и самому сказать было затруднительно. А уж кому-нибудь постороннему — и вовсе нереально.

Из замка я выехал один. Свернув вправо от ворот, направляю коня в сторону холмов. Хорошо, что ехать не особенно далеко, они подступают к замку почти вплотную.

Через час я уже карабкался по крутому склону. Лошадь тут не пройдет, и никак иначе сюда уже не залезть — только так, враскорячку. Этот холм состоит из самых обыкновенных булыганов. Не самый я большой специалист в геологии, но похоже, что никаких ценных минералов или руды в таких камнях еще никому отыскать не удалось. Раз так, то и шансов на то, что этот холм вдруг кто-то станет раскапывать или разрабатывать, ничтожно мало. А переться в такую даль за камнями... это совсем из ума выжить надо. Где-то по пути канули в глубокие расщелины несколько болванок. Пожалуй, и сам не сумею отыскать места, куда они укатились. Все как-то на ходу происходило, между делом... ориентиров никаких... бардак, одним словом. Никакой системы. Сверху еще камней спихнул... такие неслабые осыпухи вышли. Уж под пару сотен килограмм на каждую болванку навалил, это по самым скромным прикидкам. Цементом бы еще залить... ну, уж это — из разряда фантастики. Где я его здесь возьму? Да и без помощников в таком деле не обойтись — а это лишние глаза. И языки, которые можно впоследствии развязать. Нет уж, луч-

ше я в одиночку. Зато без посторонних глаз и ушей. Хочешь что-нибудь сделать правильно — делай сам! Только делать в этом случае все надо без спешки и аккуратно. И следов не оставлять.

Поэтому я и отозвал в замок все секреты и патрули. наших солдат за стенами теперь нет. Стало быть, любой встречный — враг. И судьба его ожидает... соответствующая...

Но нет никого поблизости. Ничья голова не вылезает из ближайших кустов. Ничья лошадь не стучит копытами вниз. Глухое тут место, и никакого интереса для окружающих оно не представляет. Пройдут года, обрушатся стены замка, полетят в высоту воздушные корабли, а эти безлюдные холмы так и останутся стоять. Нет здесь ничего, что было бы интересно для человека. Дорогу тут прокладывать некуда. разве что бульжников набирать? Так этого добра и в более доступных местах навалом. Не представляю себе, что должно произойти, чтобы сюда приперлась хоть одна живая душа.

Наверное, можно было бы запрятать эти жуткие «подарки» и как-то по-другому. Но только вот как? Ныкать их где-то в замке? Я не могу исключать того, что дюже любопытные потомки могут разобрать его по камешку, чтобы отыскать мои ухоронки. Зачем? Да просто из научного интереса. Мало ли, какая шальная мысль может вскочить в не отягощенную излишними мыслями голову какого-нибудь очумелого ученого! Атомную-то бомбу у нас тоже собрали не из горячей любви к человечеству. А чем Шерн хуже? Да и, кроме того, не надо недооценивать орден. Все может пойти не так, как я планирую. И исключать то, что в один прекрасный момент меня могут вздернуть на дыбу хмурые мастера заплечных дел, тоже нельзя. Не льщу себе надеждой, что я проявлю в этом случае невидан-

ную стойкость и нечувствительность к пыткам. Даже если каким-то путем из меня и выдерут сведения о местонахождении этой отравы, то я и представить не могу, сколько же потребуется времени, чтобы отыскать в этих холмах кусок металла величиной чуток побольше кулака. При самых благоприятных условиях на это уйдет совершенно непредсказуемое количество времени. А уж сколько сил на это затратить придется... даже теоретически представить не берусь. Годы и годы!

Уже темнело, когда мой конь подошел к воротам замка. Со стены меня заметили издали, поэтому ворота распахнулись заранее.

Отдаю поводья встречающему солдату и топаю в сторону башни. Аппетит разыгрался совершенно зверский, кажется, корову бы съел. Поднимаюсь наверх. В нашей совещательной комнате нахожу только Лексли и одного из спецмонахов. Меня быстро вводят в курс дела. Ничего экстраординарного не произошло. Подошло еще несколько десятков добровольцев. Их сейчас разместили в казарме. Поутру распределят по взводам. Подвезли еще какое-то количество продовольствия.

Словом, все идет своим чередом. Посыльных от ордена не было. Собственно говоря, я и не думал, что они приедут именно сегодня. Они попросили на размышление два дня, и сегодня этот срок истекает. Стало быть, будем ждать гостей завтра поутру. Вот тогда и посмотрим, какие здравые мысли могут зарождаться в головах этих мрачных мужиков.

Прощаюсь со всеми и, завернув на кухню, в темпе перекусываю. А вот теперь уже можно и спать. Ничего более продуктивного и интересного я сегодня уже точно не совершу.

— Смотри! — говорит мне Лексли. — Они все-таки пришли.

По дороге медленно движется войско. В первых рядах поблескивают копья кавалеристов. Их довольно много. Во всяком случае, конца колонны я еще не вижу. Да... Не шибко веселое зрелище! Интересно, до чего же все-таки додумались иерархи? Неужто они хотят бросить своих солдат на штурм замка? Не самый, в общем-то, хреновый вариант. По крайней мере, они не кинулись разорять окрестные города и села. Хотя не вижу причин, отчего бы им не сделать это и после.

Но до замка войско не доходит. Колонна сворачивает в сторону и останавливается. От нее отделяются несколько всадников и неторопливо направляются в нашу сторону. Над одним из них на ветру болтается белая тряпка. Надо полагать, парламентареры. За моей спиной слышу топот сапог по лестнице: вниз побежал кто-то из Котов.

Вижу, как из ворот выезжают несколько солдат и направляются к парламентарам. Короткий разговор. Наши солдаты разворачиваются и возвращаются в замок. Ну, что ж, пора и нам вниз. Послушаем, какие новости сообщили наши гости.

— Они прибыли за вами, милорд. Их предводитель сказал, что будет вас ждать.

Ну, раз так — не надо быть слишком уж невежливым. Как там в одном хорошем кино говорилось: требует — примем!

Застоявшийся конь обрадованно выскакивает из-под темной арки воротного прохода. Позади слышу топот копыт — это мой конвой.

А вот и гости дорогие. Сидят в седлах, такое впечатление, что и не люди вовсе. Не слышно слов, всад-

ники практически недвижимы. Только иногда шевельнется рука, сдерживая лошадь.

— Утро вам, гости дорогие! Чем порадуете?

Один из всадников сбрасывает капюшон. Это мой прошлый собеседник — Решающий.

— Ты не передумал?

— С какого рожна?

— Мы обсудили твои слова. В твоем предложении есть что-то непонятное, но мы готовы его принять. Готов ли ты поклясться тем, что тебе свято, что ты откроешь перед нами ворота замка?

— Добро. Это все?

— Нет. Ты должен будешь вывести отсюда все войска. Замок должен быть пуст.

— Что еще?

— Ты войдешь в ворота вместе с нами.

— Войду.

— И не постарайся причинить никакого вреда нашим людям, в то время как будешь вместе с нами.

— Ты имеешь в виду наш поход в горы?

— Да.

— Со своей стороны готов это обещать. Но говорить от лица горцев, как ты понимаешь, я не могу. Надеюсь, понятно, почему?

— Да, я это понимаю.

— А все остальные? У них такого недопонимания не возникнет?

— Я говорю от лица ордена. Любой из иерархов может дать клятву от лица ордена, и все остальные ее выполнят.

— Хорошие у вас порядки!

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я готов принести клятву на своем оружии. Как ты знаешь, оно убивает всякого, кто не искренен в своих словах. Такая клятва тебя устроит?

Решающий поворачивается к своим спутникам. Они медленно наклоняют головы, выражая свое согласие.

— Да, такая клятва нас устроит.

— Со своей стороны ты тоже принесешь клятву.

— В чем?

— Вы не будете причинять вреда моим людям, обитателям моего графства и не попытаетесь причинить вред мне самому. Я имею в виду в то время, когда мы будем вместе в горах. Готов ли ты поклясться от лица ордена?

— Готов.

— И какова же будет эта клятва? Просто из интереса спрашиваю. Я же не знаю, что для вас свято?

Решающий кивает.

— Ты это увидишь.

Откуда-то из своих одежек он достает темный бронзовый браслет. Жестом подзывает к себе одного из всадников. Тот подъезжает.

— Дай мне твою руку.

Всадник протягивает левую руку. Решающий защелкивает на ней браслет.

— Поклянись мне, что ты не коснешься своими ногами земли ранее, чем зайдет солнце.

— Клянусь, Верховный! Пусть меня постигнет тяжкая смерть, если я нарушу свое обещание!

Иерарх кивает.

— Клятва принята.

И в ту же секунду стоявший позади подъехавшего всадник коротким ударом сбивает поклявшегося с коня. Тот не успевает ничего сделать и кубарем слетает вниз. Естественно, земли он ногами касается. Впрочем, не только ногами. Плечами, руками, да и вообще всем телом. Сознание, однако, при этом не теряет. Вскочив, прыгает в сторону лошади.

Но, увы... Допрыгнуть до нее ему не удастся. Я слышу громкий щелчок — и тело прыгуна еще в воздухе изгибает судорога. Он падает и бьется на земле. Его рука — та, на которой браслет, — стремительно чернеет. Какой-то скрежет... Зубы, что ли у него так скрипят? Да, похоже на то. Не простой, однако, на него браслетик надели. Вижу, как опадает его тело. Такое впечатление, что браслет просто выпивает его всего. Жуткая штучка!

Секунда-другая — и все кончено.

— Тебе достаточно? — невозмутимо спрашивает Решающий.

— Лихо это у вас, — качаю я головой. — И не жалко своих-то?

Вместо ответа мой собеседник поворачивается к тому всаднику, который спихнул с седла своего собрата.

— Во славу ордена, брат!

— Во славу! — кивает тот. Вытаскивает из ножен на поясе кинжал и неторопливым движением перерезает себе горло.

Второй труп валится на землю.

— Теперь ты понял? — поворачивается ко мне иерарх, — Ничто не может остановить любого из нас на пути его служения высшей цели.

Нечего сказать, впечатляющая демонстрация! Что бы такого придумать, дабы и все остальные повторили бы сей самоотверженный поступок? Увы, настолько моя фантазия и изобретательность не простираются. А жаль...

— Добро, — невозмутимо отвечаю я.

Вытаскиваю из ножен Рунный клинок.

— Клянусь, что не причиню вреда никому из моих спутников, кои отправятся со мною в горы. Приму все возможные меры к тому, чтобы наше совместное

предприятие закончилось успехом. Клянусь также и в том, что вернусь сюда вместе со всеми, кто останется, и войду вместе с ними в замок. Клятва сия будет иметь силу только в том случае, доколе и спутники мои будут исполнять обещанное ими. Так тебя устроит? — поворачиваюсь к собеседнику.

— Да. Это устроит нас. Целуй свой клинок.

Поверхность клинка чуть шероховата. Странно, а на вид он кажется совершенно гладким, почти полированным. Наверное, это какой-то обман зрения. Убираю клинок в ножны.

— Твоя очередь!

Мой собеседник спрыгивает на землю. Наклоняясь к труп, снимает с его руки браслет. Засучивает рукав почти до плеча, демонстрируя мне мускулистую руку. Щелкивает на ней браслет. Странное дело, но мне кажется, что тот даже в размере изменился. У предыдущего браслетоносителя рука была существенно толще в запястье. По идее, на руке Решающего браслет должен был болтаться свободно. Ан фигушки! Он сидит на ней словно влитой. Опять какие-то колдовские штучки? Бросаю взгляд на Лексли и вижу, как он потирает левую руку. На ней у Кота надето кольцо, реагирующее на магию. Так, опять я лопухнулся: свое кольцо не надел! Точно: колдовские штучки.

— Я, Первый Решающий, клянусь в том, что никто из нас ни мыслями, ни действием не причинит вреда Серому рыцарю, доколе он будет вести нас к своей цели. Клянусь умышленно не причинять вреда никому из жителей графства. Мы будем оберегать и защищать Серого рыцаря, куда он не приведет нас к воротам замка для того, чтобы мы все вошли внутрь вместе с ним. Да постигнет меня и моих братьев тяжкая и позорная смерть, если мы не сдержим свою клятву!

Спутники Решающего поднимают свои левые руки и защелкивают на них такие же темные браслеты.

— Мы ждем тебя завтра.

— Утром. Позавтракаю — и двигаемся.

В замок мы возвращаемся молча.

— Я надеюсь, ты хорошо знаешь, что делаешь! — говорит мне Кот. — Не буду спрашивать тебя более подробно. Как ты уже сам говорил, что знают двое — знает и свинья. Но скажи мне только одно: другого выхода... нет?

— Если бы он был...

Лексли молча кивает.

— А что я скажу...

— Мирне? Расскажешь ей то, что видел. Надеюсь, ты будешь сопровождать меня все это время?

— Ты что ж, полагал, тебя отпустят в одиночку? Оптимист... Даже и не мечтай. Ты же на ровном месте себе ногу подвернешь! Даже и на лошади до сих пор сидишь, как собака на заборе! Ладно хоть мечом махать более-менее научился.

— Ну, ты меня и обрадовал! Я-то думал, хоть чего-то достичь успел.

— Не обольщайся. До любого из нас тебе как до границы ползком. Гонять тебя нужно каждый день по нескольку часов!

Вот и верь после этого людям... А я уж было губы раскатал. Хотя насчет лошади Лексли прав: хреновый из меня пока наездник. Надеюсь, что хотя бы в случае с мечом Кот слегка сгущает краски. Не может же быть, чтобы я был настолько безнадежным.

С другой стороны, его понять можно. Отпустить меня одного в компании далеко не самых дружелюбных спутников, да при этом еще в полную неизвест-

ность, он просто не может. Вот и ищет предлог для того, чтобы быть рядом. Ведь понимает же, что шансов на возврат не то чтобы живым — а даже относительно целым (в смысле — с руками-ногами) практически нет. Если что-то произойдет со мной, то и самому Лексли — смерть. И далеко не такая быстрая. И уж совсем не легкая. Но отказать Коту в этом праве я тоже не могу. Ну, что ж, буду думать за двоих. Если, конечно, выйдет...

Весь вечер мы провели в подготовке. Разрабатывали различные варианты связи и условных сигналов. С наступлением темноты с замковой стены спустили гонца. Уже второго. Первый отъехал открыто, ничуть не таясь. Бог его знает, какие мысли могут быть у ордена. Не то чтобы я опасался открытого противодействия Молчащих, но всякое может быть. Но передать приказ гарнизонам башен было необходимо.

За нашими спинами гулко бухают ворота, скрипит, поднимаясь, мост. Все. Замок отрезал себя от внешнего мира. Теперь, пока мы не вернемся, никто уже не покинет его стен. Отъехав не более километра, вижу, как на пригорке, совершенно не скрываясь, стоят несколько всадников. Понятно: патруль Молчащих. Присматривают за замком в мое отсутствие. Ну, что ж, таких действий наши совместные договоренности не запрещают. Пусть смотрят, сколько им влезет. Ничего особенно интересного для себя они не увидят.

Метров через пятьсот из леса неторопливо выезжает небольшой отряд. Ехавший во главе его всадник поднимает руку. Надо полагать, сопровождение прибыло. Вот и отлично, быстрее до лагеря доберемся.

Войско уже на ногах и готово к выступлению.

И было оно весьма немаленьким. Одних только скрольских наемников я насчитал почти пять тысяч. Тем паче что сделать это было достаточно легко: они строились совершенно одинаковыми колоннами по пять человек в шеренге. В глубину это построение насчитывало сотню всадников. И всего таких колонн было десять штук. Итого — пять тысяч или около этого. Достаточно серьезная сила. Одеты наемники были почти однообразно, особых вольностей в этом я не заметил. Учитывая информацию, которую сообщил про них Лексли, к данным товарищам следовало отнестись со всей серьезностью.

Конница собственно ордена оказалась относительно немногочисленной, тысяча человек, не более. Разумеется, они были не так хорошо организованы и вооружены, как наемники, но, учитывая их совершеннейшее презрение к смерти, легким противником эти парни точно не являлись.

А вот пехота ордена представляла собой пеструю массу людей. Попадались отряды, вооруженные и экипированные, что называется, по последнему писку моды. Зато некоторые из пехотинцев напоминали деревенских парней, отправившихся на разборку в соседнюю деревню. Вооружение у них было самое разнообразное: копья, дубинки, кое у кого мечи. Щитов не заметил почти ни у кого. Чем уж это было вызвано — бог весть. Вот уж наши лучники над ними покуражились бы!

Мой вчерашний собеседник ждал меня у первых рядов войска. Не сказав ни слова, он развернул коня и направился вперед. Догоняю его и выравниваю скорости наших коней.

— Что, так и пойдете? Даже не позавтракав?

— Ну и здоров же ты жрать! — возмущается он. — На солнце посмотри.

Задираю голову и разглядываю небесное светило.

— Да вроде целое пока. А что?

— Высоко оно стоит, вот что. Некогда разжираться. В дорогу пора.

— Так бы сразу и сказал...

Надо думать, перекус у войск был еще раньше.

Первый десяток километров мы прошли достаточно быстро. Даже пешая часть колонны топала относительно бодро. Интересно, они их подкармливают чем-то таким, что придает сил, или нет?

Привал колонна сделала только через четыре часа. Вообще, не хило мы протопали. Уж километров двадцать отмотали всяко. Ежели такими темпами и дальше пойдет, то до гор доберемся прямо-таки в рекордные по местным меркам сроки. Лишь бы мои гонцы успели.

Перекус много времени не занял. Ели в основном всухомятку. На кострах в темпе разогрели лишь воду, в которую засыпали какой-то коричневый порошок. Предлагали подобную выпивку и нам. Но тут уж мы обошлись собственными запасами. Черт их знает, чего они туда сыплют. Мы уж лучше по старинке, квасом перебьемся. Посмотрев на то, как бодро зашагали пешие, хлебнувшие коричневой бурды, лишней раз убеждаюсь в своей правоте. А ведь такими темпами их пехотинцев надолго не хватит. Ежели воина постоянно подкармливать какими-то бодрящими штуками, то ни к чему хорошему это точно не приведет. Рано или поздно организм исчерпает все свои внутренние резервы, и показушная бодрость обернется тяжким недомоганием. Плавали — знаем. Хотя, с другой стороны, пусть они кормят своих солдат чем хотят. Быстрее помрут — нам меньше работы будет.

К горам мы подошли на третий день. Дорога, вылившая между скал, вывела нас в узкое ущелье. Вот здесь я и увидел башни. Две каменные громадины угрюмо прилепились к скалам по обе стороны от прохода. Толстые мощные стены поднимались над землей метров на двадцать. Окрестные скалы были достаточно крутыми и, судя по всему, труднопроходимыми. На площадках башен поблескивал металл. Надо думать, что за толстые башенные стены сейчас попрятались все, кто только ни жил в округе. Скорее всего, это действительно было именно так, ибо все деревни, через которые мы проходили, носили следы поспешного бегства. Видно было, что собирались наспех. А это свидетельствовало о том, что, по крайней мере, один мой гонец до точки назначения добрался. Ну, что ж, это была, пожалуй, первая приятная новость за все время выхода.

С площадки одной из башен нам машут белым флагом. Появившийся на верху башни человек наклоняет длинный шест, указывая нам направление движения. Впрочем, это понятно и без него. Дорога здесь одна, и уйти с нее просто некуда.

Разумеется, со стороны башен по нам никто не стрелял. Длинная змея войска уже спрятала свою голову за поворотом, а хвост еще не показался из-за предыдущего. Эх, такие бы толпы, да на благое дело! Ну, на крайняк, можно было бы герцогу хавальник начистить... Мечты-мечты... Сплеываю на землю и пришпориваю коня. Хватит наслаждаться красотами природы, пора идти вперед.

Разумеется, в этот день мы всей дороги не прошли. И хотя сторожевые башни были расположены так, что могли обмениваться сигналами, это совершенно не означало того, что путь между ними был корот-

ким. Собственно, и пути-то почти не было. Некогда относительно широкая дорога здесь сузилась всего до нескольких метров. Так что скорость нашего передвижения существенно замедлилась.

Вот, наконец, и последняя группа башен. Три каменные громады расположились уступом, а узкая тропа проходит у их подножья. Рассмотрев дорогу повнимательнее, вижу на склонах гор вбитые колья и натянутые веревки. Надо полагать, там ждут своего часа рукотворные каменные осыпи. А вся тропа на протяжении почти километра легко перекрывается обстрелом из соседних башен. Эх, на каждую бы башню да по пулемету! Тут бы этот поход и закончился.

Стоящие на тропе ворота сейчас открыты, и колонна беспрепятственно проходит между их тяжелыми створками. Каким образом из башен ухитряются управлять этими сооружениями — ума не приложу. Судя по основательности построек, на возведение этих укреплений ушел далеко не один год.

— Как видишь, — говорю я Решающему, — я свое слово держу. Гарнизоны молчат и не проявляют никакой враждебности.

— Ничего удивительного, — пожимает он плечами, — мы же уходим, а не возвращаемся. Какой резон им стрелять по нам сейчас? Вот на обратной дороге...

— Ну, не надо быть таким пессимистом.

— Кем?

— Не надо видеть во всем только нехорошее.

— А ты ухитрился здесь что-то хорошее разглядеть? — удивленно хмыкает мой собеседник. — Ну-ну, продолжай в том же духе...

На этот раз мы заночевали уже на земле горцев. А незадолго перед сном я увидел, как в ночь ушли небольшие отряды наемников. Копыта своих лошадей

они обернули тряпками, так что со стороны их передвижение было практически неслышным. Понятно, разведка ушла. Ну, что ж, не завидую я тем, кого они встретят на своем пути. Скрольцам было совершенно по барабану, кому отрезать башку на этот раз. Горцы, горожане, монахи — они не видели никакой разницы.

Интересная получается ситуация. Горцы в упор не видят никого, кроме самих себя. Всех прочих почитают недочеловеками. Абсолютно аналогичное мировоззрение у наемников. Вот и посмотрим, что получится.

Получилось неплохо. Во всяком случае, для войска Молчащих. Первую деревню наемники вырезали под ноль без единого крика. Никто даже не успел схватиться за оружие. Несколько уцелевших скрольцы приволокли в лагерь.

Оповестивший об этом адепт ордена, специально приставленный к нам для связи, пригласил меня на допрос. Упускать такую возможность не следовало, поэтому я быстро собираюсь и топаю за ним следом.

Пленных трое. Надо полагать, особым красноречием никто из них не страдает, и поэтому два окровавленных тела, лежащие чуть в стороне, по-видимому, должны служить наглядной иллюстрацией к той участи, которая ожидает других неразговорчивых.

Спрыгиваю с коня и подхожу к кучке руководителей.

— Молчат? — спрашиваю, кивнув в сторону пленных.

— Пока... — односложно отвечает один из адептов. — Сейчас мы развяжем им языки.

— Но этим двоим, как я понимаю, развязать язык не удалось?

— Хочешь попробовать? — смотрит на меня собеседник. — Твое право. Эй, подведите сюда кого-нибудь из этих!

По его знаку наемники подтаскивают к нам коренастого бородача лет около тридцати.

— Ты меня знаешь? — поднимаю я рукой его голову. — Чего ты под ноги уставился? Там есть что-то интересное?

— Не знаю я тебя. И говорить не хочу. Хочешь убить? Так не тяни. Все мы готовы к смерти. По крайней мере, никто из вас тоже надолго не задержится в этих местах. Вход в наши земли один, но один отсюда и выход. Не хвались тем, что вошел незаметно. Попробуй еще уйти так же и унести с собой свою добычу!

— Не беспокойся. Надо будет — уйдем. Надо будет — вернемся. Ты не ответил на мой вопрос: знаешь ли ты, кто я такой?

— Не знаю. И знать не хочу. Не из наших, и этого мне достаточно.

— Я — Серый! — проникновенным голосом общаю я оппоненту. — Тебе ли не знать о том, какая судьба ждет каждого, кто вызовет мое неудовольствие!

Судя по всему, оппоненту про это известно. Дыхание его учащается, и он затравленно оглядывается по сторонам.

— Да... Я знаю про то, какая судьба ждет каждого, кто попадает в твои руки.

— Хочешь ли себе такой судьбы?

— Не хочу. Но... Даже Серый не убивает просто так.

— А кто сказал, что я собираюсь убить тебя просто так? Кто вообще сказал, что я пришел сюда для того, чтобы убить именно тебя?

— Зачем же вы здесь? Да ещё в таком количестве?

— Мне нужен ваш вождь. Одноглазый. Я хочу знать, где он.

Притягиваю к себе пленника.

— И еще я хочу знать, где он выращивает красные цветы, — это я говорю тихо, так что со стороны меня почти не слышат.

— У тебя с ним вражда?

— И с ним тоже. Я пришел сюда не только для того, чтобы убить Одноглазого. За каждый найденный мною красный цветок умрет один человек. Тот, кто окажется к нему ближе.

— А если этих цветков будет несколько, а в деревне ты найдешь только одного человека?

— Ничего, есть и другие деревни.

— Но люди, живущие там, могут и не иметь отношения к найденным тобою цветам.

— М н е все равно. Таков мой закон. Согласен ты с ним или нет — это ничего не меняет. Где Одноглазый?

— Ты врешь! Даже Серый не может быть настолько жесток.

— Подержите-ка его, — пихаю пленного конвоирам.

Подхожу к двоим оставшимся. Так, этот, похоже, уже не жилец. Уж и не знаю, чем таким его звезданули по спине, но, судя по кровавым пузырям на губах, обломки ребер пробили как минимум одно легкое. Его смерть — дело времени. Причем очень недолгого.

— Ну-ка, поднимите его!

Хрипящего пленника подтаскивают к кучке адептов. Те стоят молча, не вмешиваясь в наш разговор. Но при этом внимательно наблюдают за всем про-

исходящим. Разворачиваю первого пленника лицом к его товарищу.

— Хорошо его видишь?

— Да.

— Тогда смотри.

Похлопываю пленника по плечу.

Еще отправляясь сюда, я снова одел на запястья браслеты с арбалетными наконечниками. Поэтому мой жест приводит к уже знакомому результату. Безжизненное тело обвисает в руках конвоиров. Уж и не знаю, что ждет его на том свете, но, по крайней мере, смерть была быстрой. Смею надеяться, что и безболезненной. Мужик все равно находился в полусознании и вряд ли ощущал что-нибудь.

Конвоиры разжимают руки и отскакивают в стороны. Ага! Про эти таланты Серого вы еще не в курсе! Ничего-ничего: боится — значит, уважает. Так что с сегодняшнего дня вы меня будете вдвое больше уважать. А вот глядя на пленника, понимаю, что степень его ужаса зашкалила за все мыслимые и немыслимые пределы.

Так, клиент созрел. Будем давить, пока он от страха ничего не соображает.

— Ну? Где мне искать Одноглазого?

— Он там... — Рука пленного указывает в сторону гор. — Отсюда три дня пути. Но вам не дойти туда тихо. Наверняка уже все жители знают о вашем приближении. Вас встретят. И никто не уйдет назад.

— Там — это где именно?

— Это место называется долина Алай. Только там растут красные цветы, в других местах их почему-то не удастся вырастить. Да и те, кто пробовал это сделать, отчего-то очень быстро пожалели о своем решении.

Ничего удивительного, Одноглазый сохраняет за собой монополию на производство. Разумно, никак иначе я данное действие охарактеризовать не могу.

— Кто проводит нас туда?

— Дорога. Она идет как раз в том направлении. Но ваше войско туда не дойдет.

— Отчего же?

— Наши князья скоро встанут на пути... и ты убедишься в моей правоте.

— Хм! Ну-ну. Я прикажу тебя отпустить. И даже дать тебе знак, чтобы никто из воинов не причинил тебе никакого вреда.

Не знаю, есть ли у ордена что-то вроде татарской пайцзы, в крайнем случае — изобретем.

— Зачем это нужно?

— Должны же ваши потомки знать — кто и отчего уничтожил здешнее население.

— Ха! Это легко говорить!

— Сделать — не намного труднее. Сам все увидишь.

— Чем тебе мы так досадили? В чем же виноваты жители наших поселений?

— Вы выращивали красные цветы. Воровали и продавали людей. Грабили и убивали. И все жили на доходы от этого дела. Здесь нет невинных. Пособник бандита — такой же бандит.

— Считаешь, что поэтому можно убить всех?

— Тех, кто сумеет доказать свою непричастность, оставят в живых.

— Таких немного...

— От них и пойдут ваши потомки.

— Кто ты такой, чтобы судить всех?!

— Серый. Еще вопросы есть?

Мужик поник. Надо полагать, вопросы у него еще имелись, вот только задать их он не решился.

— Отпустите его! — поворачиваюсь к группе иерархов. — Он сказал все, что знал. Дайте ему знак, чтобы никто не тронул ни его самого, ни его семью.

— Семью? — спрашивает крайний из них. — Никаких семей уже не осталось!

— Ну, так пусть идет один...

Вторые сутки бронированная колонна скрольцев методично прогрызает себе дорогу. Именно так, ибо горцы слетелись отовсюду. Особым умом предводители их отрядов не блистали и оттого сначала пытались опрокинуть нас лобовыми атаками. Щас... После шестой попытки им стало ясно, что это не самая хорошая идея. Наемники методично перемололи в мелкий фарш горских всадников. В первый раз я увидел, как сходятся в лобовой сшибке отряды кавалерии. Впечатляющее зрелище, надо сказать. Скрольцы почти всегда действовали одинаково, проявляя при этом отменную выучку и слаженность.

Их конные стрелки засыпали противника стрелами с дальней дистанции, а первые ряды наемников, ввязавшись в схватку, не давали противнику подойти к лучникам. Отдельных, особо резвых и удачливых горцев, сумевших прорваться через первые ряды скрольских всадников, расстреливали уже в упор. До строя лучников никто не дошел.

Получив такой сокрушительный облом и потеряв при этом около семисот человек только убитыми, князья решили изменить тактику. Завалив проход камнями, предводители горцев расставили своих воинов по верхушкам окрестных скал. После чего, подготовив, таким образом, нам достойную встречу, они успокоились и стали ожидать дальнейшего развития событий.

На первый взгляд предводителям орденового войска это было абсолютно по барабану.

Не выказывая ни малейшего интереса к приготовлениям князей, они расположили свои войска на отдых. При этом войско адептов встало несколько поодаль от лагеря наемников, предоставив тем возможность всласть оттянуться на окрестных поселениях. Те и не замедлили этим воспользоваться, и вскоре по появившимся дымам можно было без труда определить их маршруты передвижения. Из лагеря умчалось на разбой около трех тысяч скрольцев, так что незавидная участь, ожидавшая местных жителей, вырисовывалась совершенно очевидно.

М-м-да... они, похоже, решили превратить всю прилегающую территорию в безлюдную пустыню. Не скажу, чтобы эти их намерения вызвали у меня горячее возмущение. Здесь жили наши враги, в среде которых грабежи и убийства чужих мирных жителей были возведены в ранг доблести. И каким образом можно было бы переломить вековые установки, я не предполагал. Наверное, такие способы присутствовали, беда состояла в том, что у меня в данный момент не имелось никаких возможностей для их поиска и реализации. Можно, яшень пень, поднимать благосостояние здешнего населения, постепенно отучая их от вековой привычки жить за счет чужого горя. Никто и не спорит, путь правильный и гуманный. Но вот только за это придется заплатить весьма немаленькую цену. Кровью мирных жителей предгорья. Ибо эти привычки не пройдут за день. И за год не пройдут, даже и за десять лет. Как грабили и убивали — так и продолжают. Те из горцев, что жили

мирным трудом (а здесь и такие были), глядя на своих «удачливых» соседей, тоже понемногу втягивались в этот кровавый бизнес на чужом несчастье. Понятное дело, что забрать чужое всегда проще, чем создавать свое. Ну что ж, ребятки, теперь у вас есть возможность побыть в чужой шкуре. Посмотрите, каково это, когда в ваш собственный дом вваливаются такие же отморозки, каких вы пытаетесь вырастить из собственных сыновей. Истинное предназначение мужчины — путь воина! Так, кажется, у вас говорят? Ну, так получайте на свою голову таких вот «истинных мужчин»! И попробуйте им с е й ч а с растолковать, что грабить и убивать — нехорошо.

Как аукнулось — так и кукукнулось. И никак иначе, дорогие вы мои. Долг, он платежом красен.

Безжалостные действия наемников очень скоро дали свой эффект. Доселе спокойно сидевшие на скалах горцы заволновались. Отдельные храбрецы стали спускаться вниз и вызывать на единоборство своих противников. С таким же успехом они могли долбить кулаками по скале, дабы ее обрушить. Молчаливые просто их проигнорировали. Тогда вниз спустилось уже несколько десятков человек. Выстроившись перед лагерем, они стали бить мечами о щиты, вызывая желающих на поединок. Из лагеря неторопливо выехало около трехсот конных стрелков. Остановившись неподалеку от поединщиков, они методично их перестреляли. Всех до одного. Раненых спокойно дорезали. Мертвые тела беззастенчиво ограбили, сняв все мало-мальски ценное, и бросили их на дороге на поживу стервятникам. Сидевшие на скалах их товарищи орали сверху, выражая свое возмущение. Бесполезно, никакие крики ни на кого не действовали.

На следующий день сверху спустился парламентар. Около часа он проторчал перед лагерем, ожидая какого-то внимания к себе. Подъехав к иерархам, я поинтересовался: выйдет ли к нему кто-нибудь?

— Зачем?

— Ну... наверное, он хочет что-то сказать?

— Ну и что? Может говорить, ему никто не мешает.

— Но ему, видимо, и ответ нужен.

— Иди и ответь. Нам он неинтересен.

Тем не менее один из них со мною все-таки поехал.

Вот и парламентар. Немолодой, лет тридцати, мужик нервно рассказывает около дороги. Доспехи неплохие, стало быть — князь. Или кто-то в этом роде.

— Чего тебе от нас надо? — нехотя спрашивает мой сопровождающий.

— Что вы хотите?

— Нам нужна голова вашего предводителя.

— Иди и возьми! Зачем для этого разорять окрестные поселения?

— Они нужны вам всем. Голова же предводителя нужна ему одному. Вот и прикиньте — что и кому ценнее. Вам — ваши села или одна-единственная голова? К тому же — чужая?

— Он — наш вождь!

— А жители сел — ваши семьи. Дети и родители. Ты готов ими пожертвовать во имя своего вождя?

— Так не воюют! Вы деретесь бесчестно!

— Мы воюем так, как нам это удобно. Нравится это тебе или нет — изменить ничего нельзя.

— Почему?!

— Нам так удобно. А ничье чужое мнение нас не интересует. Принеси голову вашего вождя — и мы уйдем.

— Вы все останетесь здесь! Мертвыми!

— Попробуй. Если бы вы могли это сделать — давно бы уже напали.

— И как много вы тут сможете ждать? У вас скоро иссякнут все запасы еды!

— Еще привезут. Ведь так? — смотрит на меня иерарх.

— Привезем, — киваю я. — Сколько будет надо, столько и привезем.

— А, ты! — поворачивается ко мне горец. — Мы все знали, что Серые — исчадия ада, но даже и у вас должны же быть какие-то...

— Что? С чего это ты взял? — вкрадчиво интересуюсь я.

— Тебе-то что нужно?

— Хочу уничтожить вас всех.

— Почему?

— Не нравитесь вы мне...

Словом, переговоры не удались. Обе стороны расстались, несолоно хлебавши. Только вот не показалось мне, чтобы иерархи ордена были уж совсем круглыми отморозками. Нет, тут явно присутствовал какой-то расчет... какой?

А к горцам тем временем подходило подкрепление. На скалах они уже маячили сотнями. По самым приблизительным прикидкам, нам противостояло не менее пяти-шести тысяч человек. Не есть хорошо. Ударь они сейчас вдоль дороги, орденское войско может и не выдержать. Какими бы хорошими рубаками ни были наемники, но в данных условиях никакого пространства для маневра у них не имелось. Горцы просто задавят массой — их почти вдвое больше. До-

рога, выходящая здесь на относительно широкое и ровное плато, далее сужалась до нескольких метров и шла между относительно крутыми скалами. На этих самых скалах сейчас сидели озлобленные горцы. И тянулась эта кишка километра полтора. А все войско Молчащих расположилось в восьмистах метрах перед горловиной прохода. Расположение наемников прекрасно было видно с высоты этих самых скал. Да, дострелить до нас сверху защитники прохода не могли. Стрелы просто не долетали, не говоря уже о камнях. Потому что мы находились вне зоны их обстрела. Но это значило и то, что мы не могли мешать горцам выйти с узкой дороги на ровное место. Вот как они вылетят галопом из прохода да доскачут до нас... Вскочить-то на коней скрольцы успеют, даже и строй организуют. А вот набрать скорость для ответного удара — уже нет, не хватит места на разгон. Напрашивалась, правда, одна идея — запереть проход и методично перемалывать в его горловине вражескую кавалерию. Ничего сказать не могу — идея хорошая.

Но!

Как раз на выходе из прохода стояли две скалы, густо облепленные разозленными стрелками и пращниками. Именно их товарищей недавно расстреляли лучники скрольцев. Уж теперь эти-то горцы своего не упустят. И все запасы стрел и камней неминуемо упадут на наши головы. Так что запереть в проходе горскую кавалерию нам не светит.

Есть, конечно, и орденская пехота. Но в деле я их не видел. Хотя и мог уже прикинуть их возможности. Так вот, до моих пехотинцев они явно не дотягивали. И противостоять атакующей в плотном строю кавалерии не могли.

В чем же состоит задумка ордена? Они не лопухи, и головы ихние соображают быстро. Я уже имел возможность в этом убедиться. Иерархи чего-то ждут...

— Сандр!

Выламываюсь из сна и пытаюсь врубиться в происходящее.

На улице темно, и поэтому я не сразу замечаю около себя темную фигуру. Лексли!

— Чего тебе? — также шепотом отвечаю я.

— Орденская пехота куда-то уходит.

— Куда же?

— Да кто их знает... Вокруг палатки охрана, никуда пройти не дают. Неспроста это все...

Выскакиваю на улицу.

И почти тут же утыкаюсь в часовых. Они стоят вокруг палатки сплошной стеной, только что за руки друг друга не держат. А вдали я слышу неумолчное шарканье подошв — мимо нас идут люди. Не лошади, ибо стука копыт не слышно.

Кладу руку на клинок.

Обострившееся зрение позволяет мне увидеть длинную колонну пехоты, которая, стараясь производить как можно меньше шума, движется в сторону выхода из прохода.

Ночной штурм?

Умом они там все двинулись?

Ладно, прицельно стрелять нельзя, но ведь для того, чтобы спихнуть несколько тонн камней сверху, особая прицельность как раз и не требуется. И хватит всем.

Делаю несколько шагов вперед и утыкаюсь в часового.

— Туда нельзя, — говорит он, не поворачивая головы.

- Отчего?
- Таков приказ.
- Позови старшего!

Часовой чем-то щелкает, и почти сразу же я слышу звук шагов. Из темноты появляется высокая фигура и идет к нам.

- Слушаю тебя, Серый.
- Что происходит? Вы уходите?
- Нет. Мы остаемся. Те, кто сейчас выходят из лагеря, имеют свое задание.
- Какое?
- Не знаю.
- Почему меня не пропускают? Я хочу видеть Решающего!
- Тебя проводят к нему. Подожди немного.

Собеседник мой разворачивается и уходит. Нельзя сказать, что он слишком уж поспешает. Мои провожатые появляются только через полчаса. Ни слова не говоря, часовые расступаются в стороны, и вокруг меня смыкается плотное кольцо подошедших воинов. Это именно воины, я различаю даже детали добротных доспехов, оружие. Не простые адепты и не наспех обмундированные мастера тайных пакостей. Так непринужденно и в некоторой степени, изящно, носят доспехи только опытные солдаты.

Наша группа неторопливо идет в глубь лагеря. Так, где-то здесь стоят палатки предводителей... ага! Вот и они.

- Ты хотел меня видеть? — это Решающий.
- Да. Что происходит? Куда уходят воины?
- Вообще-то у нас война. Ты не знал?
- Догадывался. Но куда они идут ночью?
- Туда, где они сейчас нужнее.

— Но... я мог бы быть полезным.

— Среди твоих талантов есть и способности полководца?

— Ну, не сказал бы так.. но...

— В таком случае — не мешай. Все увидишь утром.

Однако и поутру ничего необычного я так и не увидел. Все тот же лагерь, те же палатки. А празднующихся людей у ордена и раньше не отмечалось. И — никаких следов ушедшей неведомо куда пехоты. Скрольцы частично возвратились из своих набегов, так что большая их часть была в лагере. Надо отдать им должное — порядок у них всегда отменный. Вот и сейчас они строились небольшими отрядами — занимались тем, что у нас называлось боевой подготовкой.

Взгляд на проход.

Ого, а тут что-то новое!

Ладно, потопаю-ка я к иерархам. Помню, мне кто-то что-то обещал поутру...

Мне, кстати говоря, ни разу не удалось засечь тот момент, когда они спят. Либо все эти товарищи где-то в разъездах, либо торчат около своих палаток. Может быть, и вовсе спать не ложатся?

Вот и сейчас Решающий, равнодушным взглядом окинув меня, продолжил что-то объяснять своему собеседнику. Высокому, хорошо сложенному воину. Тот молчит, только кивает иногда. Наконец он коротко кланяется, прижимает руку к сердцу и отходит. Садится в седло и отъезжает от нас.

— Чего тебе надо? — неприветливо смотрит на меня иерарх.

— У горцев в тылу горят два костра! Сигнал?

— Наверное... — пожимает плечами Решающий. — По-видимому, подошла их конница.

— То есть они будут нас атаковать?

— Я бы на их месте так и поступил. В ловушку прохода мы сразу не полезли, так что и сейчас этого делать явно не станем.

— Тогда... может быть, мы хотя бы скрольцев построим?

— Зачем?

— Чтобы отразить первый удар горской кавалерии. А там и пехота встанет в строй.

— Разумно. Но несвоевременно. Солнце уже поднялось высоко, и люди устанут стоять в доспехах на жаре.

— А как же горцы? Они жары не чувствуют?

— В проходе сейчас тень. Солнце заглянет туда только к полудню.

— Стало быть, незадолго до этого нас могут атаковать?

— Если у них хватит смелости на это.

Так... Что-то я понимать его перестал. О людях он раньше не то чтобы не заботился — вообще в упор никого не видел. Даже и своих. А тут... жара... доспехи... Может, он и сам того... перегрелся?

— Я бы на твоём месте, — продолжает иерарх, — взял свои вещи и пришел сюда.

— Зачем? У меня и там охрана есть.

— Мало их..

Больше он ничего не говорит, совершенно утрачивая ко мне какое-либо внимание.

Ну, если это не предупреждение об атаке, то я — папа римский!

В темпе собираю барахло — благо, что его немного.

Но разгадка мне на ум так и не пришла. Хорошо, допустим, что мы эту «полянку» защищать не будем. Отойдем... а куда мы отойдем? Ну, ладно, куда-нибудь

да заныкаемся. А потом-то что? Назад, через горы, да поодиночке? Допустим... хотя мысль эта мне совершенно не импонирует.

Ладно, в темпе пораскинем мозгами. Нападения они ждут — и к бабке не ходи. Но войска в боевую готовность пока не приводят. Почему?

Магией бить будут.

Возможно это?

Ну... собственно говоря, отчего бы и нет?

Только вот торчать рядом с иерархами мне тогда вовсе ни к чему. А то долбанет эта самая магия по ним самим — и крандец! Вот и посекут обрадованные горцы всех разом. В принципе ничего против не имею, только вот и мне тогда прилетит... а это лишнее, не хочу.

Какой же из этого вывод будет?

А вот есть тут пригорочек небольшой — туда и полезем. От основных сил относительно далеко, во всяком случае, пятьсот метров точно будет. Там горцы с наскака не возьмут, и иерархам особенно не помешаю. Незачем им некоторые вещи раньше времени знать.

Хотя, может быть, это я такой перестраховщик и воевать они будут традиционными методами. Но и в этом разе стоять рядом с верхушкой ордена мне не нужно. Весь удар на них пойдет, тут тоже огрести можно нехило. Нет уж, в чужом пиру похмелье — это не наш метод. Обойдемся и без этого.

Охрана моя, все полсотни человек, не сказав ни единого слова, безропотно потопала в нужном направлении.

И через полчаса мы уже обживали каменистую высоту. Дав команду завалить камнями узкую тропу, прикидываю, где расположить лучников. Их в охра-

не человек двадцать, не так чтобы до фи́га, но все-таки...

В разгар моих приготовлений сбоку подходит посылный.

— Решающий прислал тебе помощь.

— Кого же?

— Пятьдесят копеечников.

— Пусть лучше лучников или арбалетчиков пришлют. Человек сто или двести. Здесь хорошая позиция, во фланг наступающим стрелять можно.

— Я сообщу ему твою просьбу.

Лишний раз убеждаюсь, что с военной наукой в ордене все обстоит правильно. Не одними скрольцами они сильны. Ибо уже через полчаса по тропке поднимаются полторы сотни стрелков. Лучники и арбалетчики. Доспехов на них почти никаких нет, зато стрел и болтов они тащат целые охапки.

— Тебе просили передать, — подходит ко мне старший охраны, — чтобы стрелки не вступали в битву ранее, чем над шатрами старших братьев не поднимут желтое полотнище.

Ага, так, значит, какой-то план у них все-таки есть! А мозги-то полоскали... Ладно, в чужой монастырь (а уж тем более — в орден) со своим уставом лезть не комильфо. Не поймут. Ну, так и не станем этого делать.

Однако же надо отдать иерархам должное — выгоду моей позиции они просекли разом! Уважаю...

За всеми приготовлениями уже прошло около двух часов, и только теперь я мог спокойно, не отвлекаясь на прочие мелочи, глянуть вниз.

А там было на что посмотреть.

Закончив свои утренние упражнения, наемники выстроили напротив прохода неслабую колонну — человек под тысячу. И вот этот ударный кулак, струнувшись с места, со всей дури прет в сторону прохода.

Так... надо полагать, солнышко кое-кому не только голову напекло. Странно, однако, что все это произошло только сегодня, мы тут уже не первый день стоим. Или раньше солнце было не столь сильным?

Напрасно я думал о наемниках настолько плохо — штурмовать проход в конном строю они не собираются. Перед скалами колонна разделяется на две части, которые разворачиваются соответственно вправо и влево. В момент разворота всадники выпускают тучу стрел. И достаточно точно — вижу, как на скалах падают фигурки горцев. Ответная любезность не заставляет себя ждать — со стороны прохода летят ответные стрелы. Тоже небезрезультатно — под копыта коней покатались всадники, кое-кто в седлах обвис.

Если мне не изменяет память, подобной тактики придерживались у нас монголы и индейцы в Америке. Стрельба с ходу... Что-то в этом есть. По крайней мере, скалы у входа так очистить можно. Ну а дальше? По всей протяженности прохода как быть? Тоже на скаку стрелять станут? Идея занять проход, конечно, правильная, но малость запоздалая. По словам иерархов — там стоят несколько тысяч горской кавалерии, и безучастно смотреть на это они не будут.

А посмотрим-ка на это повнимательнее... Прикладываю руку к рукоятке клинка.

Ага, на скалах заметно шевеление — потащили в тыл раненых. А неслабо наемники стреляют! Столько раненых с первого захода? Да это просто какие-то конные снайперы! Монголы отдыхают, на них глядя.

Новый виток колонны.

И снова на скалах падают люди.

Падают они и среди нападающих.

Ага, командование приняло решение атаку прекратить. Над палатками поднимаются флаги черного цвета, и, повинуясь этому приказу, наемники, подбирая с земли раненых и убитых, оттягиваются назад.

Чегой-то они? Вроде бы успешно атаку начали?

Вот оно в чем дело!

Из глубины прохода появляются первые ряды горской кавалерии.

Сейчас нас будут бить...

Среди наемников движение — они выстраиваются поперек плато. Странное дело, но они отчего-то выбрали для этого самую широкую его часть. Совсем рядом с нами, кстати говоря. Всего-то метров пятьсот.

Даже на первый взгляд их немного, гораздо меньше четырех тысяч. Пожалуй, что и вдвое. А прочие куда делись? До сих пор грабежами занимаются? Ох, чую я тут что-то такое...

Бросаю взгляд на лагерь.

Надо сказать, что палатки орденское воинство поставило очень грамотно. Вытянув вдоль дороги, пересекающей плато, они расположили свои обиталища правильными рядами, оставив между ними достаточно широкие проходы. Метров по пять, не менее. Во всяком случае, конные наемники двигаются по ним, почти не снижая скорости. Правда, и пехота по этим проходам не ходит, пользуются боковыми, такими же широкими. А вот конница в боковые проходы не заезжает. Хотя, некоторая непоследовательность есть и здесь. Оставив достаточно большие проходы между рядами палаток, Молчашие отчего-то приблизили сами палатки друг к другу, так, что между ними и пе-

ший-то не всегда пройдет. Странное решение, если не сказать сильнее.

Сейчас я вижу, как из палаток, не торопясь, выбирают их обитатели. Отчего-то они не спешат построить на пути вражеской кавалерии стену щитов и копий, подобную той, что я в свое время видел в исполнении капитанских солдат. Вместо этого они собираются небольшими отрядами, человек по две-сти, и неподвижно стоят около своих палаток.

Нет, часть из них, повинувшись командам, все-таки вытягивается поперек плато. Но цепочка эта совсем жидкая — всего-то четыре ряда пехотинцев. Первые два — копейщики, а позади них стоят стрелки. Они что, таким макаром хотят остановить вражескую конницу? Будь у лучников винтовки — в это можно было бы поверить. Но сделать это стрельбой из луков? Сомнительно... Какую-то часть атакующих задержат наемники, сколько-то их падет от стрел лучников, но тысячи три-четыре, если не больше, точняк до лагеря дойдут. И устроят там кровавую баню. Если еще и горская пехота подойдет... будет совсем кисло.

А из прохода тем временем выезжают все новые и новые всадники. Они уже растянулись поперек плато и сейчас начинают формировать ударную колонну. Их идея проста, как мычание. Мощный таранный кулак кавалерии без особого затруднения прорвет цепочку наемников. Ненадолго задержит их и пехота. Ну, человек пятьсот или тысячу они на этом потеряют. Но, прорвавшись в лагерь, расквитаются за это с лихвой.

Поднимаюсь на склон и притрагиваюсь к рукоятке клинка.

Ага! Вот и горская пехота, точно так, как я и думал. Выбегают из прохода и выстраиваются позади всадников. Надо думать, это совсем уж откровенная гольтьба — те, у кого нет денег на лошадей. Но для того, чтобы дорезать разгромленные и рассеянные кучки противника, хватит и этих.

— Беги к палаткам старших братьев! — озадачиваю ближайшего охранника. — Скажи, горцы двинули свою пехоту, стало быть, позади них кавалерии нет. Иначе они, пробиваясь вперед, стопчут конями своих же пехотинцев.

Охранник кивает и убегает вниз по узкой тропке.

Так, сколько же тут горских всадников? Тысяч... восемь, пожалуй. Возможно, что и больше. Да пехоты тысячи три-четыре. И на скалах... тысяча, а то и больше. То есть силы приблизительно равные. Угу... если не считать того, что почти половина наемников и неведомо сколько пехотинцев в битве не участвуют. Помимо этого, у горцев преимущество в кавалерии. Они собрали ее в плотный кулак, и остановить его сейчас будет проблематично. Орденскую оборону атакующие прорвут, это совершенно очевидно. Интересно, а иерархи это понимают?

Должны, не совсем же лопухи тут собрались? Даже если и так, то уж среди наемников опытные командиры есть, и они просто обязаны сообщить иерархам о своих сомнениях. Но все равно — верхушка ордена проявляет просто вопиющую некомпетентность. Нельзя так выстраивать свои силы!

А как можно?

Ответный кулак сформировать? Наемники лучше вооружены и более опытны. Это плюс. Орденская кавалерия и пехота проявляют полное пренебрежение

к собственному самосохранению. В бою это очень весомый аргумент. Второй плюс.

И?

И все...

Разве что магия...

Но про нее я знаю весьма немного. И сколь она будет эффективна в бою? У горцев теоретически есть и свои колдуны. Одного я даже сам видел. Но опять же — сколь они будут эффективны здесь?

Так что, минус на плюс... пожалуй что и ноль... Не сильно тут магия поможет.

А у горцев плюсов куда больше. Глядя сверху на готовящиеся к атаке отряды, можно было предположить, что они стянули сюда почти все свои силы. Почти? Да всех они сюда пригнали! Мы тут уже десять дней стоим, наверняка все, кто хотел, успели прийти. Да наемники вырезали в окрестных поселениях не менее двух тысяч только мужчин, из которых почти половина могла держать оружие. Тем самым они противника ослабили — это факт. Но, занимаясь этим, дали возможность князьям собрать остальных. И это — тоже факт.

Так-так-так... а какая-то мысль у меня была... Князья... Точно! Вот еще один плюс ордену — единоначалие. А горцы даже сейчас выстраиваются по родам — и это сверху хорошо видно. Стало быть — общего командования у них нет.

Новый гонец понесся к палаткам иерархов.

Звук трубы!

И плотная масса горской кавалерии стронулась с места. Понемногу разгоняясь, она стала терять компактную форму и разбиваться на отдельные кучки. Да уж... это вам не рыцари, приученные держать строй.

Тут каждый — сам себе голова! Гордый воин! Баран безмозглый...

Этим не замедлили воспользоваться наемники. Чуть повернувшись в седлах, они дают залп. Еще один! Промаяхнуться, стреляя по плотной толпе, практически нереально. И под ноги коням повалились первые наездники.

Сделав еще несколько залпов, наемники, вместо того чтобы держать оборону, со всех сил несутся в разные стороны. А вернее — к краям плато. Там кое-где есть небольшие площадочки типа моей. Правда, всех всадников они вместить не могут. И поэтому часть скрольцев во весь дух удирает по основной дороге.

У стоящей цепью орденской пехоты хватает соображения расступиться в стороны и пропустить удирающих. Что, однако же, не мешает всем остальным встретить атакующих плотным ливнем стрел. И на этот раз эффект гораздо более ощутимый, нежели от стрельбы наемников. Ну, яшень пень, стоя на твердой земле, стрелять гораздо удобнее, нежели с коня. Вот и горцы тотчас же ощутили это на своей шкуре.

Но сплошная цепь уже разорвана и пехота, пятясь, отступает к краям плато.

В точности повторяя маневр наемников...

А перед горцами лежит беззащитный лагерь.

Интересно, что сейчас возобладает?

Вековые инстинкты и привычки грабителей или воинская дисциплина?

Будут ли атакующие добивать пехоту и наемников или бросятся грабить лагерь? Наши занялись бы грабежом, а эти?

Да... надо думать, психология разбойников (а кем еще прикажете называть этих головорезов?) везде и всюду одинакова. Только некоторые всадники раз-

вернули своих коней, направив их в сторону отступающих солдат противника. Надо сказать, что сделать это было не так уж и легко — их подпирали несущиеся позади товарищи. Так что выполнить сей маневр смогли далеко не все, кто этого хотел, — их просто увлекла за собой основная масса кавалерии.

Барабанный бой!

Это от палаток иерархов.

Казалось бы, ничего не произошло, но усиленный с помощью клинка взгляд отметил тонкие ручейки дыма, которые начали просачиваться из-под передовых палаток. Дым становился гуще. Серый и какой-то неправильный, он не развеивался по ветру, а повисал низко над землей, основательно затрудняя видимость. Отрава какая-то?

Нет.

Проскочившие эти облачка всадники ничуть не походили на отравленных или одурманенных. Тогда, позвольте спросить, за каким рожном эти фокусы? Ничего, кроме того, что облака дыма затрудняли видимость на ограниченном участке, не произошло. Разогнавшиеся конники проскакивали этот участок за несколько секунд.

Снова бой барабанов.

В дальнем конце лагеря, там, куда ускакали наемники, замечаю движение между рядами палаток. Распахиваются их боковые стенки, и в проход вытаскиваются... что это?

Рогатки.

Простое и эффективное средство против атакующей кавалерии.

Понятное дело, что один ряд этих заграждений не сможет остановить всю массу кавалеристов. Да, потери будут, и весьма серьезные. Покалечатся кони, и множество всадников посворачивают себе шеи, вы-

летев из седел. Но основная масса конницы пройдет дальше. В том случае, если рогатки поставлены в один ряд.

Но здесь — не один ряд.

Не менее шести, разнесенных по глубине. И лучники с копейщиками между рядами.

Первые ряды конницы с размаху налетают на заграждения, и там немедленно начинается куча-мала.

Всадники начинают отворачивать коней в сторону.

Ну, скорее всего, и там вас что-то нехорошее ждет...

Так оно и оказалось.

При попытке свернуть вбок кавалеристы внезапно обнаруживают, что абсолютно аналогичные сооружения стоят также и внутри палаток.

Дорога, таким образом, оказывается разделенной на коридоры. И в эти коридоры продолжает вливаться масса атакующей конницы.

Хрипло ревут трубы. Чем-то похожие по звуку на узбекские карнаи. Во всяком случае, от сигналов горцев они отличаются очень даже основательно.

И по этому сигналу из укрытий по обе стороны дороги поднимаются лучники.

М-м-да... тяжело сейчас горцам. Скорость конница уже потеряла, перепрыгнуть с места оцетинившиеся остриями заграждения — задача весьма нелегкая. А под непрерывным ливнем стрел — так и вовсе невыполнимая.

Оставшиеся в тылу орденские пехотинцы бросаются к крайним палаткам. Отчего-то я совсем не удивлен, увидев, как влекомые ранее скрытыми канатами из палаток начинают выдвигаться такие же рогатки. Понятное дело, что столь же основательное заграждение, как впереди, здесь устроить невозможно. Но

затруднить возможность отхода — вполне по силам. Да и, кроме этого, здесь есть еще один неприятный сюрприз.

Бегом возвращающиеся на свои позиции пехотинцы ордена. Не менее тысячи копейщиков и столько же лучников. А вся кавалерия горцев — к ним спиной.

Пока.

Но скоро они очухаются и ударят на прорыв.

Вот зачем был нужен дым!

Дымзавеса выполняет сразу две задачи.

Дезориентирует атакующих, не позволяя им рассмотреть спешно возводимые заграждения.

И прикрывает возвращение отступивших пехотинцев. И вот этот сюрприз — самый неприятный. Копейщики стоят сразу же у рогаток. Концы копий прижаты к земле, а острия смотрят в сторону горцев. Пусть только перескочат кони через рогатки — и их примут на копья. Запирая выходы из узких коридоров, стоят плотные группы копейщиков — не менее десяти-пятнадцати человек по фронту и по шесть-восемь в глубину. Да, остались свободными участки между проходами — там где стоят палатки. Но в них еще надо как-то попасть! Но в палатках расположены аналогичные препятствия, так что на лошади там не очень-то поскачешь... А тут еще и лучники наготове. До копейщиков еще надо добраться...

Но есть еще и пехота. Та, которая сейчас изо всех сил спешит на помощь к кавалеристам. Точнее, спешат не упустить свою долю в разграбляемом лагере. Что там сейчас происходит с их товарищами, они не знают. Дым и пыль закрывают от них сейчас все происходящее впереди. Вот и спешат болезные... боятся, что все без них разграбят. С высоты своего расположения я хорошо различаю отдельные фигуры. Вооружены они разносортно. Доспехи есть не у

всех, оружие самое разнообразное. Кое у кого даже обычные дубинки. Что ни говори, а страсть к наживе — мощный стимул. И даже жизнью своей они готовы рискнуть, лишь бы урвать что-нибудь на халяву. Вы скажете — месть? За убитых товарищей? Щас... Тут еще родовой строй и чувство локтя распространяется только на своих. То есть — на родственников. Тех, что живут рядом. В одном селении. А пострадавшие роды — чужие, стало быть, их и пограбить можно иногда. А про чувство мести вспомнить только в нужный момент. Вот как сейчас, например.

Снова рев труб. Над палатками поднимается желтое полотнище.

— Залп! — ору я во все горло.

И с нашей горки на пехоту противника сыплются стрелы. Не отстают от нас и стрелки на плато. Пока еще нет отступающей кавалерии, они поворачиваются к набегающим пехотинцам и накрывают их плотным залпом. Вижу, как бегают между рядами лучников подносчики, сбрасывая на землю пучки стрел.

Вопль расстреливаемых горцев слышен даже у нас. Не ожидавшие такой подлянки, они буквально десятками валятся на землю. Боевой пыл у них моментально угасает. И, развернувшись на месте, они с такой же скоростью бегут к проходу.

Так, с этими все ясно.

Оборачиваюсь к лагерю.

А вот и пропавшие наемники...

Плотные ряды скрольцев неторопливо выезжают из-за поворота. Остановив коней у последних рогаток, они вносят свою лепту в расстрел горской кавалерии. Здесь и те наемники, которые только что убегали по дороге. Заманивали, так сказать... Да... похоже, что брать пленных орден не намерен. Ну и что? Мне-то с этого какая печаль? Чем больше горцев ля-

жет здесь — тем меньше их придет в долину, грабить моих людей.

А у прохода что происходит?

Вижу, как бегущая пехота врывается внутрь. Повезло...

Хотя...

Это еще бабушка надвое сказала.

Следом за ними прищпоривают коней те из наемников, которые успели отступить на края плато. Их не очень много, но уж с полтысячи всадников точно будет. Но вот стрелки на скалах... как их пройти?

В этот момент над первыми рядами скрольцев поднимается черное полотнище. И с верхушек скал на убегающую пехоту летят стрелы вперемешку с камнями.

А вот это — все!

Полный и окончательный разгром.

Мало кто из них добежит до спасительного выхода...

— Наши воины еще ночью поднялись на скалы. Там было мало часовых, все спали. Никто не ожидал такого нападения. — Решающий придерживает коня, переступающего через груды тел. — Многие из воинов сорвались при подъеме. Все они умерли молча, чтобы не выдать своих товарищей. До утра, как ты понимаешь, никто из спящих не дожил.

— Значит, вся эта перестрелка наемников с мнимыми горцами...

— ...обычная демонстрация.

— Но я видел, как со скал падали люди. И в тыл уносили раненых.

— Они не падали. Прыгали сами. Надо было создать уверенность у тех горцев, что сидели в глубине

прохода и на выходе, что все происходит всерьез. А раненых... Их не было. На руках уносили вполне здоровых людей. Нам было нужно пройти на позиции стрелков и пращников, которые защищали выход из прохода. Мы не смогли пройти туда ночью, не успели их разведать.

— Но их могли узнать!

— Все отряды горцев — из разных мест. Даже их князья — и те не всегда знают друг друга. Что уж говорить об отдельных солдатах? Да и, кроме того, несли раненых. Кто будет мешать тем, кто их переносит? Наши воины надели одежды убитых, так что кровь на мнимых раненых была вполне настоящая. Вот они и вошли беспрепятственно на площадки. Смешались там со всеми прочими...

— И вырезали их тоже? — задаю я вопрос, уже понимая, какой ответ сейчас услышу.

— Да. Именно так.

— А зачем пустили отступавшую пехоту в проход? Могли же их всех перестрелять еще на подходе?

— Пустили не всех. Человек пятьсот. Они бежали впереди наших всадников, и те горцы, что защищали выход из прохода на той стороне, отступили, чтобы их пропустить. Вот скрольцы и ударили по ним. Со стрелками наверху к тому времени уже было покончено. Так что бой был недолгим...

— Вы специально ждали здесь так долго, чтобы...

— ...пришло как можно больше воинов? Да, ты правильно нас понял. Нам гораздо проще убить всех за один раз, нежели долго бегать за ними по горам. Да и в опустевших поселениях проще будет взять добычу. Некому будет мешать.

— А их главный? Одноглазый? Где теперь его искать?

— Не надо его искать. Князья выдадут его сами. Лишь бы мы не трогали их поселений и их самих.

— И вы действительно это сделаете?

— Мы — да. А вот за наемников... отвечают их командиры. Если у князей хватит ума договориться еще и с ними...

— А если не хватит?

— Тебе-то какое дело?

Небольшая площадь села почти пуста. Перед нашим приездом ее наспех убрали от валяющихся трупов, стащив их в узкие улочки. Потушили пожары и даже отодвинули с дороги чадящие головни. Впрочем, даже если бы ничего этого и не сделали, иерархи спокойно проехали бы и прямо по покойникам. Им — не привыкать.

В дальнем конце площади жметя к стенам маленькая кучка людей. Князья. Те, что уцелели или просто не пришли к проходу. Сейчас они все здесь, пытаются выторговать жизнь себе и своим семьям. Надо сказать, что задача эта весьма нелегкая, торгаши из орденских спецов еще те. Своего не упустят и раздевают просителей буквально до исподнего. Орден в темпе возмещает понесенные от меня убытки. При этом никакими эмоциями Молчашие не обременены. Говорят мало и только по делу. Они и так-то необщительны, рядовые адепты со мною вообще не разговаривают, а от прочих услышать более нескольких слов подряд — событие.

Подъехав к кучке князей, Решающий останавливает коня и молча смотрит на них. Под его спокойным и отрешенным взглядом они начинают нервничать.

— Вы пришли сюда, чтобы спасти свою жизнь? — говорит иерарх, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да... э-э-э...

— Высший.

— Да, высший! — отвечает один из князей. Надо полагать, самый решительный.

— И как ты хочешь ее спасти?

— Мы... мы можем заплатить выкуп.

— За себя? Или за всех своих людей?

— А... сколько надо будет за это заплатить?

Решающий наклоняет голову вбок.

Рядом с нами тут же возникает фигурка орденского казначея.

— За жизнь князя... — начинает он свой длинный монолог.

По мере того как он сухо озвучивает ценник, лица у князей вытягиваются. Понятное дело, никто из них на халяву проехать не рассчитывал. Но чтобы настолько не на халяву... Казначей учел буквально все! Наши налоговые инспектора, увидев такое непаханое поле для взыскания бабла, тихо удавились бы от зависти. Мало ли, что в данных местах орден никаких налогов не взимал? (Не думаю, откровенно говоря, что он вообще где-то это делал.) Кто-то же их должен был получать? Вот он и посчитал справедливым окучить местных князей разом за последние десять лет. Королевская власть в то время уже отсюда ушла, так что никто их здесь не стриг. Вот казначей и наворачивает упущенное.

— ...И за каждую корову... — заканчивает он свой монолог.

Потрясенные князья утрюмо молчат. Такая брешь в их финансовом благополучии разом отбрасывает местное население лет на тридцать назад. А учитывая то, что аппетиты самих князей ничуть не иссякнут, — и на все пятьдесят. Амба! На развитии данной местности можно ставить крест. Большой и жирный.

— Впрочем... — меланхолично произносит иерарх, — вы можете попробовать... попросить...

— Вас, Высший? — со вспыхнувшей надеждой спрашивает князь.

— Меня? Ну... в принципе можете и меня попросить. Отчего бы и нет? Попросите. Вот получить... это уже совсем другая песня будет.

Вспыхнувшая было в глазах князей надежда медленно угасает.

— Вы можете спросить у него! — вытягивает в мою сторону руку Решающий. — А он — попросит меня. И тогда... я подумаю.

После этих слов он поворачивает коня и отъезжает. Свернув свой свиток, казначей неторопливо удаляется вслед за ним.

Глаза князей поворачиваются в мою сторону.

— Вы меня знаете? — задаю им общий вопрос.

— Нет...

— Я — Серый.

Общее уныние и растерянность.

— Как вы думаете, чем вызвано вторжение в ваши места?

Выслушав несколько ответов, отрицательно качаю головой.

— Нет. Вы все ошибаетесь. Причина в другом. До той поры, покуда вы занимались разбоями и грабежами — это еще как-то можно было терпеть. Но вы замахнулись на большее!

— Э? .

Поднимаю руку и демонстрирую собравшимся маковый цветок. Недалеко от поселка была небольшая плантация. По моему приказу ее сровняли с землей. А парочку цветов я прихватил с собой.

— Вы стали выращивать э т о !

— Но... нам надо на что-то жить! — пререзается голос одного князя. Самого молодого из всех.

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем, говорю, вам надо жить?

— Э-э-э... ну... все хотят жить!

— Но не все этого заслуживают. Вы — не заслужили.

— Пусть так, — наклоняет упрямо голову князь. — Казни нас, но пожалей остальных!

— Ты сам возделывал это поле? Нет? За что же тебя казнить? Тогда — кто же? Женщины? Дети? Кому я должен отрубить голову?

— Я отвечаю за своих людей! Всегда и во всем!

— Благородно. Уважаю. Но это их не спасает. Ядовитые ростки сорняков очень живучи. И порою, чтобы спасти округу от заразы, проще сжечь все зараженное поле. Оно — здесь! — обвожу рукою вокруг.

Князя молчат.

— Орден получит свои деньги. Ваши жизни, как и чьи угодно еще, для него безразличны. Не заплатят живые — можно ограбить мертвых. Это даже предпочтительнее — не будет мстителей.

— Но... что же нам делать?

— Мне нужен ваш главный. Вы зовете его Одноглазым. Тогда часть денег с вас спишут. По крайней мере — с голоду не сдохнете. Управляющий графства продаст вам зерно и прочую еду. Но! Советую запомнить! О д и н красный цветок — и мы вернемся. Не за золотом, его у вас не так уж и много останется. Но то зло, которое вы принесли в мир, можно исправить. Принеся жертву. Человеческую. По одному человеку за каждый цветок.

Князя угрюмо молчат.

— Я жду вас через три дня...

— Почему орден тебе не мешает? — спрашивает Лексли, глядя вслед отъезжающим князьям. — Ведь им самим нужно это зелье.

— Думаю, что их специалисты уже и сами могут его делать. А вот Одноглазый в данном случае конкурент. Причем очень жадный и с неплохими возможностями для производства. У ордена не было семян — теперь они их возьмут здесь. А уж где посеять... они найдут.

— То есть сейчас ваши интересы совпадают?

— Теперь — да. Скажем так, я их в этом убедил. Ну разве что подтолкнул немного. Рано или поздно, а этот конфликт между ними все равно бы возник. Надо думать, что Одноглазый нехило на них заработал. Драл, небось, по три шкуры, вот и доигрался. Никто не будет долго терпеть такого к себе отношения. Ну а мы таким макаром устраним военную угрозу со стороны гор. Если и не навсегда, то очень надолго. Свой утраченный военный потенциал, усугубленный к тому же еще и неслабым грабежом, горцы будут восстанавливать еще долго. Их нигде и никто не любит, так что не упустят случая лягнуть побольнее.

— И тебе их не жалко? Здесь же живые люди!

— Которые жили за счет несчастья окружающих. Растили, кормили и одевали разбойников. Теперь пусть платят.

— Но не все же это делали?

— Не все. Но как ты мне предлагаешь это выяснять? Пусть в будущем тот, кто решит жить за счет чужого горя, получит у себя дома плюху от соседей прежде, чем это сделают те, кого он обидел. Местное население должно четко понимать — платить придется! И пусть лучше это сделает истинный виновник, нежели вся округа.

— Хм... И ты думаешь, что что-то из этого выйдет?

— Есть другие предложения?

Князья вернулись через три дня. В прежнем составе. Посыльный адепт сообщил мне об этом утром:

— Они ждут тебя на площади.

Погода сегодня была весьма неприятливой, низко нависшие тучи закрыли солнце. Хорошо, хоть дождя не было. Но ветер весьма немилосердно трепал полы одежды и стремился залезть мне за пазуху. Вот и князья. Столпились у стены, о чем-то тихо переговариваясь.

— Утра вам! Не скажу чтобы доброго. Я вижу, что Одноглазого при вас нет. Что так?

— Мы не можем принести тебе его голову...

— Угу...

— ...но можем проводить тебя туда, где он находится.

— Даже так? Хорошо. Но вы должны понимать, что я поеду туда не один...

Ехать оказалось совсем недалеко.

Прибывшие со мной наемники плотно обложили поселение со всех сторон, заняли все выходы и входы. А отряд в полсотни всадников направился внутрь, не отставая от нас ни на шаг.

Перед большим и достаточно роскошным домом горит костер. Около него сидит на корточках коренастый мужик в богатых одеждах. Подбрасывает в костер веточки.

— Вот он, тот, кого ты хотел видеть, — наклоняется ко мне один из сопровождающих князей. — Мы выполнили твое пожелание, не забудь...

— Я помню то, что вам обещал.

Подъехав ближе, останавливаю коня.

— Одноглазый?

Мужик поворачивает голову.

...И на меня словно дыхнуло жарой! Явственно закрипел на зубах песок, и эхом откликнулись вдали автоматные очереди.

Хафиз...

Даже черная повязка на лице у него все та же. Или очень похожая. Только вот постарел он... изрядно. Наркота свое дело знает...

Спрыгиваю с коня.

— Ты не узнал меня, Хафиз?

Он молча смотрит на меня.

— Склероз? — участливо интересуюсь я. — Память подводит?

— Кто ты?

— Вспомни Афганистан. Ваш склад с опиумом, который мы захватили. Ты еще обещал найти нас всех, даже если мы зароемся глубоко в землю. Смотрю, однако же, не очень-то ты торопился выполнить обещанное.

В глазах старого душмана начинает разгораться огонек.

— Гяур... нашел меня и здесь...

— А как же! Думал, что всех обхитрил?

— Да! Я жил так, как хотел! Брал то, что видел! Под моей рукою ходили тысячи!

— И далеко ушли? Вот они, — киваю в сторону князей, стояпившихся поодаль, — сдали своего хозяина с потрохами. Не вижу тут тысяч преданных сторонников. Вся страна лежит в развалинах, и уцелевшие села грабят наемники. Блестящий результат твоих свершений, не находишь?

Хафиз вдруг успокаивается. Даже улыбается.

— Пришел взять мою голову?

— Придется... хотя она не особенно мне и нужна. Но иного способа остановить заразу не нахожу.

— Смелый... а посмотри-ка вон туда... — Он тычет рукою в сторону.

Несколько жутко изрубленных тел лежат в небольшом углублении. Со стороны площади их не особенно видно, а вот с места, где сидит Одноглазый, они хорошо просматриваются.

— Эти трусы прислали своих воинов... тоже за моей головой. Сами побоялись... хотят жить. Не опасешься такого же исхода, а, гяур?

Надо же, как заговорил! По ранам на трупах судя, рубака он неплохой. Чем это он их так? Но как бы то ни было, супротив Рунного клинка его оружие не пляшет. Надо понимать, Хафиз единоборство предлагает? Рассчитывает уйти непобежденным? Хренушки, скрольцы его не выпустят живым, и он это понимать должен. Стало быть, просто хочет меня прикончить. Да, вот это гораздо больше похоже на истину.

— Не опасаясь. Кто-то же должен прекратить это безумие?

— Ну что ж...

Несмотря на все свои минусы и излишества, с ног он вскакивает одним плавным движением. Секунда — и в его руке тускло блестит кинжал. Неслабый такой ножичек, таким и рубить можно вполне. Это он им тех ребят нашинковал? Допускаю... вполне возможно. Ну что ж, дядя, вот ты и отбегался...

Ш-ш-ш-иннь!

Отброшенный мощным ударом Рунный клинок отлетает в сторону. Я его еле в руке удержал.

Вот это номер! Мой клинок не может перерубить кинжал душмана?

— Не ожидал? — ехидно осведомляется Хафиз. — Думал, только у тебя тут есть подобное оружие? Один ты здесь такой? А?

«...Не все мы однозначно становимся на праведную сторону. Увы, бывают исключения и здесь. Никто не совершенен — и нас это касается в полной мере. Не факт, что выбранная тобой сторона будет права на самом деле...»

Вот, значит, как...

Так вот какой кинжал тогда висел у него на поясе... У меня, стало быть, граната, а у душмана — снаряд?

Он — мой союзник? Делающий одно дело? Даже и с Молчащими боролся, наркотой их травил. Своеобразная, надо сказать, борьба.

Ага... и разбой он поощряет, и торговлю людьми... Нет уж! На фиг таких друзей и союзников, с ними тогда никаких врагов не надобно.

Стало быть, рассказывая иерархам о причине моей нелюбви к Одноглазому, я нисколько не соврал? Он действительно враг. Мой личный. И отступник, если иметь в виду Серых.

В таком разе — это мой крест. Понятно, отчего князя не рискнули переть на него лично — знали, чем это обернется. Мол, вы Серые — сами и решайте, кто из вас более крутой. Резонно.

Орден в драку не полезет, во всяком случае, до тех пор, пока моей жизни не будет ничего сильно угрожать. Только вот от этого клинка любая рана смертельна. Могут и не успеть среагировать вовремя. А так ли это? Своим — я могу бриться. А чужим? Не факт...

Хафиз осторожно идет по кругу, прощупывая мою оборону короткими резкими выпадами. Оружие у нас

почти одинаковой длины, так что никаких особенных преимуществ у меня нет. Разве что возраст? Но у душмана — опыт!

Нет преимуществ. Правда, и у Хафиза их тоже нет. Равный бой будет.

Клинки высекают сноп искр. Еще и еще раз.

Так, понятна тактика духа. Будет атаковать меня в верхней плоскости, а потом, выждав момент, рубанет по ногам. То-то он туда глазом косит...

Ладно... учтем.

Снова удар — в голову метит.

Не вышло...

А что, если...

Кинжал Хафиза снова летит мне в голову, но в этот раз я не пробую отбить его оружие в сторону. Подставив ладонь левой руки под конец своего клинка, резко двигаю его вперед-вбок, отводя оружие противника вправо. А инерция удара тянет его на меня. Точнее — на то место, где я только что был.

Р-р-раз!

И не ожидавший такой подянки душман, проваливается вперед.

Локтем левой руки добавляю ему по руке и, прижавшись к его плечу, разворачиваюсь.

Вот он — затылок врага!

Бить в спину?

Но я не подкрадывался к нему в темноте! Бой был честным, и если один из противников переоценил свои силы... то кто ему доктор?

Почувявший неладное, Хафиз начинает разворачиваться, одновременно пытаясь разорвать дистанцию между нами. Щас... в зеркале дураков ищи, родной!

Лови!

Выбрасываю вперед руку!

И все-таки он успел достаточно далеко отпрыгнуть вперед. И, будь в моих руках обычное оружие, все ограничилось бы лишней царапиной. Но не сейчас...

Конец Рунного клинка лишь чуть-чуть чиркнул душмана по шее. И царапина эта, вместо того чтобы налиться кровью, резко белеет.

Толчок в руку, мгновенно полыхнувший ожогом след клинка на груди... и все.

Звякает о камни кинжал Одноглазого.

Ноги его подгибаются, он переступает ими в сторону. Руки и лицо мгновенно покрываются смертельной белизной.

Безжизненное тело падает на землю.

Бой окончен.

Тишину нарушает старший из князей. Тот, что со мною и разговаривал.

— Ты убил Одноглазого...

— Угу.

— По нашим обычаям, теперь можешь претендовать на его место.

— Да? Это не первый горский князь, павший от моей руки. Его место тоже может быть моим?

— Может. Ты согласен их принять?

Так-так-так... какой-то тут подвох...

— А что, кто-то оспаривает это мое право? Ну, раз так... — делаю приглашающий жест, вызываю подобного обормота на поединок, — пусть покажет свое лицо...

Желающих что-то не видно.

— Нет таких? Хорошо, допустим, что я соглашусь. И что из этого следует?

— Ты будешь обязан защитить свой народ!

Вот, значит, как? Хафиз не смог, вот вы его и сдали. А я, стало быть, более крутой, да и с орденом вась-вась, вот и защищай вас теперь.

— И что же ты думаешь, я так и буду тут теперь сидеть?

— Можешь назначить своего представителя.

Это тебя, что ли, родной? А харя не треснет?

— И его будут слушать?

— Если князя признают тебя старшим князем — будут.

— А признают?

Из дружного гомона очнувшихся князей понимаю — признают. Ладно... щас тут кому-то поплохее.

— Тихо все! — поднимаю вверх руку. — А ну — подходи присягать!

Выразительно встряхиваю в воздухе клинком.

— Вот на нем! Клянитесь повиноваться мне, не злоумышлять против меня и моих людей и слушать моего представителя.

Опасливо косясь на меня, князя по очереди целуют оружие. Так, понеслась душа по кочкам! Все, последний присягнул.

— Значит, так, родные вы мои. Со своей стороны, обязуюсь не чинить вам зла, быть справедливым судьей и защищать бедных. А богатые о себе сами позаботятся, им только мешать не надобно. Ну и воевать друг с другом вам более ни к чему. Впрочем, этим делом тут уже мой представитель займется.

Наклоняюсь и поднимаю с земли кинжал Хафиза. Снимаю с трупа ремень с ножнами и убираю туда оружие.

— Лексли! — окликаю Кота. — Иди-ка сюда...

Раздвинув плечом толпу князей, он подходит ко мне.

— Ну? Что еще?

— Держи! — протягиваю ему кинжал и поворачиваюсь к князьям. — Вот он и будет моим представителем! Самый ко мне человек близкий, к королю вхож (в отличие от меня самого), да и воин изрядный! Или кто-то против?

Молчание — знак согласия.

Поворачиваюсь к обалдевшему Коту:

— Валяй, дуй к Старикау, сколачивайте там бригаду и занимайте эти дома! Все понял? Давай, совлом не шелкай! Работы невпроворот!

— Ну, что ж, — говорит Решающий, оглядываясь на последнюю башню, — свое обещание мы исполнили. Нас ведь не в чем упрекнуть? Пока что и со стороны ордена никаких претензий нет. Как я понимаю, миссия Серого здесь завершена? Ты исполнил то, для чего тебя послали?

— Да. Никаких других дел у меня здесь не имеется.

— Вот и прекрасно. Как ты собираешься исполнить оставшуюся часть договора?

— Вы остановите войско в половине дневного перехода от замка. Я вернусь туда и отдам приказ, чтобы его покинули все, кто хочет. Ваши дозоры вам об этом сообщат. И тогда ты сможешь войти в замок.

— А ты сам? Встретишь ли нас в воротах?

— Как и обещал.

— Чтобы не было никаких непонятных моментов... — Иерарх внимательно на меня смотрит. — Когда мы подойдем к воротам... и только тогда! Я отправлю голубя, который передаст мой приказ. Хочешь знать, какой?

— И какой же?

— Прикажу уничтожить те порции яда, которые предназначены для колодцев в трех крупных городах королевства.

— А мне-то с этого что?

— Ну... ты так переживал за простых людей. Мы думали, что это будет для тебя важно.

— Дело ваше. Поступайте так, как считаете нужным.

Иерарх пристально меня разглядывает и, не сказав ни слова, трогает поводья, отворачивая коня в сторону.

Так.. все-таки подстраховочка у них есть... ну, я примерно так и полагал. Только Шерна ожидал, а тут какая-то другая хреновина. Впрочем, зная орден, не факт, что эта хреновина менее опасна. А жаль, что они на Шерн не поставили! То-то облом бы их ждал! Но, увы! Что есть — то есть. Мои планы от этого не сильно поменялись.

Кони продолжают топтать копытами по пыльной дороге, с каждым шагом унося нас от мрачных башен, запирающих выход на равнину. Орденское войско уходит с гор. Оно уже не то, что было раньше. Численность его уменьшилась почти на три с лишним тысячи человек. Большая их часть — погибла. Кто-то из наемников остался в горах, найдя там себе место по вкусу. Многих раненых отвезли вниз. Но оставшееся войско еще достаточно сильно, чтобы, не задумываясь рвануть штурмом на замковые стены. Там ляжет еще половина из тех, что остались, а вот сможем ли мы отбить штурм? Не думаю, эти парни свое дело знают. А ведь тогда орденское войско и до городов добратся сможет. И тогда...

Нет, решение принято, и менять его уже поздно.

Через пару дней войско ордена остановилось на отдых. Раскинулись знакомые прямоугольники палаток, задымили костры, и молчаливые бдительные патрули отправились по уже привычным маршрутам. А мне пришлось собираться в дорогу, до замка осталось два дня пути. Со мною вместе отправились неслабый отряд наемников и сотня конных стрелков ордена. Вели они себя вполне корректно, и над душою никто не стоял, требуя, чтобы я двигался побыстрее. Однако же и я сам не собирался зависать в дороге, времени и так было немного. Еще с гор мною был отослан в замок условленный сигнал — внешне совсем невинное послание. Все ли там правильно поняли?

Поднявшись на очередной пригорок, облегченно вздыхаю. Да, сигнал поняли правильно...

— Ждите меня здесь, — поворачиваюсь я к своим провожатым.

— После того, как мы своими глазами увидим твой въезд в замок, — невозмутимо отвечает мне командир скрольских сотен.

— Ничего не имею против. Только для этого не нужно подходить к воротам всем отрядом. Хватит и пяти человек.

— Не возражаю, — наклоняет он голову, увенчанную тяжелым шлемом.

Уже перед самыми воротами прощаюсь со своими провожатыми.

Привычно грохочут по камням воротного прохода конские копыта. Знакомо скрипят тяжелые створки ворот.

- Милорд! — встречает меня в воротах взволнованный управитель. — Вы вернулись!
- Да, Логен, как видишь. Епископ здесь?
- Они оба здесь!

Впрочем, я уже и сам это вижу. От нашей штабной башни торопливо идет ко мне знакомая фигура.

Гройнен!

Приехал-таки... успел...

— Ваше преосвященство! Ну, право слово! Я и наверх бы поднялся, стоило ли так себя утруждать?

Вместо ответа старик меня крепко обнимает. Молчит.

Даже неловко как-то... он намного старше меня, да и фигура куда как более уважаемая.

— Ты вернулся...

— Да куда б я делся, ваше преосвященство?

Меня хлопают по плечам, тискают в объятиях... понеслось...

— Мы получили ваше письмо, милорд. — Барон стоит перед столом, положив руку на рукоятку меча. — Для вывоза продовольствия и запасов привлекли всех, кого смогли. Но... запасы слишком велики, мы не можем... не успеем вывезти все.

— Что не вывезете за два дня — бросайте без сожаления. Оружие?

— Это успеем, милорд. Письма к ордену святого Вайта заготовлены, вам осталось только их подписать. Войска готовы к выходу.

— Спасибо, барон! Я знал, что могу на вас положиться! Не задерживаю вас более, занимайтесь своим делом.

Лэн коротко кивает и, повернувшись, выходит из комнаты.

— Ну, теперь я готов ответить на все вопросы, — поворачиваюсь к оставшимся.

Их немного, нет Лексли, чью невозмутимую морду я привык уже видеть ежедневно, нет больше и обоих научных монахов. Перебирает четки отец Варшани, подпирают стену оба спецмонаха. Эрлих стоит у амбразуры, и солнечный луч освещает его усталое лицо.

— Мы знаем о том, что произошло в горах.. — поворачивается он ко мне. — Я все понимаю, это наши враги... но... там погибло множество мирных жителей. Неужели нельзя было никак иначе поступить?

— Нет, ваше преосвященство. Другого пути не было. Но вы еще не все знаете!

Оба епископа озадаченно на меня смотрят.

— Говоря коротко, теперь я — старший князь горцев. Моим представителем там отныне является Лексли, и скоро он прибудет туда, чтобы держать всю эту разбойничью землю в ежовых рукавицах. Ну, конечно, их теперь еще и кормить придется, судить, обихаживать... Словом, делать из них нормальных людей.

— Ты взял на себя эту ношу?! — Гройнен аж привстал.

— Кто везет — тому и валят, ваше преосвященство. А что, я должен был бросить их там подыхать в раздорах и междоусобицах?

— Нет... Ты, сын мой, поступил правильно. По-человечески!

— Ну, слава богу! А то я уж думал, что вы меня за это взгреете!

Старый епископ улыбается.

— Не взгреем. Но что ты там говорил о тех, кто везет?

— Кто везет — тому и валят. В смысле — добавляют еще.

— Ага! Так я правильно понял...

Он поворачивается к обоим спецмонахам и кивает.

Они выходят из помещения и вскоре возвращаются с немаленьким сундуком. Ставят его на пол и остаются стоять около него наподобие стражей.

— Как ты уже знаешь, сын мой, я недавно отъезжал... Мне надо было увидеть своих собратьев-епископов. Дабы они подтвердили или отвергли общее решение. Так вот — они его подтвердили!

По его знаку спецмонахи открывают сундук. На свет божий появляется приличных габаритов меч. Серьезное и мощное оружие — видно сразу. Почти цвайхандер, разве что чуток поменьше. Брат Рон протягивает его Эрлиху.

— Прими сие оружие, брат мой! — протягивает он мне меч.

Брат?

Не сын?

Беру меч в правую руку.

Ого! Солидное оружие, нечего сказать! А в руке сидит, как влитой! Мастер делал...

Из сундука появляется еще и красная мантия. С помощью монахов Гройнен накидывает ее на мои плечи. Эрлих извлекает из сундука красную шапку и водружает мне на голову. Завершает все массивная серебряная цепь с каким-то медальоном. Она надевается мне на шею.

После этого вся честная компания отступает на шаг и склоняется в торжественном поклоне.

— Приветствуем тебя в наших рядах, брат кардинал! — торжественно провозглашает Гройнен. — И пусть грозный меч в твоих руках внушает ужас нечестивым и защищает обездоленных!

Так.. кардинал.. в этом мире это что-то типа церковного военачальника. Круто! Вот только войск у меня.. на генерала явно не хватает. Хотя бы какой-то корпус подошел.. Но нет его.

Ладно, за неимением гербовой.. будем писать на оберточной.

— Ваше преосвященство... — обращаюсь я к Гройнену.

— Брат епископ!

О как! Брат!

— Простите, брат епископ, у меня есть один вопрос.

— Слушаю тебя, брат кардинал!

— Вон там, в холмах, — указываю я рукою в сторону, где заныкал ядовитые шарики, — там есть кто-нибудь из наших?

— А что им там делать? — отвечает брат Рон. — Дорог там нет, и пройти через скалы невозможно. Два дозора... и все.

Ага, стало быть, мои путешествия в тот день ничьего внимания не привлекли.

— Вот что, брат епископ, — снова поворачиваюсь я к старому епископу, — не скрою от вас, те события, что могут вскорости произойти в замке, влекут за собою различные... э-э-э... неприятные последствия. Причем я и сам не могу до конца представить их масштаб. Не могу исключить и того, что последствия их будут сказываться на людях еще очень долго.

— Что ты хочешь, брат мой?

— После того как все закончится, да будет наложен запрет на это место и ближайшие окрестности. Пусть не дерзнет никто подходить к замку ближе, чем на два часа конного пути.

— Как долго?

— Откуда я знаю? Лет сто... может быть, или боль-

ше. Лучше — больше. Как выясню более подробно — расскажу.

Старик пристально на меня смотрит. С трудом выдерживаю этот взгляд. Наконец он кивает:

— Хорошо. Мы так и поступим.

Оставшаяся часть дня пролетела в беготне и хлопотах. Улучив момент, заскакиваю в кузницу и нахально реквизирую молот у кузнеца. Он себе еще добудет, а вот мне его где потом искать?

Следующий день большого облегчения не принес. Ушли караваны со слугами и остатками ценных вещей. Монахи упаковали и вывезли всю графскую библиотеку и лабораторию. Наркоту оттуда выгребли еще раньше. Злорадно ухмыляюсь, представляя себе морды иерархов.

Оружие... его еще осталось много, граф, будь он неладен, натаскал сюда изрядный запасец. Почесав в затылке, даю команду вывозить его прямо в лес и там где-нибудь заныкивать. Потом откопают.

А вот винный погреб вывезли лишь частично, часть вин так и осталась на своих местах. Все-таки это очень большой замок..

Уже к вечеру понимаю, что если я сей же момент не отвалюсь спать, то завтра буду вообще никакой. И толку с меня будет — как с козла молока.

— Милорд! Ваше преосвященство! Кардинал!

С трудом продрав глаза, соображаю — это все ко мне. Вскрываю с кровати и открываю дверь.

На пороге стоит барон.

— Показались орденские полки.

Так, Молчащие торопятся. Ну, что ж, большего нам уже не сделать.

— Стройте отряды, барон!

Накидываю на плечи красную мантию, на шею цепь с медальоном. Цвайхандер пусть в углу постоит, обойдусь привычным оружием. Хотя...

— Барон!

— Да, милорд кардинал?

Эк он ловко вывернулся! В одном титуловании совместил все мои звания и должности.

— Я вас попрошу забрать этот меч и отвезти его моей жене. Мне привычнее работать своим клинком. Шапку... тоже заберите, да и мантию — не боевое это одеяние.

— Будет исполнено, — наклоняет он голову в поклоне.

Взбегаю по лестнице. Внизу стоят ровные шеренги солдат. Отдельной группой на правом фланге — Коты. Ветер развевает их знамя с оскаленной кошачьей мордой.

— Солдаты! Вы готовились к битве! И вот — это время пришло! Но она будет не на стенах замка! Приказываю вам всем — выйти из замка и занять оборону вон на том холме! Он подготовлен для боя, укреплен, и туда уже отвезли запасы продовольствия.

Оглядываю шеренги. Тишина, все ждут моих слов.

— Я остаюсь здесь! Ибо должен встретить войско один! Не спрашивайте меня, почему и зачем. Так надо! С вами будут ваши командиры — они знают, что им делать!

Снова тихо, даже ветра не слышно.

— Мы недолго пробыли вместе, но я успел узнать многих из вас. И полюбить. Лыщу себя надеждой, что и сам стал небезразличен хоть кому-нибудь. Я не прощаюсь с вами — мы еще встретимся!

Лязг металла — все шеренги опускаются на колени. Склоняются штандарты и знамена. И только флаг Котов остается недвижим.

Секунда-другая — отрывистая команда барона поднимает солдат. Мерно рокочет барабан, и отряды идут к воротам. А от группы Котов ко мне движутся трое. Два знаменосца и сержант Нэпир, замещающий сейчас Лексли.

— Милорд!

— Да, Нэпир.

— Мы установим наше знамя на старой башне — она тут самая высокая.

— Почему?

— Пока в крепости есть хоть один Кот — знамя не может быть спущено или вынесено из нее.

— Но...

Я же не Кот!

Но тут мне вспоминается наклоненный штандарт — тогда, в лагере. Серьезные лица солдат, тяжелый взгляд Старика.

— Да, сержант, выполняйте.

Завернув на кухню, прихватываю забытую кем-то флягу с вином. Не торопясь иду по опустевшему двору. Ветерок гоняет по нему какой-то мусор. В опустевшем замке гулким эхом отдаются мои шаги. Вот и воротная арка.

На улице солнечно! Теплые лучи пронизывают дорожную пыль, поднятую шагами ушедших воинов. Я еще вижу их спины, они не успели уйти далеко. И если сейчас крикну... они встанут на стенах стальной стеной. Засвистят стрелы, и пропитается пыль на дороге густой вражеской кровью.

А потом... потом потечет по стенам кровь их защитников. Силы неравны, и мы не выстоим под ударом орденских войск. Огонь охватит города, и закричат избиваемые наемниками люди. Совсем недавно перед моими глазами уже было нечто подобное.

Нет.

Я не буду звать уходящих солдат. Пусть живут, растут детей, работают. И может быть, когда-нибудь кто-то из них вспомнит вот этот день. Одинокую фигурку у ворот и надвигающееся темное пятно орденской армии.

Провожу рукою по груди. Меч виден там теперь полностью, сегодня в зеркале это было хорошо заметно.

Вот и завершился мой путь. Он был не таким уж и долгим в этом мире. Кто знает, избери я другую манеру поведения, возможно, прожил бы гораздо спокойнее и, уж во всяком случае, — дольше. Но не встретил бы на своем пути многих, дорогих моему сердцу, людей. Не узнал бы любви и счастья — такого ослепительного. Да и были бы у меня дети? А сейчас — будет! Значит, не зря все это пошло именно таким путем.

Порыв ветра доносит до меня рокот барабана — идут орденские полки. Они не слишком спешат, издалека видно, что замок покинули его защитники.

Вот он — твой поворот. И снова, как когда-то в Афгане, стою, ожидая, когда противник подойдет ближе. Только на этот раз нет со мною рядом боевых товарищей. Не вывернется из-за поворота бронетранспортер и не накроет врагов свинцовой метелью крупного калибра.

Это — только мой бой. И я не имею права его проиграть.

Из-за пригорка показываются первые ряды кон-

ных наемников. Впереди, метрах в двадцати, едут несколько всадников.

Иерархи.

Поднимаю руку, и наемники дисциплинированно останавливаются. Только передовые всадники в капюшонах продолжают свой путь.

Подъехав ближе, останавливают своих коней, повинуясь моему жесту.

Передний всадник откидывает капюшон.

Решающий.

— В чем дело? — спокойно спрашивает он.

— Разве в нашем договоре говорилось — въехать?

Было — войти.

— Ты прав, — кивает он. — Спешимся, братья!

Всадники слезают с коней. Подойдя к Решающему, поднимают левые руки. На всех надеты темные браслеты.

Здесь — все те, с кем я заключал договор.

Двое из них держат в руках клетки с голубями.

— Вы готовы?

— Да! — отвечают они чуть ли не хором.

— Возьмитесь за руки. Идите в пяти шагах от меня. Защита замка должна воспринимать вас, как лиц, меня сопровождающих. Не увеличивайте этого расстояния. Но и ближе не подходите.

Господи, какую чушь я сейчас несу! Может быть, послать их в задницу и рвануть вперед? Но пред глазами встает труп мужика, рискнувшего тогда соврать при целовании клинка. Бог вещь, вполне возможно, что мое оружие живет своей жизнью, и как оно воспримет такое нарушение клятвы?

Под аркой ворот тихо и я слышу не только поскрипывание песка под ногами иерархов, но и их тяжелое дыхание. Волнуются, поди... А кто в такой ситуации был бы спокоен?

Вот уже близко арка входных ворот... и тут я чувствую какое-то сопротивление... словно бы ноги в глине завязли... есть!

Звонкий звук лопнувшей струны!

Обернувшись назад, вижу, как осыпаются с рук иерархов темные браслеты. Ого! Но не у всех — браслет на руке Решающего цел.

— Клятва исполнена, — говорю я им.

— Да. — Решающий откидывает на спину капюшон. — Свидетельствую — Серый рыцарь сдержал свое слово.

Что-то несильно толкает меня в грудь.

— Голуби!

— Исполните это, братья, — оборачивается к своим сопровождающим иерарх.

Хлопая крыльями, птицы вырываются из-под низко нависшего свода. Все... отравленная атака отменяется.

— Выполнил ли и я свое обещание? — спрашивает меня Решающий.

— Да. Свидетельствую это.

Тонкая струйка темной пыли осыпается с его руки.

— Нас более ничто не связывает, ведь так? — спрашивает меня иерарх.

— Ничто.

— Тогда... возьмите его! — указывает он на меня рукой.

Трое иерархов вскидывают руки.

Хренак!

Яркая вспышка разгоняет полумрак воротного тоннеля.

И все трое обугленными куклами валятся на пол. Не ту цель вы, ребята, для своей магии выбрали...

Оставшиеся Молчащие ошеломленно пятятся назад.

Не ждали такого сюрприза?

А он у меня — не один!

Резким броском отправляю в их сторону пригоршню арбалетных наконечников. Сила их броска относительно мала, так что поранить они никого не смогут. Вот оцарапать — запросто! Их веса для этого вполне достаточно. А больше — и не нужно.

И еще парочка капюшононосцев оседает на пол. Эх, сейчас бы и главного уконтрапупить! Но я уже слышу стук копыт скрольської кавалерии. Не успеть...

Наверное, я так никогда быстро в жизни не бегал. Бешеным котом проскакиваю половину двора. И только теперь слышу топот копыт под аркой. А этих там ничем не шандарахнет?

Увы...

Жалко. Ну да и хрен с ними.

У меня своя цель есть.

Но пробежать без помех удалось только метров тридцать.

— Вот он!

Заметили. Это плохо.

Но насколько плохо, я понимаю только тогда, когда вокруг меня начинают падать стрелы.

Эх, сейчас бы сюда шкуру... этого, как его... ну, что от стрел защищает.

А нету! Так беги.

Делать нечего — бегу.

До старой башни еще далеко...

Счастье мое, что стреляют пока только конные лучники. На ходу и по движущейся мишени. А то уже давно бы напоминал грозный Серый подушечку для булавок. Так что ждет вас, ребятки, облом-с...

Накаркал...

Уже у самых внутренних ворот меня все-таки достали. Стрелой вскользая по ноге. И второй — в левое предплечье.

М-м-мать! Больно-то как!

Вваливаюсь в ворота и тяну на себя тяжелую створку. Хренушки, не смогу. Одной-то рукой?

А топот копыт все ближе.

Один?

Один кто-то скачет.

Или самый смелый, или самый глупый.

Однако же он мог видеть мое ранение, вот и воспрял духом. Ну-ну... я еще жив и могу укусить. На-смерть, между прочим!

Топот копыт затихает около ворот, и слышен звук прыжка. Ага, это он створку открыть хочет. Ну да, с коня несподручно.

Звук шагов — и на крае створки появляются чьи-то пальцы. Все, что ли?

Ну, мне-то и этого — выше крыши.

Взмах клинка — и с той стороны ворот на землю падает безжизненное тело. А вот теперь — ходу!

Захлопнув за собою тяжелую дверь, выбиваю подпорку, и на пол рушится гора дров. Надежно засыпав дверь почти наполовину. Давайте, парни, тащите таран...

Теперь топаем наверх. С пораненной-то ногою? Не шибко это хорошо. Однако же запасной ноги у меня нет. И ни у кого здесь нет и еще долго не будет. Так что топаем так. Поленце подберем — чем не костыль?

Вот и самый верх башни. Отсюда хорошо видно, как в ворота вливается темная масса орденской армии. Пехотинцы разбегаются по стенам, занимая

оборону. Кавалеристы сворачивают в сторону — к казарме.

Однако же — их тут до фига! Темные фигурки забегают в распахнутые двери построек, бегут по лестницам и переходам.

Бум-м-м!

Ворота закрыли.

Стало быть — все здесь.

Свешиваю голову между зубцами башни. Около башни нездоровое шевеление. Блин, так они же еще и скалолазы? На площадку им лезть не нужно, а вот в окна — в самый раз.

Раз так... Захлопываю люк и приваливаю его камнем, оставшимся от постройки башенки. Глотнув вина, подбираю из укромного места кувалду. Одной рукою... ладно, справимся.

С третьего удара кладка дала трещину, а с десятого — обрушилась. Парой ударов расчищаю проход, обваливая его стенки.

Бросаю кувалду в сторону и подхожу к парапету. На стенах замка уже торчат черные орденские штандарты. Орден спешит объявить себя владельцем замка. Наверняка уже и в подвал кто-то полез... Допиваю вино и выбрасываю флягу вниз. Авось кого-нибудь да приголубит.

Возвращаюсь в башенке.

Вот оно — «каменное сердце».

Поверхность его совсем чистая, даже пыли нет, что удивительно. Стену-то я во весь дух крушил! Хоть и одной рукой.

А кровь у меня из предплечья течет, между прочим! И прямо на это гадский камешек и попадает...

Камень словно включился — почти как телевизор. Поверхность его подернулась дымкой, и на ней

проявился отпечаток чьей-то руки. В смысле — пятно такой формы. И какая же там ладонь? Левая, ладно...

Рука моя внезапно проваливается в глубь камня. Примерно по запястье. Во как?!

Камень словно дышит! Я чувствую, как он обволакивает кисть — назад уже не пустит.

Ну что?!

Тряхнем стариной?

Где же он там — старина этот?

— Пусть все, вошедшие в замок и стоящие сейчас рядом с его стенами, чтобы войти внутрь, — навеки станут пленниками этих камней!

Толчок!

Сильный, аж заходила ходуном вся башня.

Жуткий крик стеганул меня по ушам!

Это кричал не один человек.

Кладу руку на рукоять клинка, и перед моим взором встают замковые стены. Громадные трещины разрывают их на части, и туда, в глубину этих провалов, сейчас падают люди. Ходит ходуном под ногами площадь, покрытая язвами и ямами. В них сейчас соскальзывают лошади и их всадники. С грохотом обрушиваются высокие башни, калеча своими обломками испуганных адептов.

Что-то мягко толкает меня в предплечье. Отпускаю клинок и вижу, как поверхность «каменного сердца» мутнеет... и застывает, обхватив мою ладонь каменными оковами.

Рабом, говоришь, станет?

А вот те хрен!

Выхватив из ножен Рунный клинок, поднимаю его над головой.

Держи!

И тусклый металл клинка проходит сквозь камень, как сквозь масло!

Старая башня, одиноко возвышавшаяся над облаками пыли, внезапно дрогнула. Казалось, на какой-то миг замерли в воздухе падающие камни, зависли облака пыли. И даже грохот разрушающихся стен неожиданно затих.

Башня подернулась веточками молний, которые опутали ее сплошной мелкоячеистой сеткой.

И в абсолютной тишине заскользила вниз, совершенно исчезнув за густыми пылевыми облаками...

Последним скрылся из глаз флаг с кошачьей мордой.

Молодая монашка быстро бежала по коридору монастыря. Увидев ее, все встречные отходили в сторону, давая ей проход. Добежав до двери настоятельницы, она, стукнув по створке кулаком, распахнула ее.

— Мать Олла!

— Что тебе, дочь моя? — подняла на нее взгляд пожилая монахиня.

— У Мирны — началось!

— И слава всевышнему! Оповести епископов! А я пойду к ней, девочке нужна помощь.

Торопливо пройдя по коридорам и миновав двух стоящих у двери Котов, настоятельница вошла в большую, хорошо освещенную солнечным светом комнату. Подойдя к кровати, вопросительно посмотрела на двух монахинь, стоявших рядом.

— Отошли воды, мать Олла.

— Значит, все идет по порядку, — кивнула настоятельница.

Присела на кровать и взяла за руку Мирну.

— Как ты себя чувствуешь, дочь моя?

- Хорошо... он так спешит...
- Мы будем рядом с тобою. И поможем вам обоим. Не волнуйся, все будет хорошо!
- Спасибо, мать Олла.
- Я оповестила епископов, они тоже скоро придут к тебе, чтобы приветствовать твоего сына.

Подойдя к двери, оба епископа остановились. Стоявшая около нее монашка потупила взор.

— Ваше преосвященство, простите, но вам придется обождать.

— Ничего страшного, дочь моя, — кивнул Эрлих. — Мы все понимаем. Сейчас сюда принесут меч его отца — по закону он должен быть положен рядом с сыном. В знак того, что он принимает наследство своего родителя.

Топот ног — и из-за угла выскочили сразу несколько человек. Коты. Бежавший первым, нес в руке цвайхандер.

— Ваше преосвященство! Мы не опоздали?!

— Все в порядке, Нэпир. У нас еще есть вре...

Звонкий крик прорезал тишину. За дверью заплакал ребенок.

— ...уже нет. Но мы успели.

Тяжелая створка медленно приоткрылась, и в коридор выглянула монашка.

— Ваше преосвященство, вы можете войти.

Мужчины, толкаясь в дверях, вошли в комнату. На кровати лежала Мирна, глядевшая на них усталыми глазами. Мимо вошедших прошмыгнула монашка, уносящая ворох окровавленных простыней.

— Как ты, дочь моя? — Гройнен наклонился над кроватью. — И как себя чувствует наш мальчик?

— Все хорошо... Он такой шумный и сильный — схватил за руку мать Оллу!

— Так и должно быть, — кивнул епископ. — Это необычный ребенок — ему уготована великая судьба! Как ты назовешь его?

— Сандром. Пусть он всегда будет со мною.

— Мы принесли меч его отца — он должен быть рядом с ребенком, таков закон. Ведь он сын лорда!

— Да... я понимаю. Положите его...

Нэпир, стараясь не производить шума, подошел к колыбели. Наклонился, примеряясь, как положить туда цвайхандер... и вдруг отшатнулся.

— Ваше преосвященство!

— В чем дело, сержант?

— Посмотрите!

В колыбели, накрытый легким одеялом лежал ребенок. А рядом с ним, примяв своей тяжестью тонкие простыни, тускло отсвечивал узорным лезвием Рунный клинок...

Литературно-художественное издание
АнтиМиры. Фантастический боевик

Конторович Александр Сергеевич
КАРДИНАЛ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ

Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *К. Дубровская*
Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: (495)745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 16.01.2012. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 10 000 экз. Заказ 2762.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-54503-2

9 785699 545032 >

АнтиМИРЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Он сменил серую милицейскую шинель на рыцарские доспехи, а современную Москву – на «перпендикулярный мир» Меча и магии. Он выжил среди «ужасов Средневековья», по сравнению с которыми даже Афганская война вспоминается как курорт. Он восстал против всемогущего ордена наемных убийц, решив изменить этот мир не просто «огнем и Мечом», а собственной кровью. Он готов заплатить за победу любую цену...

Новый роман от автора бестселлеров «Черные бушлаты», «Рыцарь в серой шинели» и «Лорд в серой шинели»! Кульминация «серого» цикла, задавшего новые стандарты жанра. Сверхпрочный сплав «героической фэнтези» с фантастическим боевиком. «Попаданец» в серой шинели принимает последний бой.

